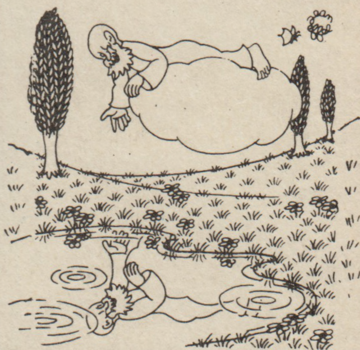
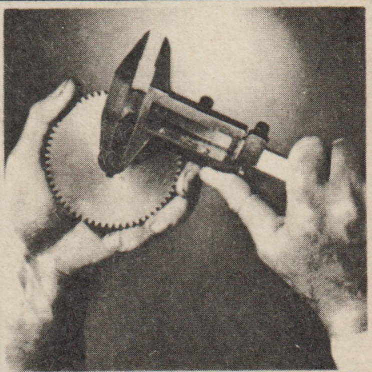
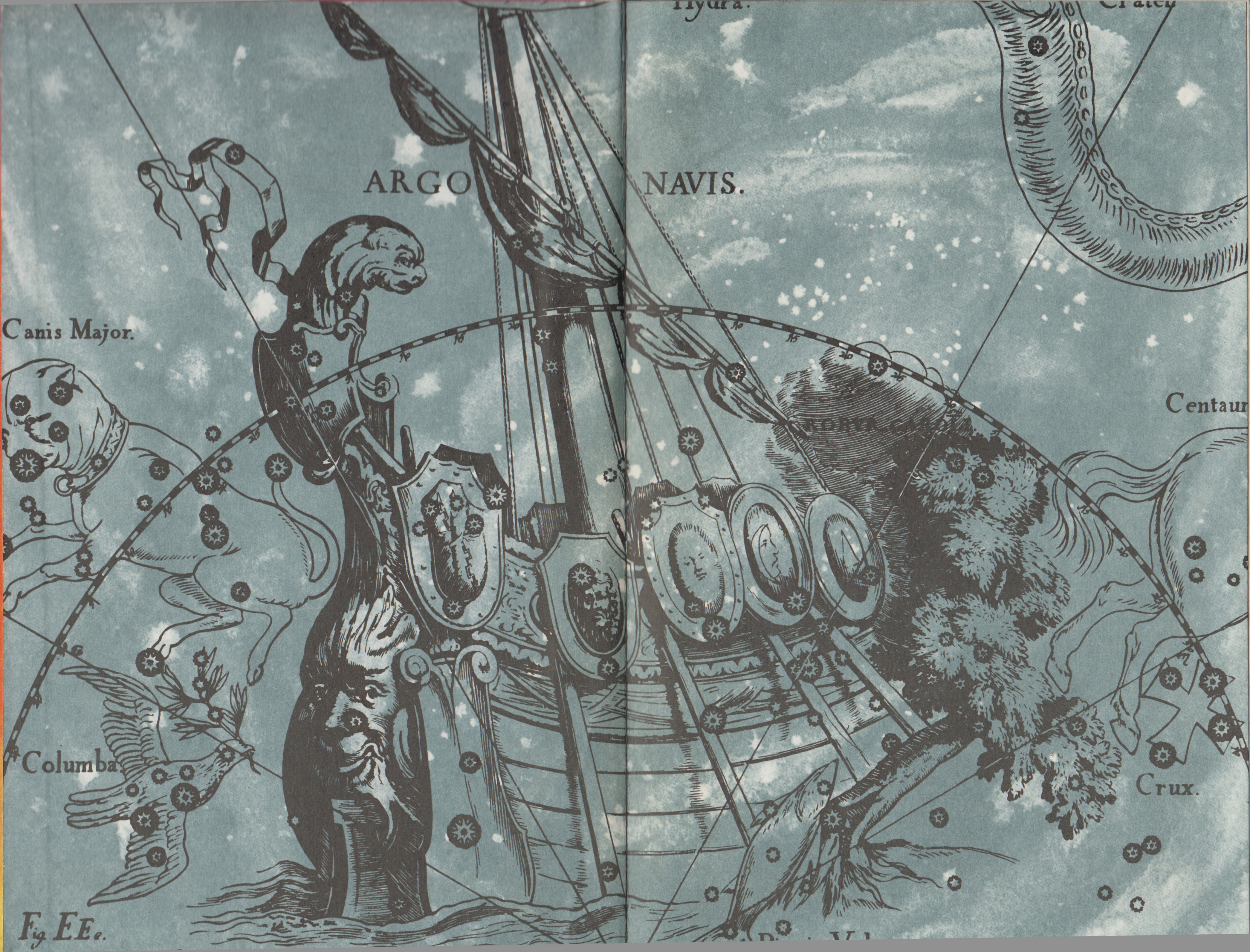

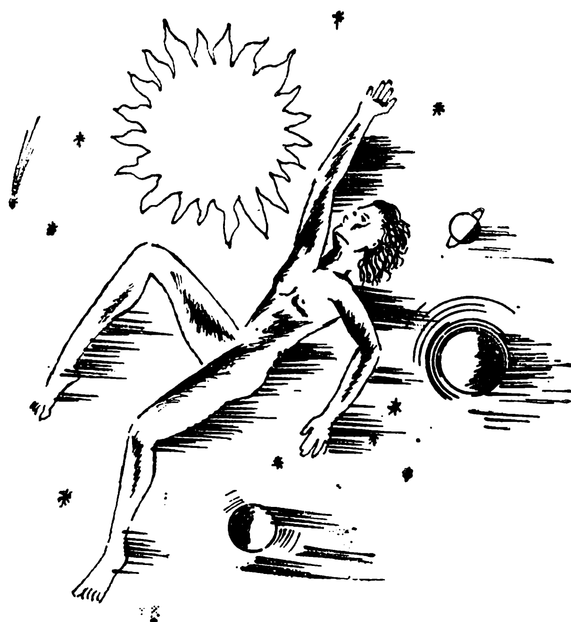

МИР ЧЕЛОВЕКА

Hydra.
Crater
ARGO NAVIS.
Canis Major.
Centaur
Columba
Crux.
Fig. E.E.e.

Составитель
А. Романов

МИР ЧЕЛОВЕКА

Художник
В. Грызлов

МОСКВА
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1976

2
М63

М $\frac{10509-159}{078(02)-76}$ 115—76

К ЧИТАТЕЛЮ

Виноград похож на янтарь. Красноватое солнце пробивается сквозь грозди, высвечивает тронутую осенью листву. Маленькие оазисы оставшихся плодов среди моря земли, уже убранной, приготовленной к зиме. Не тянутся вереницы машин, груженных гроздьями совиньона, рислинга, фетяски.

Урожай набирает силу в огромных чанах. Вино взрослеет, крепнет. Летящий аист — эмблема молдавских виноделов — известен всему миру.

Дорогой попадаются кое-где пожухлые листья кукурузы, подсолнухов. Машина замирает около плотины. Тихо. Шуршит осока. Багровые облака отражаются в темной воде Реута. Узкая речка разделяет два села — Казанешты и Вадулеку, составляющих колхоз «Рассвет». На небольшой стремнине рыбачит пожилой колхозник. Вытягивая бредень, кивком ответил на приветствие.

— Ловится, что ли?

— Есть малость. Попоздней лучше пойдет.

Известный в Молдавии атеист Василий Федорович Гажос тихо говорит:

— Хороший, работящий колхозник. В прошлом сектант, «иннокентьевец». Не раз бывал у «самого» Ивана Куляки.

«Татуней» называли того приверженцы секты, а его брат Александр окрестил себя «Михаилом Архангелом». Был полон когда-то гостями «архангельский» дом. Люди съезжались такие, что на случай, если кто нагрянет, открывалась дверь в потайной подземный лаз. Готовящие себя к «гибели дьявольского мира» могли незаметно выйти уже за огородами.

О тайниках, «комнатах смерти», обо всем, что стояло за изуверской сектой «иннокентьевцев», писалось не раз. 67 лет назад всплыло на поверхность имя иеромонаха православного монастыря в городе Балта Иннокентия. Более полувека ждали крестьяне «страшного суда». И, не дождавшись, вынесли свой суд: «иннокентьевщина» — обман. Ведь в этом под конец жизни признался сам «татуня»: наша земля — нам на ней и трудиться.

«Не было на свете ни одного декрета, который был бы более законным, нежели этот декрет», — писали «Известия» о принятом 8 ноября 1917 года на II Всероссийском съезде Советов Декрете о земле. Заросли дорожки к дому «Михаила Архангела». Ребятишки, обрывающие яблоки в колхозном саду, не знают, что под их ногами были когда-то тайные подземные ходы.

Василий Федорович Гажос не единожды бывал в «Рассвете», писал о замечательном колхозе, рассказывал о его благоустроенности, приводил убедительные цифры: десятки тракторов, комбайнов, автомобилей.

Этого веселого коренастого человека здесь знают и любят. Когда он предложил провести в колхозном Доме культуры встречу с журналистами, мало кто представлял, что из этого получится. Повод вроде бы есть: село — один из бывших «иннокентьевских» центров. Желание тоже. Но соберутся ли колхозники, когда столько работы в полях, садах, на фермах?

Парторг колхоза поставил сомнениям точку:

— Людей придет больше, чем мы думаем.

Субботним утром к Дому культуры стали съезжаться запыленные автобусы, грузовики. Потянулись люди из ближайших сел. Из-за реки через мост переходит группа парней. Старинной аллеей пирамидальных тополей шли не спеша те, кто не так давно верил «иннокентьевским» пророкам. Что предлагали односельчанам «рыцари подполья»? «Пока жив, спасайся, плачь, молись, смиряйся, время не теряй. Только в царствии небесном нет ни болезней, ни печали, ни воздыханий, нет борьбы со злом в себе и вне себя».

...Бурлит зал великолепного клуба-дворца. Клуб в центре села, известного в прошлом своей религиозностью. Полевых работ еще уйма. Не кончена уборка яблок, сохнут под покатыми навесами рыжие гирлянды табака. Суббота осенью для колхозника — жаркий день. Но пришли поговорить о религии не только школьники, механизаторы, активисты соседних сел. Пришли старики, те, кто помнил разные времена, кто не одно десятилетие возделывает молдавскую землю.

Разговор в клубе шел несколько часов. Люди говорили о смысле жизни, о долге, о том, что делать в деревне, когда еще здоров, полон сил, но на пенсии. Как передать свой опыт, как сделать так, чтобы ощущать, что ты нужен каждодневно, всегда. Одна из женщин пожелала, чтобы чаще писали о суевериях.

— Вера приходит, вера уходит. До Иннокентия не было, что ли, дури? Я девчонкой еще бегала, а бабка меня учила: гром и молния, значит, идут от преследования архистратигом Михаилом дьявола. Дьявол может прятаться где угодно, даже под шерстью собаки. Или, скажем, под ногтями. Как грозе быть — собак со двора вон, ногти стриги. Хочешь дождь прекратить — выкинь из дома лопату или кочергу. А сколько об одних ведь-

мах можно рассказать. Разъезжают они днем на коцюбе — кочерге. Им расстроить семью не в труд — пыль с дороги, где дрались собаки, возьмут, бросят горсть на мужа или жену, ссора тут как тут.

— А в ночь под рождество рогатый скот между собой человеческим языком переговаривается о дне смерти своего хозяина, — добавляет под общий смех пожилой полевод.

...Говорит учитель, вспоминает вышедшую более полстолетия назад книгу профессора Л. С. Берга «Бессарабия. Страна — люди — хозяйство», которую автор начал словами Гоголя: «Велико незнание России посреди России». Даже читающая публика была наслышана о Бессарабии лишь как о стране, где «шумною толпою» кочуют цыгане.

— Изучайте родной край, — обратился учитель к сидящим в зале молодым. — Гроздья винограда — на государственном гербе нашей республики. Земля — бесценное наше богатство. И нужно знать ее прошлое, ее борьбу за свободу, ее культуру.

...Встреча колхозников с журналистами, пишущими на атеистические темы, с теми, кто сотрудничает и в сборнике «Мир человека», готовит очередной выпуск. А для журналистов эта встреча поистине неоценима: кто лучше читателя из «глубинки» подскажет тему, сюжет, объективно оценит все, что попадает на печатную полосу.

Или встречи в большом просторном здании с вывеской «Редакция газеты «Московский автозаводец». Дальше от дороги виднеются огромные заводские корпуса. Днем непрерывный гул выдает напряженную жизнь. А с наступлением сумерек вспыхивают неоновые светильники, превращая автомобильный город в море огня.

Под заголовком газеты «Московский автозаводец» написано, что это орган партийного комитета, заводского комитета профсоюза, комитета ВЛКСМ и дирекции трижды ордена Ленина, ордена Октябрьской Революции и ордена Трудового Красного Знамени автозавода имени И. А. Лихачева. И чуть ниже: газета основана 2 октября 1928 года.

Тогда, 48 лет назад, название газеты было в духе эпохи: «Догнать и перегнать» — клич рабочего класса, программа всей страны. «Стояла задача, — говорил И. А. Лихачев, — перестроить всю работу, дисциплину поднять, залезать в самую гущу жизни завода, чтобы знать, с кого требовать и кто на каком участке будет лучше отвечать». И эта задача решалась не только в цехах, в области производства, но и напряженной работой в области идеологии. Люди, делавшие заводскую многотиражку, это понимали.

Каждая газета имеет своего читателя, обладает определенным ритмом. На многотиражках это видно отчетливей, чем на центральной или республиканской прессе. Единство места, времени и действия здесь, как правило, налицо: события локальные, адрес известен.

Но когда тираж заводской газеты свыше десяти тысяч экземпляров,

когда она отражает жизнь коллектива, в котором трудятся, живут, отдыхают десятки тысяч человек, ей по плечу настоящие журналистские репортажи, очерк, статья, кинообзоры, литературная критика, фельетоны. Не растворяется в общем информационном потоке и атеистическая тема.

Атеистические материалы публикуются обычно на второй полосе, которая для них отводится полностью.

Сборник «Мир человека» рассчитан и на этого читателя.

И вот новый, шестой выпуск сборника, составленный из четырех разделов.

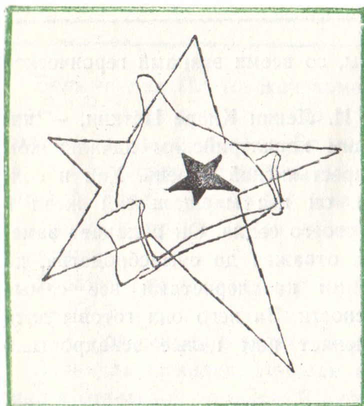
«Рубежи истории» — так озаглавлен первый из них. Не случайно начинается он с интервью, которое дал Маршал Советского Союза С. М. Буденный. Легендарный полководец, трижды Герой Советского Союза подчеркивал, что наша молодежь должна особенно хорошо знать героический путь, который прошла страна.

В этом разделе — материалы о В. И. Ленине, об эпохе Великого Октября, о том знаменательном историческом рубеже, который отделяет от нас почти 60 лет.

Раздел сборника «За гранью необычного» составили статьи, очерки, репортажи, посвященные пропагандистскому мастерству, тем, чье творчество так или иначе помогало и помогает атеистам-практикам.

1975 год был знаменателен важной датой — 30-летием Победы над фашизмом. Именно поэтому материалы о войне, о религиозной подоплеке нацизма составили третий раздел «Мира человека», озаглавленный «Уроки былого».

Завершает сборник раздел «Измена святости», составленный из исследований по искусству, из материалов, показывающих, что жизнь опровергает домыслы тех, кто хочет подчинить все религиозной догме. Истинные произведения искусства не боятся проверки временем.

РУБЕЖИ ИСТОРИИ

Сборник открывает интервью, взятое в последние годы жизни у Маршала Советского Союза Семена Михайловича Буденного. Имя замечательного военачальника неразрывно связано с историей

создания Вооруженных Сил нашей Родины, со всеми этапами героической борьбы за новую действительность.

«Наш Буденный сейчас, — говорил В. И. Ленин Кларе Цеткин, — наверно, должен считаться самым блестящим кавалерийским начальником в мире. Вы, конечно, знаете, что он — крестьянский парень. Как и солдаты французской революционной армии, он нес маршальский жезл в своем ранце, в данном случае — в сумке своего седла. Он обладает замечательным стратегическим инстинктом. Он отважен до сумасбродства, до безумной дерзости. Он разделяет со своими кавалеристами все самые жестокие лишения и самые тяжелые опасности. За него они готовы дать разрубить себя на части. Он один заменяет нам целые эскадроны...»

Слово Семену Михайловичу Буденному:

— Более полувека спустя трудно даже представить, насколько лишена была самого необходимого рожденная в победоносных боях революции Красная Армия. Оружие, патроны, провиант добывали у противника ценой крови. Царизм оставил страну разрушенной, без одежды и хлеба. Помню, скажем, бойцы были на денежном довольствии в 10-й армии, обмундирование зависело от 9-й армии, а снабжение боеприпасами — от 8-й. Была создана даже специальная комиссия, выяснявшая, нет ли где излишков. А откуда они, излишки? Как-то ничего не знавший патруль арестовал членов этой комиссии. Приводят ко мне. Спрашиваю, кто такие.

— Разговаривать будем только с Буденным.

— Он перед вами.

— Это брехня, — говорит один из них, — Буденный двух метров росту, борода до пояса. Слыхал я, что ежели в сердцах схватит за шиворот да кинет в дверь, то и дверь вылетает.

...1918 год. Станция Платовская. Отбили мы в бою у белых четыре пулемета. Два из них отдали Никифорову, командиру платовского партизанского отряда, два взяли себе. Поставил я каждый на повозку с рессорами. Пулеметчик и второй номер при случае могли и спешиться. Стояли мы в лощине. Впереди горбыль, небольшой бугор, а дальше насколько хватал глаз голая степь. Наш противник — казаки, тысячи три будет. Пойдут в атаку таким числом — нас копытами раздавят.

Надо хитрить. Говорю пулеметчику:

— Дай очередь с одного бугорка и тут же скачи незаметно дальше. Потом с другого, с третьего. Действуй!

Вижу, казаки группируются, перестраиваются для атаки. Вдруг «та-та-та...». Замолк пулемет. Потом откуда-то сбоку опять «та-та-та...». Насчитали казаки двадцать пулеметов. Это уже сила, с ходу не взять. И стали поворачивать назад.

Так родилась тачанка, незаменимое в ту пору тактическое средство.

Белыми под Платовской командовал бывший царский полковник Золотарев. Позднее забрал я его в плен. В одну из теплых весенних ночей подъехали мы к станице Золотаревской. Ярко светила луна. В матовом серебряном свете отчетливо видна была церковь, три пушки около нее, часовой. Взял я из своего эскадрона самых ловких бойцов. Без единого выстрела и крика сняли казачьи караулы, узнали, в какой хате сам полковник.

Взошел я на крыльцо, стучу. Слышу женский голос:

— Кто?

— С донесением к полковнику. Срочно.

Звякнула щеколда. Прошли мы тихо через сени в горницу. Золотарев спал в отдельной комнате. Я вынул у него из-под подушки пистолет, тряхнул за плечо.

— Что такое? — промычал он.

— Ничего особенного, взяты в плен.

— Кто такой? — уже рявкнул полковник.

— Буденный. Одевай штаны. Быстро!

Совершенно растерянный, Золотарев сидел на кровати, нервно теребя усы и бородку.

— Как же так? Вы в двух переходах от меня, вас здесь не может быть!

— Что же, мне заново заходить? Одевайся!

Разве упомнишь сейчас все легендарное, героическое, что совершили бойцы Рабоче-Крестьянской Красной Армии еще на заре ее существования.

Только Первая Конная за свою историю разбила 20 корпусов врага по 15 тысяч человек в каждом. Народ, завоевавший свободу, победить было нельзя.

Разные люди приходили в революцию. Одним из моих полков командовал бывший благочинный, священник Мартемьянов. Светловолосый, добродушный, лет тридцати пяти, он был родом из села Дубравки под Царицыном. Стал комиссаром бригады. Брали с ним Воронеж, ходили на польский фронт. Позднее Мартемьянов геройски погиб на Дальнем Востоке.

После одного из боев с казаками Мамонтова и Шкуро кто-то заметил ему:

— Шибко, батюшка, рубишься. Вот накажет бог.

— Наказать меня следовало за то, что был попом и дурманил людей. А насчет рубки еще Суворов говорил, что сорняк надо уничтожать под корень.

Вспоминаю некоторые эпизоды борьбы с басмачами.

Добравшись до Ташкента, решил первым делом зайти в Среднеазиатское бюро партии. В небольшом кирпичном доме среди бела дня я увидел такую картину.

У стены, между двумя окнами, в пролете сидел за столом секретарь товарищ Бауман. Это был очень хороший, преданный революции человек, выходец из Латвии. На полу лежали человек шесть сотрудников. Каждый что-то писал или просматривал. В комнате было дымно, пыльно. Влетавшие время от времени пули выбили все стекла, изрешетили стену.

— Так и работаете? — спрашиваю.

— Так и работаем. Советская власть пока только тут, а за стенами — басмачи.

Проезжая по небольшой улочке, я увидел, как несколько мальчишек умело фехтуют палками.

Еще в царской армии я кончил специальные курсы по фехтованию и не упомню серьезного противника. В начале первой мировой войны наш полуэскадрон, то есть два взвода, столкнулся с шестью взводами немцев. У нас — шашки, у них — шпаги. Мы должны рубить, они — колоть. Но в суматохе боя пошла только рубка. И хоть немцев было вначале в три раза больше, через некоторое время в числе подравнялись.

Моими проводниками в Ташкенте были узбек Турсункулов, позднее трижды Герой Социалистического Труда, и таджик Урунходжаев, тоже ставший прославленным передовиком сельского хозяйства, дважды Героем Социалистического Труда.

Поинтересовался я, откуда мальчишки научились так хорошо фехтовать.

— А у нас все умеют.

Вскоре басмачи смогли убедиться, какой силой может стать в руках свободного дехканина саксауловая палка с толстым корневищем на конце.

В июне 1926 года мне надо было срочно вылететь в Куляб, где стояла наша кавалерийская бригада. В небольшом американском самолетике позади пилота — только одно место. Летчик Кузнецов, русский парень, показал, как пристегнуться.

— Будем прокладывать маршрут первыми.

Поднялись в воздух. Под крыльями медленно проплыл залитый зноем Душанбе. Через полчаса самолет попал в безмолвное царство гор. До нас здесь, над черными пропастями, между высочайших снежных вершин, еще действительно никто не пролетал. «Потолок» у самолета был такой, что прятавшиеся в горах бандиты свободно могли достать его пулей. Часа через два, когда стали подлетать, увидел два выстроившихся полка. Вокруг — толпа народа.

Самолет сел. Мне подвели лошадь. Поздоровавшись с войсками, я подъехал к народу.

— Басмачи вместе с муллами, — начал я, — обманывают и убивают вас. И никто, слышите, никто, кроме вас самих, не защитит стариков, женщин, детей. Создавайте отряды самообороны. У нас уже есть тысячи краснопалочников. И пусть бандитам дают оружие интервенты и Инвер-паша.

Бедняки, даже если они вооружены одними палками, непобедимы, потому что защищают свою землю, свой народ, свою Советскую власть.

Говорил я долго. А когда кончил, отъехал в сторону и слез с коня — почувствовал какую-то странную легкость движений. Не сразу даже сообразил, что шинель превратилась в кафтан. Пока я выступал, мусульмане незаметно растащили полы шинели по клочкам, как талисман. Оказывается, распространился слух, что я сын пророка, которого ни шашка, ни пуля не берет.

В. ЖИТЕНЕВ,
секретарь ЦК ВЛКСМ

Воспитывать убеждения

Основное содержание идейно-политической и организаторской работы комсомола подчинено главному: мобилизации молодежи на осуществление задач, поставленных XXV съездом нашей партии.

Миллионы комсомольцев, юношей и девушек с честью несут трудовую вахту, стремятся ознаменовать каждый день ударным, самоотверженным трудом, высоким качеством работы, отличной учебой. Они берут повышенные обязательства, разрабатывают комплексные планы повышения производительности, качества труда на каждом рабочем месте.

Школой мужества, гражданской зрелости молодежи стали всесоюзные ударные комсомольские стройки. Среди них Байкало-Амурская магистраль, преобразование Нечерноземья, строительство Камского автозавода. Огромные масштабы, размах, динамизм этих строек отвечают духу советской молодежи, активно способствуют самоутверждению личности, яркому проявлению энергии, энтузиазма юношей и девушек.

Один из важнейших принципов деятельности комсомола в современных условиях — принцип дифференцированного подхода в идейно-воспитательной работе с молодежью. Генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Ильич Брежнев подчеркивал: «Различные группы нашей молодежи — молодые рабочие, крестьяне, специалисты, студенты, школьники — имеют свои особенности. Комсомол должен уметь работать с каждой из таких групп. От него во многом зависит правильная и своевременная профессиональная ориентация юношей и девушек, воспитание у молодого поколения глубоко уважительного отношения к трудовой деятельности на заводе и фабрике, на ферме и в поле».

Для нас этот вопрос имеет исключительное значение. Речь идет о диалектическом единстве общего и частного, о главном требовании партии: видеть за всем, что бы мы ни делали, человека. Вот почему необходимы глубокое изучение и учет при формировании мировоззрения молодежи социальных, профессиональных, психологических, возрастных особенностей различных ее категорий и групп.

Формирование коммунистического мировоззрения не кратковременный процесс, который может завершиться на определенном жизненном этапе

молодого человека. Оно начинается в детском возрасте и получает дальнейшее развитие в процессе учебы, труда, жизни.

Атеистическое мировоззрение, непоколебимо утвердившееся в СССР, является детищем сложившегося у нас социалистического образа жизни, основанного на принципах товарищества, взаимопонимания и взаимопомощи в отношениях между людьми. В его становлении, и в первую очередь в его распространении среди молодежи, решающую роль сыграли грандиозные социальные преобразования в нашей стране, научный прогресс, культурная революция, изменившая духовный облик людей, пропаганда марксистско-ленинского мировоззрения, воспитательная работа всех звеньев народного образования.

Общественные условия нашей страны являются исключительно благоприятными для формирования у молодых граждан атеистического мировоззрения. Однако это не исключает необходимости постоянной, кропотливой воспитательной работы, пропаганды атеистических знаний среди молодежи, аргументированной критики религиозной идеологии.

Иной раз даже среди атеистов находятся люди, уверяющие, что религия не оказывает влияния на подрастающее поколение. Факты, однако, свидетельствуют об обратном.

Истекшие годы показали, что религиозная идеология не исчерпала возможности воздействия на сознание людей, что каналы ее воспроизводства в новых поколениях не перекрыты полностью.

Одним из обстоятельств, способствующих передаче религиозных идей от одного поколения к другому, является индифферентизм части молодежи в вопросах мировоззрения, отсутствие у нее стойких атеистических убеждений. Исследования, проведенные в ряде школ, показали, что некоторые учащиеся на вопрос об их отношении к религии отвечают: «Не знаю, не думал об этом»; не умеют объяснить вреда религии или даже считают, что религия полезна в нравственном отношении.

Нельзя забывать и о том, что религиозный вопрос занимает определенное место в современной идеологической борьбе. В своих попытках идейно разоружить нашу молодежь идеологи антикоммунизма все чаще используют религию. Зарубежная пропаганда, и в первую очередь радиопропаганда, систематически стремится к тому, чтобы вызвать интерес к религии, искусственно раздуть его. Она используется нашими идеологическими противниками как форма духовного противостояния советскому образу жизни, социалистической идеологии. Надо, чтобы все мы ясно это понимали.

Под руководством партийных организаций комсомольские организации проводят определенную работу по атеистической закалке юношей и девушек.

Тяга молодежи к атеистическим знаниям находит выражение в деятельности атеистических кружков, которые организуются в комсомольских организациях школ, предприятий. Их участники не только изучают

проблемы атеизма, но и сами учатся быть активными его пропагандистами.

Одной из самых живучих форм религиозных пережитков являются пережитки религиозно-бытовые. Вплетаясь в бытовые отношения, религиозная идеология оказывает воздействие на взгляды и чувства молодежи через эту труднодоступную для обычных воспитательных средств область.

Практика показала, что только разъяснительная работа сама по себе — хотя она и необходима — их преодолению способствует мало. Нужно проводить широко понимаемую целенаправленную культурно-бытовую пропаганду, перестраивать бытовые отношения на началах новой морали, на высоких эстетических принципах.

Многие комитеты комсомола уделяют значительное внимание пропаганде среди молодежи новых гражданских обрядов, праздников, традиций, которые занимают все большее место в эмоциональной жизни молодежи, в ее быту. Используя богатые традиции нашего народа, молодежь таким образом вносит вклад в содержательную сторону новых праздников и обрядов, проявляя при этом творческую энергию, необходимый художественный вкус. Некоторые из праздников и обрядов по своей специфике имеют прямую атеистическую направленность и играют серьезную роль в преодолении религиозной обрядности.

Сделано немало. Но сегодня следует поговорить и о наших серьезных недоработках в этой области.

Нас тревожит примиренческое отношение части комсомольцев к религиозным пережиткам. Каждый комсомолец прежде всего должен быть примером утверждения принципов нашего общества, его морали и передовых традиций. Однако на практике это не всегда осуществляется, а, бывает, случается и обратное.

В редакцию «Комсомольской правды» пришло письмо от комсомольца одного из киевских научно-исследовательских институтов. Вот что в нем говорилось:

«Дорогая редакция! У нас возник спор: столь уж предосудительно комсомольцу венчаться в церкви? По-моему, зря мы отворачиваемся от старинных традиций. Не все ведь, согласитесь, надо связывать с опиумом».

И далее автор письма рассказывает о том, как два комсомольца института обвенчались и никто в организации не смог убедительно разъяснить им антиобщественный смысл их поступка.

Яркий пример беспринципности, примиренчества к чуждым идеологическим явлениям и традициям, незрелости общественного мнения!

Мы часто убеждаемся в том, что не последнюю роль в идейных отклонениях части молодежи играет духовная инертность коллектива, невнимание к внутреннему миру молодого человека. Именно в такой обстановке произрастают ядовитые цветы мещанства, нравственной опустошенности,

идейного отступничества, мировоззренческой всеядности. Не во всех наших комсомольских организациях создана еще такая атмосфера, которая по самой сути своей исключает появление суеверий, религиозных предрассудков. Казалось бы, далекие друг от друга вопросы: стиль комсомольской работы и атеистическая пропаганда. Но если вдуматься, между ними глубокая взаимосвязь. Ведь настоящий стиль работы наших организаций, стиль подлинно коммунистической деловитости, отвечающий сущности социалистических общественных отношений, — это стиль, в центре которого стоит человек с его взглядами, духовными запросами, интересами.

Религия, стремясь обеспечить влияние на молодое поколение, спекулирует на «белых пятнах» нашей пропаганды, недостаточном внимании к таким вопросам, как национальные, культурно-исторические традиции, острые нравственные проблемы. Надо сказать, что и в практике работы многих первичных комсомольских организаций эти вопросы учитываются плохо.

Наша молодежная пресса подчас не уделяет им достаточного внимания. А ведь она обладает большими возможностями ставить их остро, интересно, в яркой публицистической форме показывать вред религии в условиях нашего общества.

Следует подумать о путях преодоления указанных недостатков в практике комсомольских организаций, общества «Знание», всех, кто работает с молодежью.

А. РОМАНОВ

Открытия и судьбы

Товарищ Лидия

Мы не виделись несколько лет. И вот я снова в Ленинграде, на Петроградской стороне. Теперь от Черной речки ехать надо чуть дальше. Лидия Петровна жила в новом доме. Стол, как и прежде, завален письмами. Прибавилась лишь груда памятных адресов, грамот, приглашений.

Когда я передал хозяйке привет из Хельсинки, она, поблагодарив, вынула красную папку с золотым тиснением:

«Поздравляем Тебя с тем, что год рождения первой социалистической республики — год Твоего вступления в КПСС. Поздравляем Тебя с тем, что на заре Советской власти, в эпоху мирового революционного перелома, Ты была рядом с великим Лениным».

— От Коммунистической партии Финляндии, — перевела последние слова Л. П. Парвиайнен.

Одно из воспоминаний Лидии Петровны Парвиайнен я записал особенно подробно.

— После июльского расстрела 1917 года контрреволюция перешла в наступление. Повсюду начались обыски и аресты. Расформировывались революционные боевые полки. Были разгромлены редакции рабочих газет.

Временное правительство развернуло дикую травлю членов партии большевиков и ее руководителей. Был издан приказ об аресте Ленина. Партия укрыла своего вождя на станции Разлив. Нужно сказать, что местность была болотистая, ночами холод и сырость пронизывали до костей. С питанием и одеждой у Ильича было неважно, но он просил всегда только одно: регулярно доставлять почту.

На поимку Ленина Временное правительство бросило все — контрразведку, уголовных сыщиков, огромную массу охранников с собаками.

Дальнейшее пребывание на берегу озера Разлив становилось опасным. И вот с середины августа к нам, на Певческую улицу, стал частенько приезжать большевик А. В. Шотман. Он о чем-то подолгу шептался с моим мужем Э. А. Рахья, потом они куда-то уезжали и возвращались вместе.

Привыкшая к конспирации, я ни о чем их не спрашивала. Но вскоре они сами обратились ко мне:

— Хотим мы товарища Ленина скрыть у твоих родителей. Более удобного места, пожалуй, нет. Избушка стариков стоит в стороне от деревни, дорога к ним отдельная. Поблизости домов нет, никто мимо не проходит, тишина. Местность красивая: большие озера, кругом лес. Это тоже очень важно — Ильич отдохнет.

Мой отец был литейщиком, много лет работал на заводах. Мать работала пальтовщицей. В 1915 году отец заболел, и семья переехала в деревню Ялкала (ныне поселок Ильичево), она была в двенадцати километрах от Териоки (теперешнего Зеленогорска).

Я приехала к родителям и говорю: «Не может ли у вас пожить немного наш знакомый Константин Петрович Иванов?» Ильич в то время имел удостоверение на это имя. Зная, что Владимир Ильич всегда в любой обстановке много работал, я сказала отцу, что Константин Петрович писатель и что ему нужна отдельная комната.

Отец, суровый молчаливый финн, сразу согласился и предложил поместить гостя в небольшую, примыкавшую к дому пристройку. Мы договорились, чтобы нас встретили в следующую субботу.

Откуда и как будет переправляться Ильич в деревню к моим родителям — я не знала. Мне лишь сказали, чтобы я дежурила на квартире Кальске, работавшего на заводе «Айваз» и жившего на станции Удельная. Кальске работал в ночную смену. У его жены была чахотка, и она не вставала с постели. Я пришла на квартиру будто бы только ухаживать за больной. Меня предупредили, что я должна наблюдать в окно и открыть дверь моментально, чтобы не нужно было стучать и ни одной минуты стоять за дверью. Помню, все три окна выходили на улицу, едва-едва освещавшуюся фонарем. В комнате была кромешная тьма. Три ночи я простояла у окна. Но никто не приходил. Я страшно волновалась, думая, что, может быть, все провалилось.

Только на четвертую ночь показались люди. С улицы нельзя было разглядеть, что делается в доме. А я, стоя у окна, сразу различила в полумраке чуть сутулую фигуру мужа. Я тихо открыла дверь. Хотя Владимир Ильич был без усов и бороды, я его сразу узнала. Он сильно устал, но казался, как всегда, жизнерадостным и подвижным.

Я предложила Ильичу лечь на кровать, но он наотрез отказался: «Нет, нет, зачем лишние хлопоты, я и так стесняю хозяев. Не найдутся ли у вас старые газеты?» Так и улеглись они вдвоем на пол и, лежа на газетах, долго о чем-то разговаривали.

Перевезти Ленина в Финляндию взялся наш знакомый машинист Г. Э. Ялава, выполнявший и раньше поручения партии.

22 августа 1917 года в Петербурге на Финляндском вокзале я села в дачный поезд. Когда подъехали к станции Удельная, я увидела, как

Владимир Ильич поднимается на паровоз к Ялаве, а Шотман и Рахья садятся в вагоны. Позднее Ялава вспоминал, как он «увидел среднего роста коренастого человека, быстро идущего к паровозу. Человек был в кепке, в старой «тройке» (обычная одежда питерского рабочего), с гладко выбритым лицом. Он подошел к паровозу, не говоря ни слова цепко схватился за поручни и вскарабкался в паровозную будку. Ленин — а это был он — приветливо поздоровался и снял пальто. Он попытался было пошутить с помощником, но, увидев, что тот ни слова не понимает по-русски, весело рассмеялся, а затем, вскочив в тендер, дружелюбно хлопнул помощника по плечу и этим дал знать, что тот может спокойно сидеть на своем месте и курить. А что касается дров, то... Ильич, легко взобравшись на дровяной штабель, с необычайной сноровкой и ловкостью начал аккуратно укладывать дрова в клетку».

Мы благополучно проехали границу. В первом вагоне — Рахья, в следующем — Шотман, а где-то посредине поезда — я. Наконец-то станция Териоки. Выхожу из поезда. Иду искать брата, который должен был на лошади встретить нас. С трудом отыскала его. Но исчезли остальные. Неожиданно подошел Шотман и быстро проговорил: «Поезжай, они прошли вперед по дороге», а сам поспешил к поезду, еще стоявшему на станции, чтобы ехать дальше, в Гельсингфорс.

Догнали мы Ильича и Рахью уже в трех верстах от станции. Было темно. Почти ничего нельзя было разглядеть из-за густого тумана. Моросил дождь. В Ялкалу наша таратайка въезжала уже ночью. На дороге с фонарем встречал мой отец. Встретили нас очень радушно. Ильич со всеми поздоровался за руку. Комнату для него уже приготовили. Она была маленькой, с одним окном, в ней с трудом помещались лишь кровать и стол. Но по сравнению с Разливом здесь было несравненно удобнее, и Ильич остался доволен.

За чаем отец все поглядывал на Владимира Ильича, а потом медленно, волнуясь, произнес: «А я знаю — вы Ленин». Я не на шутку испугалась: еще подумает Ильич, что все выболтала. Но отец тут же с гордостью добавил: «Я сам вас узнал. Тут вы в полной безопасности». Ничего не сказал Ильич, только улыбнулся.

Утром мы с Эйно показали Ильичу озера Кафи-Ярви и Пирке-Ярви.

— Сюда, Владимир Ильич, — сказали мы, — вы можете ходить купаться и ловить рыбу.

Ленин прожил у нас девять дней. Ялава регулярно привозил для него кипы свежих газет, а кто-нибудь из моих братьев на велосипеде доставлял их со станции домой.

Мои братья — восьмилетний Эверт и шестилетний Вернер — очень привязались к Ильичу и все спрашивали у матери: «Когда освободится Константин Петрович?» А Ильич слышал их голоса и отвечал через дверь:

— Скоро, скоро, подождите. Пойдем в лес.

А потом они вместе отправлялись в чащу, собирали грибы, бруснику, купались в озере.

Ильич прекрасно плавал, но из-за парика вынужден был и в воде не снимать картуз. Дети, увидев такую картину, посовещались, а потом робко спросили его, что это значит.

— Голова может простудиться у меня, — смеясь, отвечал Ильич.

Ленин любил юмор, шутку. Помню, понравились ему карельские пироги, которые моя мать обычно пекла по субботам. Ильич ходил, ходил по комнате, потом остановился в своей любимой позе — обе руки на груди, большие пальцы оттягивают жилет — и с расстановкой произнес:

— А что, не суббота нынче, Анна Михайловна?

— Да нет, Константин Петрович, — ответила мать, — еще только четверг.

Ильич, хитро сощурившись, повторил свой вопрос. Мать, поняв в чем дело, рассмеялась и с радостью испекла пироги.

Ленин много и напряженно работал. Я часто передавала в Петрограде Надежде Константиновне Крупской маленькие шифрованные записки и получала ответы для Владимира Ильича. Перед самым отъездом в Гельсингфорс Ильич дал мне общую тетрадь, исписанную мелким почерком. Это были главы из работы «Государство и революция». Я передала их Надежде Константиновне.

Образ Ильича стоит перед моими глазами. Раз увидев, услышав Ленина, его нельзя забыть, так неизмеримо много было в гениальном мыслителе, величайшем вожде мирового пролетариата душевности и простоты, человечности и необычайной скромности.

Вся жизнь Ленина — изумительный пример борьбы за то прекрасное, что может быть создано человеком для человека.

Навсегда остался у меня в памяти такой случай. Подошли мы однажды с Лениным к полю, где отец пахал на лошади. Владимир Ильич попросил дать ему пройти борозду.

— Да что вы, — смутился отец, — ручки-то больно грубые, я для себя делал.

— Ничего, — ответил Ильич и взялся за соху. С непривычки ему было, конечно, трудно, но он терпеливо прошел всю борозду туда и обратно.

— Смотрите, — смеясь, сказал он отцу, — у вас соха идет прямо, в ниточку, а у меня вкривь и вкось. — И, помолчав, добавил серьезно: — Сейчас еще приходится руками, а со временем на человека станут работать только машины. И это будет, обязательно будет.

Скорый поезд продвигался к границе. В двухместном купе друг против друга покачивались два молодых человека в черных костюмах.

— Станция Териоки, господа, — раздалось в коридоре. Молодые люди встали. Перед тем как открыть дверь, один тихо проговорил по-фински:

— Кажется, к нам «прилипли» офицерики.

За завтраком в гостинице «Иматра» они разделили деньги и обязанности.

— Если что-нибудь непредвиденное — меня не знаешь, действуй один.

— Хорошо, Карл, за тобой переписка и вся дальнейшая связь.

На условленном месте их ждала повозка. Медленно ехали густым хвойным лесом. Колеса то и дело подпрыгивали на выступающих из-под песка корнях сосен. Тропа иногда настолько сужалась, что телега с трудом протискивалась между стволов. Остановились у развилки. Взглянув на карту, нарисованную карандашом, путники отпустили возницу.

— Спасибо, дальше дойдем пешком.

Проплутав некоторое время, они вышли к низкому домику у леса. Около небольшой застекленной терраски бродили куры.

— Та ли это дача? Скорее куриная избушка.

За окном мелькнула женская тень. На стук в дверь пригласили войти.

Женщина средних лет поздоровалась, внимательно, несколько настороженно смотрела на гостей.

— Дома ли господин Парвиайнен?

— Его нет.

— А госпожа Людия?

— Ее тоже нет.

Тот из молодых людей, что был за старшего, вспомнил полученную перед отъездом инструкцию: если не признают — возвращайтесь.

Он все-таки решил попытать удачи на свой страх и риск.

— Послушайте, хозяюшка, я честный и миролюбивый человек. Я убежден, что мой друг находится здесь, в этом доме, и мне необходимо с ним встретиться. Я имею письмо, которое обязан вручить ему лично.

Хозяйка в нерешительности удалилась. А через минуту в комнату вошел тот, для кого молодыми финскими рабочими, артистами-любителями К. Куусела и К. Каллио была привезена одежда, взятая из реквизита самодеятельного театра Народного дома в Гельсингфорсе.

Лидия Петровна, которую финны ласково называли Людия, вспоминает, что в тот августовский вечер 1917 года приехала домой поздно.

— Было часов десять. Я дверь открываю, вижу — двое незнакомых мужчин в черных костюмах, рядом с ними пастор. Небольшие борода и усы его прячут усмешку. Неужели Ленин?

— Владимир Ильич, — говорю, — вас узнать нельзя.

— Вот и хорошо.

— Не перепутаешь только ваш голос. Как бы сделать так, чтобы вы поддерживали разговор, не произнося ни слова.

...Обычно Н. К. Крупская передавала мне для Ильича почту Петроградского революционного комитета. А он — необходимые бумаги.

Как-то я решила поторопить его, боясь, что опоздаю на поезд.

— Уже шесть часов, Владимир Ильич, что, если не успею...

— Опаздывать никак нельзя, — и дает мне семь тоненьких, аккуратно сложенных записок. Написаны там были колонки дробей и между ними лишь отдельные слова.

— Владимир Ильич, вы обещали научить меня читать шифрованные письма.

— Будет время, Лидия Петровна, обязательно научу.

Я подумала, куда бы спрятать записки понадежнее.

— Вы какую-нибудь книгу в дороге читаете? — спрашивает он. — Вот и прекрасно. Вложите в книгу и следите, чтобы она у вас не выпала.

...В тот вечер, когда Ленин предстал предо мной в одежде пастора, ему самому посоветовали для отвода глаз взять в руки какую-нибудь книжку.

— Раз вы пастор, не помешает в дороге «священное писание». — И мать протянула ему маленькую карманную Библию.

— Придется делать вид, Анна Михайловна, что читаю. Многие европейские языки одолел, а вот финский — никак.

Оглядев еще раз свой наряд, «пастор» перевел взгляд на спутников и улыбнулся.

— Ну и ну!

...Товарищ Людия привезла из Петрограда деньги, паспорт, передала Ленину письмо и приняла от него очередную записку для Крупской. Надо было двигаться в путь.

Ночной полумрак окутал лес. Дорогу показывал один из младших братьев Людии. Вышли к воде, достали припрятанные весла. С тихими всплесками лодка заскользила к южному берегу. От озера шел мягкий серебристый блеск, на фоне которого следы от кормы и весел казались черными.

Выйдя на берег, двинулись кратчайшим путем к станции. Истекал второй час ходьбы, а дороге, казалось, не будет конца. К. Куусела едва успел купить билеты. Прыгать в вагон пришлось на ходу. К. Каллио, который нес пальто и сверток, отстал. Артист и «пастор» молча вошли в купе. Последний начал устраиваться на верхней полке, а его спутник пошел осматривать вагон, дабы предусмотреть все случайности. Ночь он провел без сна, внимательно прислушиваясь. В половине шестого тихо тронул «пастора» за плечо. Тот быстро поднялся.

К. Куусела вспоминал потом, как, выйдя из вагона, они прогуливались по платформе и вели непринужденную беседу.

— Говорил только я, а Ленин ограничивался междометиями, что выглядело вполне по-фински.

Лидия Петровна рассказала, что ее связь с религией ограничилась конфирмацией в 16 лет. Отец практически был неверующим человеком. Мать изредка посещала службы. После революции пошла посмотреть, цела ли финская церковь. «Цела, — вернувшись, сообщила она. — Чего же врут, что большевики сожгли и разгромили храмы!»

— Мать не раз беседовала с Владимиром Ильичем на разные житейские темы. Говорили они и о вере. Ленин учил верить глубоко и страстно в силу ума, творческие способности человека, в непобедимость революционных идей. Всех нас он учил бороться, отстаивать свои взгляды, перекраивать жизнь на новый, справедливый лад. Какой мгновенный отклик находили ленинские слова и мысли особенно в рабочей среде! Помню, после июльских событий Ильич не раз повторял: победить можно только вооруженным путем, надо учиться метко стрелять. Тогда же рабочие завода «Айваз» достали винтовки, соорудили рядом с нашим домом в Ялкала самодельный полигон. Поставили около леса фанерные щиты. И с утра до вечера по субботам хлопали выстрелы, которые случайные прохожие принимали за охотничью стрельбу.

Сколько ленинских трудов написано в самом горниле революционной борьбы! Взять одну лишь историю со знаменитой «синей тетрадью». Сколько бесстрашных революционеров рисковало жизнью, чтобы сохранить записи вождя, дать ему закончить «Государство и революцию»!

Никогда не забуду, с какой гордостью машинист Г. Э. Ялава показывал эту уже отпечатанную книгу.

— Первый экземпляр Ильич, как обещал, дал мне!

Документ от 21 апреля 1918 года.

УДОСТОВЕРЕНИЕ

Дано настоящее удостоверение Лидии Петровне Парвиайнен, живущей в г. Петрограде, на Петрогр. стороне, по Певческому переулку, в д. № 3, кв. № 344, в том, что ее вызывают по надобностям правительства в Москву.

Проезд в Москву должен был разрешен Лидии Петровне Парвиайнен немедленно и беспрепятственно.

Предс. СНКом. *В. УЛЬЯНОВ (ЛЕНИН).*

Этой девушке-финке правительство Республики Советов не раз давало ответственнейшие задания. Ее видели в петроградских госпиталях, ищущую раненых финских красногвардейцев. Бойцы не знали русского языка, их нужно было собрать вместе в 100-ю больницу, помочь поставить на ноги. В конце ноября 1918 года в Петрограде были созданы пехотные командные курсы. Поправлявшиеся финские бойцы продолжали здесь военное учение. Как пригодилось оно потом в боях с Юденичем, при подав-

лении кронштадтского мятежа! И везде рядом с бойцами была сестра, казначей, переводчик товарищ Людия.

Ее знали, помнили и те, кто победно прошел гражданскую войну и уехал в Финляндию, и те, кто продолжал учиться на курсах. Только теперь к пехотным и командным было прибавлено слово «интернациональные».

— «Ленин в моей жизни...» Конечно, человек знавший, видевший Ильича, разговаривавший с ним, имеет свой, особый взгляд на раскрытие этой темы, — Лидия Петровна посмотрела на фотопортрет 1917 года. — Мало уже тех, кто может что-либо вспомнить из собственного багажа. А имя Ленина произносят все новые и новые миллионы людей на планете.

Улочка в Тампере

Каждая новая страница Ленинианы поистине бесценна. Л. П. Парвиайнен познакомила меня с человеком удивительной судьбы Н. Е. Бурениным. Его рассказ составил в этом очерке отдельную главу.

Глубочайшая неприязнь к религии возникла у меня еще в раннем детстве. Я с младшим братом жил в доме своей бабушки — миллионерши Прасковьи Тарасовны Лесниковой. В прошлом блестящая светская дама, обожавшая кутежи, пышные выезды, балы, она под старость прониклась презрением к мирской суете и стала замаливать грехи. В ее особняке обычно было полно всяких странников и странниц, выдававших себя чуть ли не за «святых». Каждое воскресенье нас будило монотонное молитвенное пение. В большой комнате, где обычно гладили белье, после ранней обедни собиралась к чаю туча монашенок, молодых и старых. Они приезжали в Петербург за мздой.

Особенно радушно принимала бабушка монахов Сергиевской пустыни, где находились могилы деда и родственников. Ханжеству и лицемерию монахов не было предела. При хозяйке они еще старались сохранять строгость и скромность, приличествующие их сану. Когда же та уходила, они с жадностью набрасывались на снедь, запрещенную монастырским уставом, превращали «порося в карася», напиваясь при этом до омерзения.

Посещали нас и «князья церкви». Хорошо запомнилась мне «священная особа» митрополита Исидора.

Семья наносила ему и ответные визиты. Случалось это обычно в один из праздничных дней, когда в церкви Александро-Невской лавры проходила парадная служба. Меня всегда удивляло, как торжественно выглядел здесь этот маленький, неказистый человек.

А в своих покоях, оставаясь после службы в простенькой коломянко-

вой рясе, он вновь превращался в жалкого, уродливого старичка, так непохожего на «наместника бога на земле».

Часто устраивались приемы и в честь другого представителя высшей церковной знати — экзарха Грузии Павла. В противоположность кукольному сухонькому Исидору, Павел был необъятной ширины. На его расплывшемся самодовольном лице поблескивали маленькие бесцветные злые глазки. Его темно-лиловая тяжелая бархатная ряса была усеяна драгоценными камнями и орденами. Обеды в его честь длились очень долго. И сам он, и все другие жадно ели и пили. Нужно сказать, что к высоким духовным особам бабушка относилась без тени раболепства. Только одного из представителей церкви она очень боялась. Это был знаменитый в свое время священник-мракобес Иоанн Кронштадтский. Когда он являлся, властная старуха бледнела, руки у нее начинали дрожать, и она не знала, куда его усадить.

За столом всякие тетушки с благоговением принимали освященные прикосновением Иоанна Кронштадтского кусочки яблока или гроздья винограда. Затем все по очереди пили вино из его рюмки или чай из его стакана.

Когда священник уезжал, его чуть ли не на руках выносили на улицу, где стояла карета. Вокруг собирались всякие кликуши. Они цеплялись за его рясу, целовали его руки, платье, моля о благословении. «Святого отца» с трудом втискивали в экипаж, кликуши бросались к карете, хватались за грязные колеса, давили и отталкивали друг друга. Некоторые падали в грязь. А из окошка кареты торчала рука, благословлявшая религиозных фанатиков.

Когда бабушка умерла, были устроены пышные похороны. Архимандриты в митрах, сиявших драгоценными камнями, множество священников в пасхальных ризах, два хора певчих — все это было пышным и столь же лживым спектаклем. Трудно подсчитать, сколько я перевидел только в нашем доме святейших особ, монахов, священников. И все они без исключения заботились не о «благоденствии в раю», а о земной «юдоли», слетались, словно стервятники, на лакомую добычу. Я для того так подробно остановился на впечатлениях детства и юности, чтобы было понятно, почему я стал атеистом. А атеизм был, в свою очередь, одной из причин, заставивших меня навсегда и бесповоротно порвать со средой «хозяев жизни», вступить на путь революционной борьбы, связать всю свою дальнейшую жизнь с делами, думами, заботами великой партии Ленина.

Я один из тех, кому выпало великое счастье встречаться с Владимиром Ильичем Лениным. Каждая встреча с вождем производила неизгладимое впечатление. Хочется рассказать об одной из них. Я входил в состав «Боевой технической группы», созданной по решению Петербургского комитета РСДРП. Это был суровый 1905 год. После падения Порт-Артура, после Кровавого воскресенья 9 января росла и ширилась всеобщая стачка

рабочих в Петербурге. Революционные события всколыхнули всю страну. «Русское рабочее движение, — писал в это время В. И. Ленин, — за несколько дней поднялось на высшую ступень. На наших глазах оно вырастает в общенародное восстание. Понятно, что нам здесь, в Женеве, из нашего проклятого далека, становится неизмеримо труднее поспевать за событиями».

Ленин сумел руководить революционной борьбой и из «проклятого далека». Он живо интересовался деятельностью «Боевой технической группы», давал нам ясные, конкретные указания. Но для успешной революционной борьбы необходимо было оружие.

«Вооружение народа, — указывал Владимир Ильич, — становится одной из ближайших задач революционного момента.

Только вооруженный народ может быть действительным оплотом народной свободы».

От самих рабочих поступали многочисленные просьбы прислать оружие. А для этого требовались деньги, средства для транспортировки, места для хранения. Необходимы были химические лаборатории для изготовления взрывчатых веществ. Поступление оружия из-за границы было крайне скудно, организация всего дела чрезвычайно трудна. Для того чтобы, скажем, перевезти через границу капсюли с гремучей ртутью, делались специальные нагрудные жилеты — патронташи, куда входило три ряда запалов по пятьдесят штук в каждом. С бикфордовым шнуром было еще сложнее. Его приходилось наматывать на ноги. Можно представить себе состояние человека, которому надо было ехать от Парижа до Петербурга, ни в коем случае не спать и сидеть, не прикасаясь к стенке, ибо каждый неосторожный толчок мог привести к взрыву. Но люди мужественно трудились, ибо рабочему классу, поднимавшемуся на решительную борьбу, нужно было дать оружие.

Летом 1905 года стало известно, что Гапон приобрел за границей большую партию оружия и взрывчатых веществ, что ими нагружен целый пароход. Гапон был связан с эсерами, но у них не было возможностей принять этот пароход. Владимир Ильич, узнав об этом, потребовал, чтобы кто-нибудь немедленно приехал в Женеву для личного знакомства и переговоров с Гапоном, который в то время находился там. Ехать было поручено мне. На всем пути я очень волновался. Как меня примет Ленин? О жизни наших товарищей за границей я знал мало, и мне казалось, что попасть к Владимиру Ильичу очень трудно. На деле все оказалось гораздо проще. Ленин жил на одной из окраин Женевы в небольшом, типично швейцарском домике. Не найдя звонка, я постучал. Дверь отворила Надежда Константиновна Крупская. Я ее сразу узнал. Мы с ней неоднократно встречались в Петербурге, в школе для взрослых, где она преподавала, а я устраивал по воскресеньям культурно-просветительные вечера для рабочих.

Открыв дверь и внимательно посмотрев на меня, Надежда Константиновна спросила: «Вы, наверное, Герман Федорович (это была моя партийная кличка)? Владимир Ильич давно вас ждет и очень беспокоится, что вы так задержались с приездом. Пройдите к нему, он работает на веранде».

Веранда была пристроена к домику. Ее стены и потолок были увиты виноградом. Сквозь зеленые листья пробивалось солнце. Владимир Ильич сидел за рабочим столом. Солнечные блики падали на кипы иностранных и русских газет и книг.

— Почему поздно приехали? — приветливо спросил Ильич. — Рассказывайте, какие привезли новости. Слышал про вас. Работаете хорошо. Как это вам удалось организовать транспорт в таком большом масштабе? Смотрите, не увлекайтесь! Провалить такое дело нельзя.

Все это было сказано так по-товарищески, дружелюбно, что я сразу почувствовал себя очень спокойно и стал рассказывать. Владимир Ильич смеялся, слушая про то, как нам удавалось надувать таможенных чиновников, шпиков, полицию, пограничную стражу. От моей стеснительности не осталось и следа. Владимир Ильич подробно расспрашивал меня о том, что делается в Питере, на Украине, в Сибири, на Урале, Кавказе. Сразу бросалась в глаза его удивительная осведомленность. Находясь вдали от России, Ленин знал обо всем гораздо больше, чем я. Владимир Ильич сердечно и заботливо расспросил, где и как я устроился, как с питанием.

Никогда не забуду наш разговор о Гапоне.

— Этот поп здесь, я его видел несколько раз, — сказал Владимир Ильич. — Имейте в виду, что верить ни одному его слову нельзя. Кончит он, наверное, плохо. Вашего настоящего имени ему ни в коем случае не открывайте, абсолютно никаких связей ему не давайте и попробуйте сами от него как можно больше выведать. Лучше всего, если бы вы поехали с ним в Лондон, узнали, с кем он связан и с кем имеет дело. У меня такое впечатление, что он окончательно запутался и не знает, как выпутаться. Давайте условимся, где мы вместе встретимся.

Я выполнил указание Владимира Ильича. На одном пароходе вместе с Гапоном я выехал в Лондон. Мы делали вид, что незнакомы друг с другом, а по приезде остановились в разных гостиницах. На другой день в строго конспиративной обстановке я узнал, что пароход нагружен и должен идти к берегам Финляндии.

Предчувствие Владимира Ильича оправдалось. Гапон оказался авантюристом, который вскоре докатился до сознательной провокации и предательства. Пароход «Джон Градтон», груженный оружием, был направлен по неверному пути, сел на мель в финляндских шхерах, и его взорвали, чтобы он не попал в руки таможенных властей.

Паровоз остановился. Высунувшись из будки, машинист подал знак рукой — можно выходить. Спустя несколько минут состав прогромыхал к Гельсингфорсу. Двое сошедших с поезда шли молча. Верстах в трех от станции их нагнала таратайка.

Беседуя с очевидцами, всегда узнаешь неожиданные подробности. Лидия Петровна Парвиайнен, в семье которой Ленин прожил больше недели, рассказала мне ту историю.

Более полувека прошло с тех пор, как машинист Ялава привез Ленина на станцию, мимо которой теперь пролетает экспресс Москва — Хельсинки.

Многое изменилось в мире! Только блеклые, неповторимо прекрасные краски севера остались прежними. Так же вспыхивала багровым отливом трава, гнулись от слабого ветра тоненькие карликовые березки. Так же беззвучно моросил дождь...

Строгие финские почтальоны уже привыкли к тому, что на конвертах, присылаемых в Тампере, не ставят «ул. Халлитускату, 19». Достаточно написать «Музей Ленина».

Деревья, шумящие в сквере, помнят не только 1946 год, когда по инициативе Общества «Финляндия — СССР» дом № 19 превратился в музей. Они помнят, что было за 40 лет до этого.

В путеводителе рассказывается о том, что музей видит свое призвание в распространении знаний о жизни и деятельности В. И. Ленина. Музей находится в помещении, где в 1905 и 1906 годах под руководством Ленина проходили тайные партийные конференции Российской социал-демократической рабочей партии.

Ленин несколько раз приезжал в Финляндию в 1905, 1906 и 1907 годах, спасаясь от преследований царской охранки. Уже после Февральской революции, свергнувшей царскую власть, Ленину пришлось искать убежище в Финляндии, скрываясь на этот раз от ищеек Керенского.

Ленин был горячим другом Финляндии. Начиная с конца прошлого века, он неоднократно выступал против угнетения Финляндии царским самодержавием. Еще в 1905 году Ленин обещал делегации рабочих Тампере, пришедшей приветствовать большевистскую конференцию, что большевики, придя к власти, не замедлят предоставить Финляндии независимость. Вскоре после победы Октябрьской революции, 18 декабря 1917 года, Советское правительство исполнило это обещание.

«В этом одна из причин, почему мы, финны, — говорится в путеводителе, — должны особенно бережно хранить память о Ленине».

Несмотря на шум деревьев, в сквере тихо. Звуки с начинающейся невдалеке основной магистрали города разбиваются о каменную ограду собора. Он заслонил низкое красное солнце. Только часть сквера и краешек улицы Халлитускату не попадают в тень.

Кончилась служба. Не спеша выходят из дверей и спускаются по серым ступеням лестницы с элегантной строгостью одетые люди. Больше пожилых.

Мой собеседник — Арви Лаксо, директор Музея Ленина. Он как-то неторопливо энергичен.

— Заходили? — его светлые, рыжеватые волосы качнулись в сторону собора.

Я утвердительно кивнул.

— При вашей профессии это надо изучать досконально, — улыбнулся Арви Лаксо. — Это ленинский подход к делу. Лучшие мои воспоминания связаны с журналистикой. И с атеизмом тоже. В 20-е годы у нас была организация так называемой «цивильной регистрации». Создали хор, не по-церковному проводили обряды. В 1930 году атеисты разделили участь всех левых организаций, ушедших в подполье.

Я попросил директора музея рассказать немного о себе.

— Родился здесь, в Тампере, во втором по величине городе Финляндии. Шесть классов народной школы, потом трудовая жизнь.

Когда в Финляндии началась гражданская война, отец с тремя сыновьями как «красный» попал в концлагерь. Сам я вступил в Коммунистическую партию Финляндии, когда мне исполнилось 20 лет. Выступал против всяких волчьих законов, запретов, против войны с СССР. И тоже угодил в лагерь на Карельском перешейке.

О том, как били, морили голодом, заставляли есть змей, лягушек, мертвых лошадей, не расскажешь в двух словах. Был подпольный партийный комитет, усилия его не пропали даром. Но вырваться на волю не удавалось.

Кончилась война, компартия вышла из подполья. Мы получили типографии, начали издавать свою газету. Я снова взялся за перо, стал главным редактором коммунистической газеты. Мы регулярно публиковали материалы о В. И. Ленине, старались больше рассказывать о ленинском умении решать все творчески, конкретно, глубоко. К 50-летию Великого Октября я выступал с докладом «Ленин и Финляндия».

Чтобы лучше представить, кто такой Ленин для простого финского рыбака, школьника или домохозяйки, приезжайте почаще к нам. Кто-то хорошо сказал, что в музеи надо заглядывать, как к своим старым знакомым.

В первый свой приезд в Скандинавию я беседовал с видным норвежским пастором. Образованный, знающий в совершенстве около десятка языков, он производил впечатление человека, искренне стремящегося ответить на многие «проклятые» вопросы современности.

«Вы спрашиваете, какие трудности переживает церковь? Перед моими

глазами транспарант, который несли рабочие на одной из демонстраций: «Долой библию, долой вино, долой штыки!»

Арви Лаксо с интересом выслушал мой рассказ о пасторе. Потом его энергичный рот и скулы дрогнули в спокойной улыбке, и он сказал:

— В свое время меня, политического заключенного, поместили в тюрьму для уголовников. Там произошел горячий разговор с тюремным пастором. После того как я, коммунист, нарисовал картину близкого будущего человечества — без рабства, угнетения и религиозной веры, — мне показалось, что «святой отец» задумался. В камере на минуту воцарилась тишина.

«Ты уверен, — начал пастор, — что будет все именно так, как говоришь?» — «Да. Расширяться будет только научный взгляд на мир». — «А я уверен, что люди, несмотря на колебания, вернутся к Христу. Когда наступит конец света, войско дьявола, в котором сейчас ты, будет разбито».

Мы спорили в темном, сыром застенке. Пастор мог в любую минуту, отряхнув сутану, уйти, оставив своего закованного оппонента на цементном полу наедине с крысами. Тогда я решился задать ему последний вопрос:

«Я слышал, что христианство всепрощающе. Может быть, вы, святой отец, знаете наверняка, кто в каком будет войске?»

Помедлив, пастор ответил, что границу эту не проведешь, как линию на бумаге.

Несмотря на поздний час, в музее светились окна третьего этажа. Я решил зайти попрощаться. Пришлось довольно долго звонить. Дверь открыла приветливая пожилая женщина.

— Господина директора сейчас нет, — сказала она мне.

Я понимающе кивнул и, попросив передать привет, собрался уходить. Как вдруг заметил — в зале кто-то ходит.

— Там темнокожая дама, она приехала из далекой страны. Никогда не видела даже портрета Ленина. Видно, — прошептала женщина, — не все в мире просто.

Над Халлитускату плясали от ветра неоновые светильники. Небольшая финская улица невидимо пролегла на тысячи миль, через океаны и континенты.

А. ВОЛЖАНИН

„Болото ропшинских переживаний"

В каждой крупной библиотеке на самом видном, почетном месте стоят ныне десятки массивных томов в темно-синей обложке — Полное собрание сочинений Владимира Ильича Ленина. Фундаментальные исследования и публицистические статьи, речи и газетные заметки, телеграммы и лаконичные записки — колоссальное научное и литературное наследство заключено в этих книгах. Бессмертным памятником выстроились они на книжных полках. Пройдут десятилетия, пройдут века, но каждое новое поколение будет читать и перечитывать эти книги так же, как читаем и перечитываем их мы с вами.

Все, что написано Лениным, стало достоянием вечности. Но не для вечности писал Владимир Ильич. Он писал для того, чтобы победить в политической и идеологической борьбе, которую вел непрерывно на протяжении трех десятилетий. Многоголосое эхо жизни звучит в ленинских работах; трепещущий пульс эпохи ощущаем мы в каждой ленинской строке. И поэтому Ленина немыслимо представить живым, если для нашего ума, для нашего чувства и воображения мертва будет та эпоха, в которую он жил и боролся, которой он дышал. А дышал Ильич всегда полной грудью!..

Но те времена уже давно ушли в прошлое, отгремев и отшумев политическими бурями. Времена ушли, но отзвук их, запечатленный в ленинских работах, остался навечно. То, что раньше, когда работы Ленина выходили из-под его пера, было известно и понятно каждому, теперь зачастую неясно нашим современникам, за исключением ученых-историков. Нужно помочь читающим Ленина по возможности полно восстановить события, людские судьбы, облик современников — и из стана соратников, и из стана врагов, — словом, все, что нашло свой отзвук на страницах сочинений Ленина.

27 августа 1924 года, ровно в 11 часов утра, председатель суда начал знаменитый процесс:

— Объявляю заседание Военной коллегии Верховного Суда СССР открытым. Слушается дело именующего себя Степановым Виктором Ива-

новичем, он же Савинков Борис Викторович, — по обвинению в том, что с 1917 года по август месяц 1924 года он руководил контрреволюционными выступлениями, организацией контрреволюционных банд и бандитскими выступлениями на территории Советской республики... Товарищ комендант, введите подсудимого!

А начал он, Савинков, жизнь свою совсем неплохо...

Когда в мае 1901 года Владимир Ильич Ленин приступил к работе над книгой «Что делать?», на письменном столе в его мюнхенской квартире, по всей вероятности, лежала тонкая брошюра «карманного» формата, на обложке которой был нарисован русский рабочий, поднявший над головой красный флаг со словами «Рабочее дело». Это был шестой номер социал-демократического журнала, изданного год назад в Женеве.

Внимание Владимира Ильича привлекла небольшая статья «Петербургское движение и практические задачи социал-демократии», подписанная аббревиатурой «Б-в». «Статья, — уведомляла редакционная сноска, — написана товарищем, принимавшим самое деятельное участие в петербургском социал-демократическом движении. Мы ее печатаем без всяких изменений как ценное сообщение близкого наблюдателя».

Критикуя «Рабочее дело» за распространяемые им ошибочные идеи, Владимир Ильич с этим редакционным примечанием был целиком согласен... «Это совершенно справедливо, — писал он по поводу одного из утверждений «Б-в», — и мы опять-таки подчеркиваем, что «ценное сообщение близкого наблюдателя» вполне подтверждает наш взгляд на причины современного кризиса в социал-демократии, а следовательно, и на средства исцеления от него».

Несколько раз Владимир Ильич обращался к «замечательной по своей правдивости и живости статье», делая из нее пространные, на целую книжную страницу, выписки, выделяя курсивом наиболее интересное и важное. И всякий раз он подчеркивал ту добрую оценку, которую — в его глазах — заслуживала эта статья (хотя он далеко не во всем соглашался с ней) и ее безымянный автор, называя его думавшим практиком.

За псевдонимом «Б-в» скрывался двадцатилетний студент Петербургского университета Борис Савинков.

Он сделал всего лишь несколько первых шагов по единственно верному революционному пути и вскоре свернул на другую дорогу, которая пятилетие спустя толкнула его в «болото ропшинских переживаний» (слова В. И. Ленина), а спустя два десятилетия привела к полнейшему идейному и моральному краху.

«В начале 1902 г. я был административным порядком сослан в г. Вологду по делу с.-петербургских социал-демократических групп... Социал-демократическая программа меня давно уже не удовлетворяла. Мне казалось, что она не отвечает условиям русской жизни... Я плохо верил в революционный подъем рабочих масс».

Так писал сам Савинков в автобиографических «Воспоминаниях террориста».

Не успела еще книга В. И. Ленина тайно разойтись по России, как «Б-в» превратился в эсера, примкнул к партии социалистов-революционеров и нелегально уехал за границу. И в этом решении (можно сказать, роковом для его личной судьбы) не было ничего случайного. Не случайно эсеры понравились Савинкову. Не случайно Савинков понравился эсерам.

Не одну статью посвятил Владимир Ильич критике слов и дел этой политической партии. Он писал о группах «неустойчивой интеллигенции, которая считает «широтой» свою расплывчатость и беспринципность». О ее «полнейшей теоретической беспринципности и шаткости (а также об искусстве прикрывать таковую потоком слов)», о «невероятной путанице воззрений», о привычке хвататься «за обрывки каких угодно теорий», о совершенно неопределенной и непозволительно половинчатой позиции между двух стульев.

Таковы были эсеры... Ну а Савинков?

На следующий день после вынесения приговора Савинкову, 30 августа 1924 года, «Известия» напечатали передовую, посвященную этому судебному процессу. Газета дала осужденному меткую, глубокую характеристику: «Он был продуктом интеллигентской среды, которая не знала масс, которая не верила в массы, которая хотела быть вождями, вести массы за собой, не спрашивая их, не интересуясь их волей... Свою волю, свои ошибки, свои кабинетные измышления они выдавали за стремления рабочих и крестьян, и считали массы только оружием своих замыслов, считали их только тараном, который должен пробить дорогу, чтобы эти вожди, эти «спасители человечества» пришли к власти».

Душу юного Савинкова испепеляло ненасытное честолюбие, которое, в сочетании с неуемной энергией и предприимчивостью, не могло не привести к самым отчаянным авантюрам. Он любил не столько революционный народ, сколько себя во главе революционного народа. Долголетняя будничная, «черновая» работа по подготовке масс к революции, долголетняя работа над самим собой, над своими убеждениями и научными познаниями, необходимость изо дня в день «гнуть спину» над мудреными книгами — такая перспектива никак не устраивала нетерпеливого кандидата в «народные герои».

В ноябре 1903 года Савинков выехал из Женевы в Петербург для подготовки покушения на министра внутренних дел Плеве.

Потянулись будни тайной террористической группы, похожие на кадры приключенческого «боевика»...

Проходили недели, месяцы... Не один раз выходили метальщики «на Плеве», часами «прогуливались» по петербургским улицам и площадям с тяжелыми свертками в руках или под одеждой.

И вот 15 июля 1904 года на Измайловском проспекте Егор Сазонов, подбежав вплотную к мчащейся министерской карете, бросил, разбив стекло, бомбу прямо в лицо смертельно перепуганному Плеве. Карету разнесло в щепки, Плеве был убит, Сазонов тяжело ранен и схвачен полицией... Несколько месяцев спустя петербургская судебная палата отправила Сазонова в бессрочную каторгу, в страшный Акатуй, где он впоследствии покончил жизнь самоубийством.

Министр убит, место его занял другой сановник. Пирамида самодержавного государства по-прежнему возвышалась над беспредельными просторами Российской империи... По словам Владимира Ильича, жизнь революционера была отдана за месть одному негодяю и замещение убитого негодяя новым. «...Мы убеждены, — писал он, — что *отдавать* одного революционера хотя бы за десять проходимцев значит дезорганизовывать только свои собственные ряды, которые и без того редки...» Бессмысленность, бесплодность пути, избранного Савинковым и его новыми единомышленниками, проявилась со всей очевидностью. Но их это ничему не научило, и они стали готовить новые «перемещения» в придворной своре, жертвуя ради этого молодыми жизнями самопожертвенно настроенных террористов.

Следующей целью стал великий князь Сергей Александрович, царев дядя, московский генерал-губернатор, виновник ходынской катастрофы при коронации своего «державного» племянничка в мае 1896 года (ему дали прозвище — «князь Ходынский»), махровый реакционер, самый жестокий и неумолимый блюститель интересов романовской династии.

И снова, на этот раз на московских улицах и площадях, появились уличные торговцы вразнос и лихие извозчики, высматривающие великокняжеские «выезды». Однажды вечером, в самом начале февраля 1905 года, Иван Каляев, подстерегавший генерал-губернатора с бомбой в руках под каменным навесом дома городской думы (теперь Центральный музей В. И. Ленина), увидел изученную им во всех деталях роскошную великокняжескую карету, освещенную ярким белым светом установленных на ней ацетиленовых фонарей. Карета мчалась из Никольских ворот к Большому театру. Каляев бросился наперерез ей и в последнее мгновение, уже с занесенной для броска рукой, увидел на ее сидениях, кроме «князя Ходынского», его жену и двух детей. Каляев пропустил карету мимо себя.

Прошло еще два дня, и 4 февраля 1905 года Каляев встретил карету князя уже на кремлевской территории, между Арсеналом и зданием Сената, неподалеку от Никольских ворот.

«Я бросал на расстоянии четырех шагов, не более, с разбега, в упор, — писал он товарищам из тюрьмы, — я был захвачен вихрем взрыва, видел, как разрывалась карета. После того как облако рассеялось, я оказался у остатков задних колес. Помню, в меня пахнуло дымом и щепками прямо в лицо, сорвало шапку. Я не упал, а только отвернул лицо. Потом увидел шагах в пяти от себя, ближе к воротам, комья великокняжеской одежды и обнаженное тело... Я огляделся. Вся поддевка моя была истыкана кусками дерева, висели клочья, и она вся обгорела. С лица обильно лилась кровь, и я понял, что мне не уйти, хотя было несколько долгих мгновений, когда никого не было вокруг...»

«Особое присутствие» сената приговорило Ивана Каляева к смертной казни через повешение... Поздно вечером 9 мая 1905 года Каляева, уже переведенного в Шлиссельбургскую крепость, посетил тюремный священник. Революционер отказался от церковной исповеди. Во втором часу ночи 10 мая осужденного подвели к виселице, черневшей на крепостном дворе. Зачитали приговор. Смертник выслушал его, стоя на помосте. К нему снова приблизился священник, протягивая крест для поцелуя. Каляев отстранил крест. Тогда рядом с ним на том самом месте, где только что стоял священник, встал палач...

Погиб Иван Каляев... А «осиротевшее» место московского генерал-губернатора занял новый царский сатрап, ничем не лучше «князя Ходынского».

Эсеровский террор вскоре зашел в неизбежный тупик и выдохся. Предательство бессменного руководителя террора — пресловутого Азефа, одного из главнейших «столпов» эсеровской партии, который около двух десятилетий (еще с шестого класса гимназии) состоял платным агентом департамента полиции, — вконец развалило «боевую организацию».

Борис Савинков с размаха сел на илистую мель жестоких жизненных разочарований.

И в эти дни из глубины его путанного мировоззрения выплыли на поверхность религиозные, мистические настроения. Савинков отложил в сторону динамитную бомбу и взял Библию. Террорист Б. Савинков превратился в модного писателя В. Ропшина. Заглавие первого своего романа он взял из Апокалипсиса (Откровения Иоанна Богослова) — «Конь бледный».

«...И вот, конь бледный и на нем всадник, которому имя смерть; и ад следовал за ним...» — новозаветные, апокалипсические слова эти начинали ропшинскую книгу в качестве эпиграфа.

Сюжет скандально-знаменитого произведения почти с документальной

точностью повторял действительную историю эсеровского террористического акта: и приезд вожака в один из больших российских городов с фальшивым паспортом на имя великобританского подданного (Савинков поехал «на Плеве» с подложным английским паспортом), и наблюдатели, переряженные в извозчиков, и все остальные уже известные нам подробности.

Евангелие и Откровение Иоанна — это, пожалуй, единственные книги, которые цитирует новоявленный романист. Но зато цитирует часто... Читатель то и дело встречает библейские выписки: «Третий ангел вылил чашу свою в реки и источники вод и сделалась кровь...» «Пусти серп твой и пожни, потому что пришло время жатвы...» «Счастлив тот, кто верит в воскресение Христа, в воскрешение Лазаря, — рассуждает главный герой романа, некто Жорж, от лица которого, в дневниковой форме, и ведется повествование. — Счастлив так же, кто верит в социализм, в грядущий рай на земле...» Метальщик Ваня, бомбой которого и был убит губернатор, ведет длинные разговоры на «божественные темы» — о «богочеловеке Христе», о «тяжелом кресте», о «великом грехе», о «крестной муке», о «евангельском пути» в жизни.

Изображать великие революционные потрясения в жизни народа в виде зловещих апокалипсических видений — дело, конечно, неновое, не Савинковым-Ропшиным изобретенное. И до него, и вместе с ним, и после него в этой «устрашающей» словесности упражнялись православные архиереи, священники, проповедники, литераторы, коим, как говорится, несть числа. «Пикантная» особенность «ропшинских переживаний» состояла в том, что общеизвестными апокалипсическими миражами на этот раз увлекся бывший бомбист, «столп» эсеровского террора, — «тот самый, который», как, наверное, полушепотом говорили о нем среди «читающей публики».

Всякий революционный протест, всякое революционное действие — бессмысленно, бесцельно и безнравственно. Вот главная мысль, вот, с позволения сказать, пафос этого романа. И тут Ропшин-Савинков встал на одну доску с церковными проповедниками, которые всегда и везде стремились умертвить революционный дух проповедью «всеобъемлющей христианской любви»... Вторым эпиграфом к «Коню бледному» Савинков поставил слова из послания апостола Иоанна: «Кто ненавидит брата своего, тот находится во тьме, и во тьме ходит, и не знает, куда идет, потому что тьма ослепила ему глаза».

Еще в дореволюционное время само имя Савинкова-Ропшина стало для В. И. Ленина словом бранным... «Революционер-то вы вроде Ропшина!» — с презрением заметил Владимир Ильич в одной из своих статей, написанных в середине 1915 года.

Роман «Конь бледный» кончается недвусмысленным намеком на самоубийство главного героя: «Когда звезды зажгутся, упадет осенняя ночь, и я скажу мое последнее слово: мой револьвер со мной».

Вымышленный, литературный бомбист оказался достойным большинства эсеровских фразеров и позеров: сказал красивую фразу и... не застрелился. Спустя несколько лет он вынырнул из небытия уже в новом романе Ропшина с новым апокалипсическим названием — «Конь вороной».

Если в «Коне бледном» Жорж был эсером-бомбистом, то в «Коне вороном» (написанном в 1923 году в Париже, в эмиграции) он стал белогвардейцем, белобандитом, ярым контрреволюционером. Литературный герой в точности повторил путь своего создателя... Нет, наверное, необходимости напоминать читателю позорный «послужной список» Савинкова — одного из самых яростных, изворотливых, неутомимых врагов Октябрьской революции и Советской республики. Нет необходимости, ибо это известно каждому. Полистаем лишь ленинские работы.

«...с Савинковым — другом Корнилова»:

«Лето 1918 года совпало с громадным заговором в Ярославле, который, был, как теперь доказано и признано участниками, вызван французским послом Нулансом, который подговорил Савинкова устроить этот заговор...»

В 1920 году в Варшаве Савинков издал небольшую брошюру с громким заглавием «Борьба с большевиками»... Ее стоит прочитать, чтобы воочию представить себе, до каких жутких низин политического и нравственного падения может докатиться со временем человек, который в юности не имел сил и желания воспитать в себе верное, научное, истинно социалистическое мировоззрение.

«Я помню также, — вспоминал Савинков о событиях лета 1918 года, когда он, во главе созданного им тайного «Союза защиты родины и свободы», готовил антисоветский мятеж в Ярославле и других городах, — как на улице меня остановили пятеро вооруженных красногвардейцев и потребовали оружие, — и как мы стреляли, и как двое большевиков упало. Но это были мелочи ежедневной жизни».

Убийство двух русских рабочих с красными повязками на рукавах бывший социалист и «борец за народную свободу» уже считал пустяковыми «мелочами повседневной жизни»!.. Немного позднее, в боях под Казанью, белогвардейский отряд, в котором пребывал Савинков, незаметно приблизился к красноармейскому митингу. «...И только, когда митинг был в полном разгаре, — спокойно повествует апокалипсический беллетрист, — мы открыли пулеметный огонь по холму. Через несколько минут весь холм был покрыт человеческими телами... Тогда наш капитан скомандовал: «к седлам», и мы выехали на холм, где только что проходил митинг. У меня не было шинели. Я взял одну. Она была в крови».

«Борьба с большевиками» полностью провалилась. И для Савинкова, и для всех его соратников.

В середине августа 1924 года Савинков, тайно переправившись через советско-польскую границу, проник в нашу страну.

18 августа в 10 часов утра чекисты арестовали его в Минске. И уже через три дня, 21-го, он написал покаянное письмо, начинавшееся такими словами:

«Я, Борис Савинков, бывший член боевой организации ПСР *, друг и товарищ Егора Сазонова и Ивана Каляева, участник убийства Плеве и великого князя Сергея Александровича, участник многих других террористических актов... обвиняюсь ныне рабоче-крестьянской властью в том, что шел против русских рабочих и крестьян с оружием в руках. Как могло это случиться?»

Мы знаем, как могло это случиться... «Как «партия, — писал Владимир Ильич Ленин, — они заняли с самого начала такую внутренне противоречивую, такую скользкую позицию, что на ней не могли удержаться, без постоянных шатаний и падений...»

— Тогда, когда свистела такая буря и валился такой бурелом, я разделял заблуждения многих, — сказал Савинков 27 августа 1924 года, стоя перед Военной коллегией Верховного Суда СССР.

Да, это так... Вихри политической борьбы шатали его из стороны в сторону. И в сторону кощунственного разочарования в революционной борьбе, и в сторону религиозных, апокалипсических размышлений...

Суд приговорил Савинкова к расстрелу и в этом же приговоре, «принимая... во внимание проявленное Савинковым полное отречение и от целей, и от методов контрреволюционного и антисоветского движения, его разоблачения интервенционистов и вдохновителей террористических актов против деятелей Советской власти и признание им полного краха всех попыток свержения Советской власти... постановил: ходатайствовать перед Президиумом Центрального Исполнительного Комитета СССР о смягчении настоящего приговора».

ЦИК в тот же день заменил расстрел десятилетним тюремным заключением.

Всего лишь за четверть столетия этот человек прошел путь от молодого социал-демократа «Б-в» до осужденного советским, рабоче-крестьянским судом политического преступника. И годы подъема, взлета прошли под знаменем материалистического, атеистического мировоззрения, а годы духовного падения, ренегатства и предательства — под знаменем, исписанным библейскими изречениями.

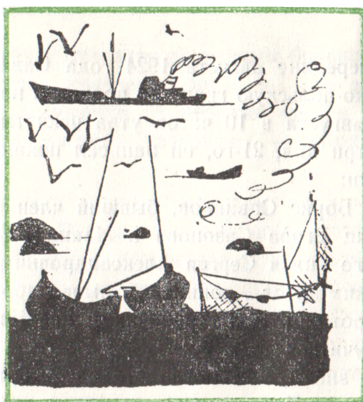
Вряд ли это нельзя назвать закономерностью.

Жизнь Бориса Савинкова, человека, несомненно, с недюжинными природными задатками, была прожита зря.

Он и сам понял это.

---

* ПСР — партия социалистов-революционеров.

ЗА ГРАНЬЮ НЕОБЫЧНОГО

Время все дальше и дальше отодвигает эту встречу с Константином Георгиевичем Паустовским в Тарусе, в мягкий и серый зимний денек, больше похожий на день поздней осени.

Разговор состоялся в рабочей комнате писателя, за его письменным столом, среди книг и рукописей.

Мой отец, рассказывал Константин Георгиевич, железнодорожный статистик, был атеистом, как это и подобало передовому человеку. Он не упускал случая, чтобы не посмеяться над ксендзами и священниками. Но за это ему приходилось выдерживать отчаянные нападки со стороны моей верующей бабки-польки.

С религиозным фанатизмом я столкнулся еще в раннем детстве. Он потряс и напугал меня. Отвращение к нему прочно вошло в мое сознание на всю жизнь.

Бабушка каждую весну великим постом ездила на богомолье по католическим «святым» местам — в Варшаву, Вильно или Ченстохов. Однажды, воспользовавшись тем, что отец уехал в Вену на конгресс статистиков, она взяла меня с собой в одно из таких путешествий.

...В Ченстохов поезд пришел ранним утром. Из вагонов вышла разноцветная толпа богомольцев. Здесь были и городские обыватели в пыльных котелках, и крестьяне, и исступленные старухи. Встречали богомольцев старый, тучный ксендз и мальчики-причетники в кружевных одеяниях. Процессия богомольцев выстроилась тут же, на пыльной дороге около вокзала. Ксендз благословил ее и забормотал в нос молитву. Толпа рухнула на колени и поползла к монастырю, распевая псалмы.

Надо сказать, что знаменитый католический монастырь «Свента гура», где хранилась «чудотворная» икона божьей матери, был от ченстоховского вокзала в двух километрах. Толпа ползла на коленях до самого монастырского собора. Впереди ползла женщина с белым исступленным лицом. Она держала в руке черное деревянное распятие. Ксендз медленно и равнодушно шел впереди этой толпы. Было жарко, пыльно, пот катился по лицам. Люди хрипло дышали, гневно оглядываясь на отстающих.

— Зачем это? — спросил я бабушку шепотом, схватив ее за руку.

— Они грешники, — ответила бабушка. — Они хотят вымолить прощение у пана бога.

В монастыре служка-монах, подпоясанный веревкой, провел нас в холодную гостиничную комнату. На одной из стен висело распятие.

Когда монах спросил, не болеет ли бабушка, она, будучи очень мнительной, тотчас же пожаловалась на боли в сердце. Монах достал из кармана рясы горсть маленьких, сделанных из серебра сердец, рук, голов и даже игрушечных младенцев и высыпал все это на стол.

— Есть сердце, — сказал он, — на пять рублей, на десять и на двадцать.

Эти слова запомнились мне. Я был поражен, как можно торговать такими «непродаваемыми» вещами.

А ночью того же дня бабушка повела меня в костел. Душный мрак был скован высокими стенами и наполнен дыханием толпы. Сладковато пахло цветами. Не видно было ни одной свечи, никакого проблеска света. На полу крестом лежали сотни людей. Печальные вздохи разносились вокруг.

Неожиданно в тяжелом мраке раздался, сотрясая стены, рыдающий гром органа. Вспыхнули сотни свечей. Я был ослеплен и испуган.

Прошла ночь. Светало. Толпы молящихся с красными от бессонницы и напряжения глазами стояли на коленях около собора. Ждали выхода кардинала. И вот он появился. Шел он легко и стремительно. Пурпурная его сутана задевала молящихся. Они ловили край кардинальской одежды и целовали его страстно и униженно.

Бабушка приказала поцеловать сутану и мне. Но я не послушался. Я побледнел от обиды и прямо посмотрел в лицо кардиналу. Наверное, у меня на глазах были слезы. Он остановился, положил на мгновение свою руку мне на голову и сказал по-польски:

— Слезы ребенка — лучшая молитва господу.

Но это были не слезы умиления и молитвы «всевышнему», а слезы оскорбления. Я, к ужасу бабушки, не захотел поцеловать сутану.

Помню, летом 1922 года в Батуми, где я тогда жил, ко мне зашел один знакомый писатель. Он предложил пойти вечером посмотреть «шах-сей-вахсей». Тогда мы знали об этом обряде лишь то, что это самоистязание фанатиков в знак памяти их давно погибших предков-мусульман.

Наступил жаркий, необыкновенно влажный вечер. Напрасно старый батумец пробовал нас остановить.

— Беда жди, большой беда, — вместо напутствия произнес он, когда мы выходили на улицу.

Было тихо. Пахло соленой водой, рыбой. Ровно плескалось море. На площади нас догнал моряк со звучной фамилией Нирк. Рослый, белокурый эстонец, он соединял в себе огромную физическую силу и необыкновенную доброту. Когда мы подходили к мечети, народу становилось все больше и больше. Вскоре люди уже стояли плотной живой стеной. Постепенно шум толпы начал смолкать. Распахнулись двери мечети. Блеснул огонь факелов. Слышалось тихое позвякивание металла.

Мы, привстав на цыпочки, смогли, наконец, разглядеть процессию. Человек сорок шли друг за другом. Одеты они были в длинные белые балахоны. Каждый держал в одной руке факел, а в другой — связку длинных тонких цепей. Подняв факелы высоко над собой, люди в балахонах сначала легко, а потом все сильнее и сильнее стали бить себя связками цепей по спине. Тишину быстро сменил ужасающий крик. Звенели цепи, слышались вопли людей, полосовавших себя железом. Глухо стонала толпа. Белые балахоны на глазах темнели от крови. Цепи превращали спины людей в кровавое месиво.

Над толпой несся протяжный крик: «Ша-а-ахсей-ва-ахсей!»

От крови, криков, дыма факелов кружилась голова. Одна немолодая женщина, обезумев, сорвала с себя чадру и, шатаясь, выбежала из толпы на мостовую. К ней тут же подскочил рослый турок, схватил ее за волосы, повалил на землю, а затем со страшной силой ударил ногой в лицо. Тело женщины несколько раз дернулось и затихло на пыльных камнях.

Все произошло мгновенно. Расталкивая людей, мы бросились к этой женщине. И тут неожиданно ощутили огромную и тупую силу толпы. На нас смотрели сотни ненавидящих глаз. Как смеют гяуры мешать священной процессии!

Думаю, что мне не пришлось бы рассказывать вам об этом, если бы у Нирка не оказалось оружия.

— Бегите! — крикнул он, а сам, выхватив пистолет, заставил толпу отступить назад. Эти секунды спасли нам жизнь.

Подлинная передовая литература всегда была гуманна и враждебна всякому изуверству, затемнению человеческого разума, религиозному фанатизму. Она всегда боролась с оскоплением человеческой души.

Широкое дыхание романтики сопутствовало революции и строительству. И сейчас задача художника — показать необычное наше время, углубление, если можно так выразиться, психики и культуры современного человека, великие исторические сдвиги, пафос труда. Истинный писатель работает, «усовершенствуя плоды любимых дум, не требуя наград за подвиг благородный».

Недостаточно иметь под рукой пусть сырой материал, но материал фактов, недостаточно одной схемы или продуманного плана, чтобы произведение жило самостоятельной жизнью. Плод глубокого, подлинного творчества существует и развивается по своей внутренней логике, которую не может предусмотреть самый идеальный план.

Произведение искусства — это драгоценный слиток. Это — живой реальный материал, превращенный силой воображения в богатый сплав. Воображение — подлинное волшебство. Оно — основа искусства. Это — огромное, нестерпимо сверкающее солнце, загорающееся над дымкой первоначального замысла, это — золотой ключ, открывающий вход в удивительный мир, полный идей, событий, труда, горя и радости, любви и гнева, людских характеров, голосов, звуков, запахов, пения птиц и полета облаков.

Блок говорил: «Я человек занятой. Я служу литературе». И он был бесконечно прав. Литература — не ремесло, не легкая жизнь. Для настоящего творчества нет путей, «чтобы протоптанней и легче». Не самомнение, а непрерывное беспокойство, поиски — вот что отличает подлинных писателей.

Человеку — великому хозяину мира — стремятся они щедро передать все лучшее, что накопили у себя в душе. Писательская щедрость завоевывает людские сердца.

В. БУКИН,
доктор философских наук

У деда один бог, у бабушки — другой

Верующий человек, для которого религия стала незаменимой эмоциональной и духовной опорой, прочно вросла в его жизнь, измеряет и оценивает все происходящее религиозными мерками.

Однако религиозные представления верующих имеют и существенные различия. Поэтому их поступки и действия иной раз настолько несхожи, своеобразны, что непроизвольно закрадывается сомнение, а есть ли в их отношении к миру, в реакциях на события и явления единый план поведения, общий для всех верующих?

Перед нами — свидетельство основоположника литературы социалистического реализма М. Горького, повидавшего в своей жизни немало верующих. В автобиографической повести «Детство» с большой силой художественного проникновения рассказывает он о самобытности религиозных верований своих близких — деда и бабушки, которые были его первыми воспитателями.

Алексей очень рано понял, что у деда — один бог, а у бабушки — другой. Ласково глядя на лик казанской божьей матери, бабушка истово крестилась и горячо шептала слова восхищения и благодарности. Молитва была слишком тесной для выражения переполнявших ее чувств. И бабушка не боялась отступить от текста молитвы. Каждый раз она умела находить все новые и новые слова похвалы всевышнему. Такая похвала совсем не была заученной.

О своем боге бабушка рассказывала всегда и всем — даже животным. «Мне было ясно, — пишет М. Горький, — что этому богу легко и покорно подчиняется все: люди, собаки, птицы, пчелы и травы; он ко всему на земле был одинаково добр, одинаково близок». Взгляд на бога как на добрейшее существо, которое всем помогает и с которым легко обо всем можно договориться, — вот что лежит в основе ее верований.

Совсем иным представляется мальчику дедов бог. Дед молится, читая слова молитвы твердо, точно отвечая урок. Голос его звучит внятно и требовательно, фразы откладываются аккуратно. Никакой «отсебятины» в обращении к господу он не допускает.

Рассказывая внуку о боге, он прежде всего подчеркивает его жестокость. Вот согрешили люди однажды — и бог наслал на них всемирный потоп, согрешили еще раз — и города их были разрушены, а сами они сожжены. У него бог постоянно наказывает людей голодом и мором, всегда несет с собой меч и бич грешникам. Бог для него выступает мстительным существом, карающим началом, твердым и жестоким в своей деятельности надзирателя.

Невольно напрашивается вопрос: чем же объяснить столь разительное различие в представлениях о сверхъестественном? Почему у бабушки бог ассоциируется с добрыми силами природы, расположенными ко всему живому, а у деда явно преобладает убежденность в жестокости как основной черте характера божества? Почему у бабушки при размышлении о боге возникает всегда целый комплекс положительных эмоций, а у деда господствуют отрицательные чувства, угнетающие его и других?

Разность представлений о сверхъестественном обусловлена разностью индивидуальностей. Дед по своей природе, общему складу характера человек суровый. Жизнь не миловала его. Он рано познал ее гнусности. Будучи главой дома, он более всех других вынужден был проявлять настойчивость и упорство в борьбе за существование. Капиталистическая среда сделала из него мелкого хозяйчика, призванного охранять свою собственность. Меркантильный расчет, бережливость, строгость и аккуратность в отношениях с другими и в хозяйственных делах стали неотъемлемыми чертами его характера. Взятая им на себя социальная роль обусловила определенный набор свойств личности и тем самым предопределила характер его представлений о божестве. Сам того не замечая, он проецирует на небесный мир свои собственные ожидания от жизни и находит в нем те самые свойства, которые так дороги ему в личной практике.

Бог деда, следовательно, совсем не случайно напоминает внуку самого деда — сухонького старичка, скуповатого, расчетливого, строгого и жестокого до исступления со всеми, кто не дорожит его образом жизни, накопленными ценностями. У деда и не могло быть иного бога. Всякий иной бог помешал бы реализации его личных планов, заведомо обманул бы его в своих ожиданиях. На это старик не может пойти.

На долю же бабушки выпала совсем иная роль. Она не стала хранительницей собственности, права ее в доме урезаны. На ней — воспитание детей, кухня. Своим положением в семье она была призвана как бы уравновесить односторонность, олицетворяемую дедом, и наполнить жизнь семьи тем, чем не мог дед. Она в оппозиции к нему. И ее оппозиционные настроения в семье невольно сообщаются и ее религиозным настроениям, группируя их вокруг идеи доброты, благодарности, связывая их с ожиданием чего-то хорошего.

Общение со стаей торгашей, готовых перегрызть друг другу горло за жизненные блага, ожесточило деда. Бог его тоже стал жестоким и

мстительным, готовым мгновенно наказать, покарать. Узкий круг семейного общения бабушки, призванной вносить спокойствие, сплачивать семью, сохраняя ее единство, требовал от нее доброты и смиренности. Какой она была в жизни, такой пантеон она видела и на небесах. И у деда, и у бабушки диапазон чувствований по отношению к вымышленному, сверхъестественному миру задан своеобразием их социальных ролей, особенностью их положения в обществе, в той социальной группе, представителями которой они являются.

Бог для деда играет ту роль, которую сам дед играет в жизни. Он столь же деловит, скуп, предприимчив и жесток, как и дед со всем его характером.

Аналогичное соотношение жизненных ролей и божественных предписаний мы обнаруживаем и у бабушки. Она всем близка, и это ее свойство распространяется и на бога. Она может укорять бога, напоминать ему, чтобы он не забывал одарять людей радостью. В ее представлении бог выступает помощником, а не судьей.

Нетрудно заметить, что весь набор положительных качеств, которые бабушка приписывает богу, с поразительной точностью воспроизводит и повторяет присущие ей самой личностные качества. Это совсем не случайное совпадение, а общее правило.

В воззрениях верующих на сверхъестественное обязательно присутствуют их общие воззрения на мир, на добро и зло, справедливое и несправедливое. Чувства, испытываемые ими по отношению к сверхъестественному, фантастическим образом копируют действительно присущие им и преобладающие у них чувства. Привычки и склонности бога есть лишь переосмысление реальных привычек и склонностей людей, верящих в него. Верующие приписывают богу тот образ жизни, который ведут сами.

Именно поэтому изучение религиозной мифологии и культа имеет значение не только для понимания истории человеческих заблуждений. По верованиям людей узнаются и сами люди в их реальных устремлениях, действительных запросах и насущных потребностях.

Каждая исторически сложившаяся религиозная форма — это особый тип отношения человека к действительности, обусловленный временем, событиями, конкретным состоянием культуры. В религиозных напластованиях, сколь бы запутанными они ни были, всегда можно уловить отзвуки брожения умов, чувств, характерных для эпохи.

Поэтому, строго говоря, создаваемое религией прокрустово ложе в разные эпохи и у разных народов различно. Входящее в это понятие конкретно-историческое содержание, затрагивая общие религиозные требования, производит в них смещения, перестановки. То, что обязательно к исполнению в одних условиях, в других считается менее обязательным, а порой и излишним.

Как мы уже убедились, в повести М. Горького религиозные предписания деда, которым он неуклонно следует и соблюдения которых требует от других, во многом отличаются от предписаний, которых придерживается бабушка. Они веруют в одного и того же бога, но представляют его во многом по-разному. Настолько по-разному, что если бы попытаться установить по их представлениям основные признаки божества, то это будет скорее не один бог в разных ипостасях, а два совершенно различных существа, имеющих только общее название.

Роднит их, пожалуй, только одно. Однажды созревший и вылившийся в определенные формы комплекс мыслей, чувств и переживаний они проносят в почти неизменном виде через всю жизнь. Бог всегда им видится примерно одинаковым.

Каждый из них уверенно укладывает все новые факты в когда-то сформировавшуюся схему, без всяких затруднений располагает их по привычным полочкам. Оба они абсолютно убеждены в непогрешимости сложившейся у них концепции бога. В соответствии с этой привычной убежденностью они и действуют.

Принцип, согласно которому происходит у них отсев неблагоприятно действующей информации, обладает большой устойчивостью и постоянством. Для бабушки небожественное — значит злое, для деда небожественное — безнаказанное. Это небожественное они и не приемлют. Оно не укладывается в их стереотип, подрывает его в основе.

Иное дело — Алексей. Ребенку, только еще вступающему в жизнь и не имеющему собственного зрелого опыта, трудно самому разобраться в событиях и прийти к какому-то решению, которое служило бы отправным моментом в его поступках и поведении.

В определении своих жизненных позиций ему неизбежно приходится опираться на опыт своих близких родственников, старших, искушенных в жизни. А у старших пробным камнем их отношения к жизни оказывается бог. Для них он — универсальный посредник в определении позиций. Ребенок тоже неизбежно становится на этот проторенный путь.

Но и этот путь усыпан трудностями. Пораженный и сбитый с толку разным отношением старших к божеству, ребенок останавливается в недоумении. Лишенный постоянства и определенности, его внутренний мир раздваивается.

Детский мир распахнут перед всеми внешними влияниями. Ему хотелось бы вобрать в себя все окружающее и слить его в гармоническом созвучии. Но сделать это невозможно. Попытки совместить несовместимое неизменно оканчиваются неудачей, отзывающейся душевными страданиями.

Его внутренний мир раздваивается настолько, что укрепляется представление о двух самостоятельно существующих божествах. Молящихся в храме он начинает подразделять на поклоняющихся каждому из этих

бсгов. Ему кажется, что все читаемое священником и дьячком адресуется дедову богу, а вот певчие поют славу богу бабушки.

Но он отнюдь не пассивно принимает такую противоречивую картину. Принимая ее по необходимости, он сохраняет за собой право оценки, распределения симпатий и антипатий.

«Бабушкин бог, — пишет М. Горький, — был понятен мне и не страшен, но пред ним нельзя было лгать, — стыдно. Он вызывал у меня только непобедимый стыд, и я никогда не лгал бабушке. Было просто невозможно скрыть что-либо от этого доброго бога, и, кажется, даже не возникало желания скрывать».

Дедов же бог, продолжает писатель, «вызывал у меня страх и неприязнь: он не любил никого, следил за всем строгим оком, он, прежде всего, искал и видел в человеке дурное, злое, грешное. Было ясно, что он не верит человеку, всегда ждет покаяния и любит наказывать».

Не сомневаясь в существовании дедова бога, Алексей в то же время не испытывает к нему никакого влечения. Этот бог не только не привлекает его, но и отпугивает от себя — настолько он суров, страшен и мелочно придирчив. В искренних и глубоких верованиях Алексея дедов религиозный комплекс не занял достойного места. Дедовские представления о боге не стали для ребенка прочным барьером, удерживающим от проступков, наставляющим на путь истины. Они — наиболее слабое и уязвимое место в религиозных верованиях мальчика.

Стандарты поведения, обусловленные страхом наказания, трепетом перед всевышним, способным покарать человека за любой проступок, не получили у Алексея сколько-нибудь существенного развития. Они не связывают его прочными нитями с религией. Если его верования будут поставлены под удар, окажутся в опасности, то прежде всего он поступится именно дедовым комплексом представлений о боге и в первую очередь порвет эти слабые нити, лишь поверхностно и по принуждению связывающие его с религией. Он и без того уже внутренне готов порвать их, поскольку они будят безрадостные мысли, доставляют огорчения, которыми жизнь насыщена в избытке.

Огорчений не ищут, они сами находят человека. Неудовлетворенность ведет его вперед, но ищет он всегда удовлетворения, связанного с положительными чувствами, со стремлением к счастью, к избытку сил и благотворно, укрепляюще действующих переживаний.

Тот набор чувств, который стоит за религиозными представлениями деда, направлен на явное возрастание нежелательных эмоций, на посев и взращивание отрицательных, тяжелых переживаний. Естественно, что сама психика воздвигает заслоны, заградительные барьеры, призванные сохранить запас положительных чувств, позволяющих нормально реагировать на воздействия внешней среды, проявляя присущую человеку избирательность и гибкость.

Алексей еще и потому не воспринял в готовом виде представлений деда о боге, что они служат явной помехой в его возрастном развитии. Они стесняют становящуюся личность, не созвучны своими жесткими рамками эмоциональным и духовным запросам ребенка. Теневые стороны жизни, раз за разом открывающиеся ему, Алексей склонен относить к досадным случайностям. Ему хочется видеть мир добрым, всех людей — мягкими, ласковыми и внимательными к нему, а жизнь — полной и счастливой, забавной и увлекательной, отвечающей его пытливости, избытку сил, многосторонности влечений, неустоявшемуся вниманию.

Переполненный ожиданием длительного счастья и постоянной радости, он невольно тянется к тому, кто ему это обещает. А сделать это может только бабушка со своим строем мироощущения, со своей добротой и заботой. Любовь к бабушке, всегда приносящей радость, делает его внимательным и заранее расположенным к ее верованиям. Тем более что эти верования сами выглядят многообещающими. Добрый бог созвучен его мечте о добром человеке. Представления о доброте бога делают внутренний мир Алексея распахнутым перед богом.

На основе этого совпадения религия затрагивает его внутренний мир уже не поверхностно, а глубоко, оставляет заметный след, который не так-то быстро и просто сотрешь. «В те дни мысли и чувства о боге, — пишет М. Горький, — были главной пищей моей души, самым красивым в жизни, — все же иные впечатления только обижали меня своей жестокостью и грязью, возбуждая отвращение и грусть. Бог был самым лучшим и светлым из всего, что окружало меня, — бог бабушки, такой милый друг всему живому. И, конечно, меня не мог не тревожить вопрос: как же это дед не видит доброго бога?»

Так мечта слилась с вымыслом, жизнелюбивая установка сплелась с многообещающей, но мало дающей религиозной установкой. Религиозные верования упрочились именно потому, что они как бы получили себе жизненное обеспечение.

При всей близости к богу бабушки бог Алексея по-своему оригинален и неповторим. Представления о нем покоятся у мальчика на специфических запросах его детской психологии, на тех исканиях, которые свойственны его возрасту, на той системе ожиданий, которые уже не характерны для старшего поколения.

Говоря о религиозных взглядах в семье Кашириных, ссылаясь на произведения М. Горького, следует помнить, что речь здесь идет о его детстве, что позже писатель стал убежденным атеистом, страстно боролся с религиозным мракобесием, показывал во многих романах и рассказах, что основная задача всех церквей была одна и та же: внушать бедным холопам, что для них нет счастья на земле, оно уготовано для них на небесах, и что каторжный труд на чужого дядю — дело богоугодное.

Как бы ни были разнообразны представления верующих о божестве, какой бы набор переживаний и чувств к предмету своих верований они ни имели, в их отношении к божеству тем не менее всегда есть нечто общее. Бог всегда выступает для них сверхъестественным существом, способным устанавливать свои порядки вопреки законам природы и против них. Бог у них всегда непогрешим — и в своей доброте, и в своей жестокости, и в своей любви, и в своей ненависти. Его поведение служит для них идеальным образцом, которому следует подражать в любых случаях жизни.

Жизнь, однако, бесконечно шире узких рамок религиозного отношения к ней. Поэтому даже некий совокупный бог, свободный от жестокостей деда и идеально воплощающий в себе доброту бабушки и жизнелюбие Алексея, не способен стать удовлетворительным мерилом сложностей жизни, выступать моделью для ее действительного понимания.

Итак, одни и те же религиозные верования неодинаково осмысливаются и чувствуются разными людьми. Индивидуальность человека и тем более его социальный статус вносят коррективы в образуемый религией психологический комплекс, расставляют в нем особые акценты, характерные именно для данного человека.

Защита подступов к внутреннему миру у каждого верующего имеет свою степень прочности и надежности. Цементирующий состав, скрепляющий убеждения верующих, столь же различен, сколь различны и сами люди.

Такие особенности, конечно же, следует учитывать в практике атеистической воспитательной работы, в выборе средств, применяемых для разрушения и преодоления обусловленных религией психологических барьеров.

Б. МАРЬЯНОВ

„Два года незаметных...“

Они минули в жизни Пушкина полтора столетия назад — «два года незаметных», так он сам их назвал, а на самом деле два года, оставившие заметный след в творческой биографии поэта и в истории русской литературы. Это были не просто годы, проведенные в родовом имении. Это была тяжкая ссылка в глухое, бедное сельцо без права выезда, почти без права общения с людьми. И эти годы были наполнены беспрерывным творческим трудом, отмечены великими взлетами человеческого духа. Какое замечательное свидетельство твердости, стойкости, нравственного здоровья нашего великого гения, чей духовный мир и сегодня продолжает поражать нас своим богатством и совершенством!

Пушкин знал, чем был вызван новый приступ царского гнева, за что император повелел заменить ему южную ссылку несравненно более стеснительной и строгой ссылкой северной: «Сосланный в глухую деревню за две строчки перехваченного письма», — писал он о себе из ссылки.

Действительно, главной причиной послужило письмо, которое Пушкин послал весной 1824 года из Одессы то ли Вяземскому, то ли Кюхельбекеру. Полиция распечатала письмо (за перепиской Пушкина следили не только в годы ссылки, но и позже, когда он был уже «на свободе») и сделала из него такую выписку:

«Читая Шекспира и Библию, святый дух иногда мне по сердцу, но предпочитаю Гете и Шекспира. Ты хочешь знать, что я делаю — пишу пестрые строфы романтической поэмы — и беру уроки чистого афеизма*. Здесь англичанин, глухой философ, единственный умный афей*, которого я еще встретил. Он исписал листов 1000, чтобы доказать, *что не может быть существа разумного, Творца и правителя*, мимоходом уничтожая слабые доказательства бессмертия души. Система не столь утешительная, как обыкновенно думают, но к несчастию более всего правдоподобная».

Выписку представили Александру I, который справедливо посчитал ее свидетельством «вредных начал», опасных для престола и церкви, несовместимых с пребыванием Пушкина на государственной службе, и приказал

* *Афеизм* — атеизм, *афей* — атеист.

«удалить его в имение родителей, в Псковскую губернию, под надзор местного начальства».

Оценим прозорливость российского самодержца. Действительно, перехваченное полицией письмо таило в себе серьезную государственную опасность: ведь в нем опровергались самые основополагающие догматы религии — о существовании бога, о бессмертии души. За этими строчками прослеживаются раздумья, приведшие к неопровержимому выводу о том, что единственно «правдоподобной», то есть соответствующей истинному положению вещей в окружающем нас мире, является «система», отрицающая существование бога, духа святого, бессмертия души — всего сверхъестественного вообще, то есть система атеистического мировоззрения.

Утвердиться в таком убеждении было нелегко. Непривычен, слишком уж противоречит общепринятым представлениям вывод: бога нет, даже не просто нет, но — «не может быть». Малоутешительно, что у смертного тела нет бессмертной души. Но что поделаешь — такова истина. Могучие доводы разума начисто опровергают «слабые доказательства» церковной догматики.

И что же Пушкин? Наказанный столь жестоко, он пересмотрел в деревенском уединении свои взгляды? Отверг атеистическую «систему» восприятия мира?

Обратимся к этим двум годам жизни Пушкина, его творчества.

Сломись он духом, деревенская ссылка стала бы концом Пушкина. «Кто творец этого бесчеловечного убийства? — с возмущением писал Вяземский, узнав, что Пушкин сослан в Михайловское. — Постигают ли те, которые вовлекли власть в эту меру, что́ есть ссылка в деревне на Руси? До́лжно быть богатырем духовным, чтобы устоять против этой пытки. Страшусь за Пушкина». Но, видимо, даже близкие друзья знали Пушкина недостаточно хорошо. Он как раз и оказался «богатырем духовным»: гонения не сломили, а закалили его. И через год после приезда в Михайловское он с полным правом сказал о себе: «Чувствую, что духовные силы мои достигли полного развития, я могу творить».

Два года ссылки стали годами редкого даже для Пушкина творческого расцвета, сравнимого разве что со знаменитой Болдинской осенью. Здесь закончены «Цыганы», написаны центральные главы «Евгения Онегина», созданы «Борис Годунов», «Граф Нулин», более сотни стихотворений, среди них такие шедевры, как «Вакхическая песня», «Я помню чудное мгновенье», «Пророк», написано несколько статей, множество писем, родились замыслы многих будущих произведений, задуманы «Моцарт и Сальери», «Скупой рыцарь», почти полтора года Пушкин вел подробный дневник (сожженный после восстания декабристов).

В том, что именно здесь, в эти годы Пушкин созрел духовно, творче-

ски, решающую роль сыграло его приобщение к народной жизни, к духу народному. Пушкин живет в деревне, деревенским бытом, наблюдает за крестьянской жизнью, беседует с крестьянами, посещает ярмарки, слушает и записывает народные песни и сказки (он наловчился записывать их незаметно, держа бумагу и карандаш за спиной).

Возможно, именно здесь подслушал Пушкин народные пословицы, столь щедро рассеянные в его произведениях.

Подлинным кладезем мудрости народной стала для Пушкина в эти годы с детства любимая его няня Арина Родионовна. Долгими вечерами слушал он рассказы неграмотной старушки, сбереженные ее богатой памятью народные предания, сказки, песни. Сохранилась тетрадь, в которую Пушкин записывал сказки и песни со слов Арины Родионовны. В автографах Пушкина и в копиях сохранилось шесть десятков записей народных песен; большинство из них сделаны в Михайловском.

Среди семи записанных тогда сказок есть и начинающаяся словами: «Поп поехал искать работника. Навстречу ему Балда...» — она и послужила основой написанной через несколько лет в Болдине «Сказки о попе и о работнике его Балде». Интересно, что в своей поэтической переработке Пушкин дал попу насмешливое прозвище «толоконный лоб» * и ввел острую антиклерикальную концовку, которой нет в записи народной сказки, — расчет Балды с попом тремя щелчками, сопровождаемый назиданием: «Не гонялся бы ты, поп, за дешевизной».

Еще в южной ссылке Пушкин отмечал «в нашем народе презрение к попам и равнодушие к отечественной религии; ибо напрасно почитают русских суеверными: может быть, нигде более, как между нашим простым народом, не слышно насмешек на счет всего церковного». Два года пребывания в Михайловском, приобщения к народной жизни не могли не утвердить его еще прочнее в этом мнении.

Михайловская ссылка была временем глубоких раздумий поэта над отечественной историей, над ее движущими силами, над ролью в истории народных масс, правителей, церкви. Поэтическим ответом на эти вопросы стала социально-историческая (или, как сам Пушкин ее назвал, народная) трагедия «Борис Годунов».

Воссоздавая ту эпоху, Пушкин пользовался прежде всего «Историей государства Российского» Н. М. Карамзина. Однако в осмыслении исторических событий, в том, что Пушкин называл «философией» драматического писателя, «государственными мыслями историка», он резко противостоит консервативно-монархической концепции Карамзина. Если в повествовании придворного историка все время незримо присутствует про-

* «Толоконный лоб — дурак» («Толковый словарь» В. Даля).

видение, божий промысл, события истории он осмысливает в религиозно-мистическом ключе, то Пушкин, исходя из правды жизни, правды истории, поднимается до глубокого понимания ее движущих сил, видит их в социальных коллизиях той эпохи, в столкновении Бориса и идущего за ним нового сословия служивых людей с родовитым боярством и прямо говорит о народе как решающей силе истории.

Причем вопреки официальной доктрине, согласно которой «православный русский народ» во все времена выступал как средоточие политической и религиозной благонадежности, оплот царского трона, в изображении Пушкина народ — грозная, опасная для самодержавия сила: «Всегда народ к смятенью тайно склонен», «Лишь строгостью мы можем неусыпной сдержать народ». Обратим внимание на характерную деталь, придающую крестьянскому бунту отчетливо антицерковную и антирелигиозную окраску: в сцене народного восстания мужик обращается со своим мятежным призывом к народу с а м в о н а — с того места, откуда обычно звучат церковные благословения самодержавной власти и «многая лета» царям.

Карамзин в своей «Истории» судит Бориса Годунова как цареубийцу, рисует его судьбу как божью кару за это преступление. Знаменательно, что и Пушкину он хотел внушить такую точку зрения. Вяземский рассказал Карамзину, что Пушкин пишет «Бориса Годунова», и письмом сообщил поэту советы маститого историка (сам Карамзин не поддерживал сношений со ссыльным): «Карамзин очень доволен твоими трагическими занятиями... Он говорит, что ты должен иметь в виду в начертании характера Борисова дикую смесь: набожности и преступных страстей. Он беспрестанно перечитывал Библию и искал в ней оправдание себе».

«Благодарю тебя и за замечание Карамзина о характере Бориса, — ответил Пушкин Вяземскому. — Оно мне очень пригодилось. Я смотрел на него с политической точки, не замечая поэтической его стороны; я его засажу за Евангелие, заставлю читать повесть об Ироде и тому подобное».

Однако это была не более чем вежливая отписка. Пушкин остался верен правде жизни, правде истории, изображает исторические события, рисует образ своего героя именно «с политической точки». В монологе-исповеди Борис говорит прежде всего о неудаче своих попыток завоевать доверие народа, «любовь его снискать», затем о семейных неурядицах и только потом — в последнюю очередь — о «нечистой совести». Трагедии Бориса Пушкин дает не промыслительное, не мистическое объяснение, а земное, социально-политическое, нравственное.

В том же духе рисует Пушкин роль религии и церкви в исторических событиях. Без тени пиетета показывает он, как противоборствующие социально-политические силы используют религию в своих интересах, чаще всего для того, чтобы найти опору в народе. От имени бога получает

Борис «священное на власть благословенье». И «божьим судом» объясняют народу противники Бориса его падение. От имени бога провозглашается в кремлевском соборе анафема Гришке Отрепьеву; еретиком, «бесовским сыном» называет его патриарх Иов. А вскоре вступление на царство самозванца (человека, который, по характеристике Пушкина, «равнодушен к религии») освящается в глазах народа именем того же бога: «Бойтесь бога. Целуйте крест законному владыке».

Такие крутые повороты событий изображены в трагедии, действие которой охватывает всего несколько лет. Но то же самое характерно для всей истории российского самодержавия. И читатели «Бориса Годунова» не могли не задуматься над словами Шуйского: «Не скажут ли, что мы святыню дерзко в делах мирских орудием творим?» Этими словами может быть ярче всего выражен взгляд Пушкина на роль религии и церкви в историческом процессе: она — оружие в политической борьбе, всегда освящающее и благословляющее того, кто оказался сильнее, кто пришел к власти.

Итак, «Борис Годунов» отразил итоги напряженных раздумий Пушкина не только над историческим прошлым своей родины, ролью народа в истории, но и над социальной сущностью религии и церкви. И здесь поэт пришел, как видим, к весьма прозорливым, передовым для своего времени выводам.

Стоит ли удивляться, что «августейший» цензор * выразил свое «высочайшее» неодобрение трагедии и запретил ее печатать. Только в 1831 году «Борис Годунов» увидел свет с купюрами и цензурными переделками. И позже трагедия вызывала неодобрение и гражданских, и духовных властей. Даже в 1891 году драматическая цензура признала «неудобными для простонародных зрелищ» сцены Пимена с Григорием и в корчме, которые, «в особенности вторая, выставляют монашество в совершенно невыгодном свете».

Пребывание Пушкина в Михайловском отмечено серьезными раздумьями и непосредственно над проблемами религии. И это закономерно. Мы уже знаем, что причиной ссылки послужили его атеистические суждения. Таким образом, религия, которая прежде представлялась Пушкину забавным заблуждением ума, предметом иллюзорным, эфемерным, пригодным разве для того, чтобы быть мишенью шутливых стихотворных упражнений и эпиграмм, вдруг нанесла ему ощутимый удар, показала свою способность быть материальной силой, вмешиваться в жизнь людей.

Что же представляет собой эта сила? Какова ее природа? Как мате-

* После возвращения из ссылки Пушкину было предписано все, что он хотел опубликовать, посылать на просмотр царю.

риализуются, становятся «мирским орудием» абстрактные религиозные догмы? Кто и как этим орудием пользовался в прошлом, пользуется сейчас? Какова роль религии и церкви в истории? Что представляют собой различные веры — вера древних греков, иудеев, мусульман, христиан? Чем различаются их боги, их священные книги?

Кое о чем он думал и прежде. Для него уже давно был очевиден, например, союз «престола» и «алтаря» — самодержавной власти и церкви, религиозной веры. Он понимал, что борьба за свободу включает в себя и борьбу против «мглы предрассуждений» — религии. Но предметом серьезного изучения весь круг этих проблем стал именно в Михайловском.

Создатели и распространители легенды о «блудном сыне» Пушкине * с умилением повествуют о том, как он в михайловской ссылке обращается к Библии, к житиям святых, посещает Святогорский монастырь, ведет беседы с его настоятелем Ионой, дружит с вороничским священником Илларионом Раевским. И делают вывод о том, что наказанный за безверие Пушкин в ссылке раскаялся, отверг заблуждения юности и проникся религиозной верой.

На самом же деле интерес Пушкина к религии, к священным книгам, к церковной истории, к служителям культа был интересом поэта, интересом исследователя — историка, литературоведа, лингвиста, фольклориста. За этим интересом мы не видим того, что делает человека верующим, — веры в бога.

Мне уже приходилось подробно рассказывать о написанном в Михайловском отрывке, который исследователи условно назвали «Создание мира» **. Это как бы экспериментальная проверка вывода о том, что «не может быть существа разумного, Творца и правителя». Пушкин ставит поэтический опыт: перелагает библейское повествование о сотворении мира, исключив из него бога как разумное начало процесса творения. Такое материалистическое и атеистическое по своей сущности поэтическое переложение библейской легенды является как бы ключом к пониманию того, как Пушкин подходил к священным книгам, как на их основе создавал художественные образы, поэтические произведения.

Таковы и написанные в Михайловском две миниатюры на мотивы «Песни песней»: «В крови горит огонь желанья» и «Вертоград моей сестры». Библейская книга послужила поэту лишь источником поэтических образов, не более того.

Характерно, что эти стихи Пушкин напечатал под общим названием «Подражания», не указав на источник. В перечнях стихотворений, составленных в 1827 и 1828 годах, Пушкин объединил их названием «Подражания восточным стихотворениям» и «Подражания восточному».

* См.: сб. «Мир человека». М., «Молодая гвардия», 1974, с. 126—138.
** См.: сб. «Мир человека». М., «Молодая гвардия», 1971, с. 9—23.

Такой заголовок обычен для Пушкина: «Подражание Анакреону», «Подражания древним», «Подражание латинскому», «Подражание арабскому», «Подражания Корану» и т. д. — он не выделяет священную книгу христиан, ставит переложения из нее в один ряд с поэтическими перепевами из древних поэтов и даже из священной книги инаковерующих — Корана.

Об этих последних следует сказать подробнее.

Сторонники религиозной концепции творчества Пушкина склонны расценивать его обращение к Корану как поиск путей к «религиозному возрождению». Если даже оставить в стороне формальную несостоятельность подобных утверждений (почему «религиозное возрождение» Пушкина должно было осуществляться на путях мусульманской, а не христианской религии?), литературоведческий анализ «Подражаний», сличение их с текстом Корана дают все основания утверждать, что обращение Пушкина к священной книге мусульман было таким же поэтическим опытом, как и его обращение к Библии, к античным и западноевропейским поэтам.

Всесторонне исследовавший «Подражания Корану» Б. В. Томашевский * убедительно показал, как из проникнутых мистикой аятов Корана под пером Пушкина «устраняется все религиозно-догматическое содержание». Поэт ищет в священной книге мусульман поэтические формулы и образы («Плохая физика; но зато какая смелая поэзия!» — дает он сноску к коранической картине мироздания), смело переосмысливает их, наполняет новым, современным содержанием, превращает в злободневную политическую лирику. Б. В. Томашевский прослеживает преемственную связь «Подражаний Корану» с традицией революционных «псалмов» декабристской поэзии, находит в этом цикле привычно пушкинскую символику: уподобление творчества посеву («О сеятель благополучный» — сравни: «Свободы сеятель пустынный»); образ жажды («Не я ль в день жажды напоил тебя пустынными водами?» — сравни: «Духовной жаждою томим»); образ света, преодолевающего тьму («Да притечем и мы ко свету, и да падет с очей туман» — сравни: «Да здравствует солнце, да скроется тьма!») и т. д. Присутствует здесь и символика сражения, победы, традиционно соотносимая с идеями политической борьбы за свободу. Недаром К. Ф. Рылеев в апреле 1825 года писал Пушкину о его новых стихах: «Они прелестны; особенно отрывки из Алкорана. Страшный суд ужасен! Стихи «И брат от брата побежит, и сын от матери отпрянет» превосходны». Накануне восстания пушкинские «Подражания Корану» воспринимались декабристами как поэтическая символика грядущей победы.

---

* См.: Б. Томашевский. Пушкин, кн. 2. М.—Л., 1961, с. 18—45.

В «Подражаниях Корану» можно найти мотивы, образы, получившие затем развитие в «Вакхической песне» и в «Пророке».

Кто не помнит «Вакхическую песню»?! Этот поэтический гимн жизни, творчеству, разуму, веселью! Но мы, восхищаясь с детства запечатленными в памяти звучными строчками:

Да здравствуют музы, да здравствует разум!
Ты, солнце святое, гори!
Как эта лампада бледнеет
Пред ясным восходом зари,
Так ложная мудрость мерцает и тлеет
Пред солнцем бессмертным ума.
Да здравствует солнце, да скроется тьма! —

обычно не задумываемся над тем глубинным смыслом, который вложил в них поэт.

В самом деле: пируют молодые, веселые люди, причастные к музам; за творчество, за торжество разума поднимают они бокалы; наступает рассвет, и в его лучах уже не виден, померк слабый огонек лампады. Все ясно. Но что такое «ложная мудрость», которая «мерцает и тлеет» перед светом разума, какую «тьму» разгоняет «солнце бессмертное ума»?

Думается, не нужно особой проницательности, чтобы увидеть здесь прямую аналогию с уже известными нам строчками из письма об «умном афее», который доводами разума опровергал возможность существования бога и рассеивал слабые доказательства бессмертия души: то, что там выражено лапидарным стилем письма, здесь воплощено в поэтических образах.

Не случаен образ лампады, свет которой бледнеет при восходе солнца. Было бы естественно, если бы молодежь пировала при свечах, но здесь — именно лампада, атрибут религиозный, — поэт подводит нас к символике заключительных строк, подготавливает к пониманию слов «тьма», «ложная мудрость». Это привычные, естественные для поэтической символики Пушкина (вспомним в оде «Вольность»: «Везде неправедная власть в сгущенной мгле предрассуждений») синонимы религии, не переносящей света разума, «мерцающей», «тлеющей» и затухающей — «скрывающейся» в его лучах. И как завершающий аккорд, апофеоз «солнцу бессмертному ума» звучит награждение его возвышенным эпитетом: «Ты, солнце с в я т о е, гори!»

Вот подлинные святыни поэта: бессмертный, всепобеждающий разум, музы — творчество, дружба, любовь, порыв к свободе, ненависть к угнетению, к «неправедной власти» и ее союзнице — «ложной мудрости», «мгле предрассуждений». Этим идеалам и в ссылке остался верен Пушкин, это его святое, это его религия.

«Попробуй плыть по воде, — увещевал Вяземский опального изгнан-

ника, — ты довольно боролся с течением... Оппозиция у нас — бесплодное и пустое ремесло... У нас везде царствует одна православная церковь... Ты служишь чему-то, чего у нас нет... кладешь земные поклоны и набожничаешь перед ветреною мельницею, в которой не только бога или святого, но и мельника не бывало».

А Пушкин отвечал ему: «Мысли твои об общем мнении, о суете гонения и страдальчества (положим) справедливы — но помилуй... это моя религия; я уже не фанатик, но все еще набожен».

Пушкин следовал не напутствиям благонамеренных доброжелателей, а завету Рылеева, который за несколько недель до восстания написал ему: «На тебя устремлены глаза России; тебя любят, тебе верят, тебе подражают. Будь Поэт и гражданин».

Как отзыв на это завещание воспринимаем мы последнее стихотворение, написанное в изгнании, — «Пророк» — этот гимн высокому призванию поэта-гражданина, служению правде и свободе.

Религиозные интерпретаторы пушкинского творчества и «Пророка» зачисляют в свой актив, представляют как свидетельство религиозного возрождения Пушкина, который в Библии нашел аналогию этому своему перерождению и описал его процесс.

Но образ пророка как истинного, вдохновенного поэта и прежде встречался в пушкинской поэзии. Здесь же этот образ наполняется поистине огненным пафосом высокого общественного, гражданского призвания поэта.

Более того, наше пушкиноведение убедительно доказало*, что «Пророк», написанный Пушкиным под живым впечатлением казни декабристов, имел первоначально другое окончание. В том «Пророке», которого мы помним по школьным хрестоматиям, «бога глас» наказывает пророку:

«Восстань, пророк, и виждь, и внемли,
Исполнись волею моей,
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей».

А в первом варианте, который Пушкин привез с собой в сентябре 1826 года из Михайловского в Москву, в царский дворец и, если бы его разговор с царем принял иной оборот, возможно, вручил бы коронованному убийце декабристов, этот призыв звучал, по-видимому, так:

«Восстань, восстань, пророк России,
В позорны ризы облекись,
Иди, и с вервием на вые
К убийце гнусному явись».

---

* См., например: Д. Д. Благой. Творческий путь Пушкина (1813—1826). М.—Л., 1950, с. 533—542.

Даже этот отчаянный замысел — разве не красноречивое свидетельство того, каким Пушкин вернулся из ссылки? Если бы царское наказание достигло цели, если бы Пушкин в заточении действительно переродился и, как это утверждают истолкователи его творчества на монархический и церковный лад, «нашел бога в своем сердце» и «отказался от мятежных заблуждений молодости», — то что в таком случае помешало бы ему прямо и откровенно сказать о том новому царю? Однако он этого не делает. Он не раскаивается, не сдается на милость победителя, а, по его собственному выражению, «мирится», «условливается» с властями предержащими: «Положим, — пишет он Жуковскому в начале 1826 года, — что правительство и захочет прекратить мою опалу, с ним я готов условливаться (буде условия необходимы)... Мое будущее поведение зависит от обстоятельств, от обхождения со мною правительства etc».

Тогда же Пушкин формулирует свое гордое кредо как одно из возможных условий этого мирного контракта: «Каков бы ни был мой образ мыслей, политический и религиозный, я храню его про самого себя и не намерен безумно противоречить общепринятому порядку и необходимости». Как видим, здесь ни слова раскаяния. Наоборот, ясно, что образ мыслей Пушкина — и политический и религиозный — остался попрежнему противоположным «общепринятому порядку».

Но это — до казни и ссылки декабристов — «друзей, братьев, товарищей». А после этого: «Теперь у меня перо не повернулось бы», — признался он в письме к Вяземскому за две недели до вызова в Москву. И написал своего «Пророка». И замыслил как раз «безумный» акт выступления против «общепринятого порядка».

Итак, два года деревенской ссылки не были ознаменованы религиозным перерождением Пушкина. И в Михайловском жизнь продолжала давать ему уроки атеизма — а учеником Пушкин был восприимчивым и способным. Эти уроки давало ему положение ссыльного, надзор за ним «по духовной линии», общение со священнослужителями, наблюдение за монастырским бытом, чтение Библии, Корана, житий святых, занятия историей, переписка с друзьями. Эти уроки давало ему приобщение к простому народу, к его духовной жизни, к его художественному творчеству.

Ю. ГУЦАЛОВ

Павка

Августовский день.

Но уже дает себя знать приближение осени. Кое-где пожелтели тополя. От Иртыша веет прохладой. Слышно, как звенят в кустах синицы и где-то работает трактор. Я сижу на берегу со своим маленьким напарником. Он всецело во власти рыбацкого азарта. И если бы я не знал его, то едва ли мог подумать, что этот парнишка всего лишь несколько часов назад молился богу. Но было именно так.

...На столе еда. Отец Павки встает со стула, следом за ним встают все — Павка, его мать, три младших сестренки. Павкин отец закрывает глаза и поднимает лицо кверху. «Господи, прости нам согрешения наши. Благослови пищу, тобой данную...» Павка, ссутулившись, опустив голову и тоже закрыв глаза, стоит молча, а под конец молитвы, как и все остальные, говорит: «Аминь».

Незаметно размышления о Павке уводят меня в мир воспоминаний о моем детстве, на которое тоже наложила свою тяжелую печать религия.

Видимо, изменилось выражение моего лица. Павка смотрит слегка встревоженно.

— Ничего, дружище, ничего, — говорю я ему, — забылся, кое-что припомнил.

Он улыбается, и от этой улыбки мне становится легче.

— А ты что, еще окуня поймал? — замечаю я на его кукане добавку.

— Конечно, — отвечает он, стараясь быть как можно невозмутимее, да выдают восторженные искорки в глазах.

Он потому и увидел перемену в моем настроении, что хотел поделиться радостью своей удачи.

— Ты так и меня обойдешь, — говорю я, рассматривая его улов.

Павка опять смущенно улыбается, отворачивается к реке. Нет, ему определенно не удается скрыть свои чувства.

Любознательный мальчишка из семьи баптистов, он в этом году пойдет в 6-й класс, а пока отдыхает, на каникулах. Только какой ему отдых? Каждый день помогает матери по хозяйству. А в среду, субботу и вос-

кресенье Павка обычно идет с родителями на молитвенное собрание. И вижу я в нем тогда маленького пленника, намеченную жертву. Года полтора назад, увидев, как он плелся за матерью к молитвенному дому, я припомнил баптистский лозунг, обращенный к богу: «Тебе, как жертву, приношу себя и всю мою семью».

Семья Павки живет со мной по соседству, и я случайно услышал, как он передавал своей матери просьбу классного руководителя зайти в школу. Дело в том, что мальчик пришел на линейку без галстука. Мать стала возмущаться, что ее из-за этого опять вызывают. Я предложил пойти в школу вместо нее.

— А что, сходи. Только Павка все равно галстук не наденет. Так и передай!

Я отправился в школу с Павкой. Всю дорогу он шел, опустив голову, неохотно отвечая на мои вопросы. Учителя мне уже рассказывали про этого «умного, но религиозного мальчика».

— Мы вечер «Чудеса без чудес» специально проводили, а он, знаете, так и не пришел. Ведь должен был даже принять участие, — доверительно говорила завуч школы, убежденная в своей правоте. — Лекцию «Реакционная сущность сектантства» читал лектор общества «Знание», а он как уткнулся в пол взглядом, так и просидел весь час. После лекции говорю: «Паша, может, у тебя вопросы есть?» — молчит.

— Как же случилось, — спросил я ее тогда, — что Павлика в школе зовут «святым», «богомольцем»?

Не раз пришлось мне побывать в этой школе, прежде чем нашел общий язык с ее активом. Выступал перед преподавателями с лекциями о влиянии религии на детскую психику, об особенностях атеистического воспитания ребят из верующих семей... И не жалею потраченного времени. Расширился фронт борьбы за Павку. Очень много значит инициативность и атеистическая подготовленность коллектива школы. Раньше Павка шел в школу нехотя, а оскорбленный однокашниками, часто плакал, приходя домой.

— А ведь у мальчишки задатки есть, — рассказывал Вадим Анатольевич, школьный математик. — Конечно, не Лобачевский. Но что-то есть. К концу учебного года Павка взял первое место на математической олимпиаде пятиклассников.

— Нет, вы посмотрите на него, — удивлялась завуч школы, когда Вадим Анатольевич вручал Павке грамоту, — и походка-то стала другая.

Мать Павки была этим довольна. Но, узнав, что я часто стал бывать в школе, встревожилась, при встрече со мной как-то сказала:

— Небось моего Павку перевоспитать думаешь? Не получится.

Я промолчал тогда. Но понял, что в борьбе за этого «одаренного богомольца» мне не избежать столкновения с его родителями. Обдумав все, я решил действовать. И вот я впервые в семье Павки. Его мать и

бабушка поливали огород. Отец, Александр Силыч, строгий и внушительный на вид мужчина лет 50, сидел за столом, читал. Увидев меня, не удивился, снял очки и медленно произнес:

— Все-таки пришел. Здравствуй, здравствуй, — и добавил по баптистскому обычаю, — с миром, хотя ты и безбожник. — Испытующе глядя, неожиданно сказал: — Не боишься там расплаты-то за свою пропаганду? — показал большим пальцем вверх.

Спорить пришлось долго уже при первой встрече. Нервно листая Библию, он спрашивал меня:

— Ну покажи, покажи, где эти самые, как ты говоришь, противоречия?

Убедившись, что я прав, он даже как-то растерялся.

Павка внимательно следил за нами. Уверенный в себе, Александр Силыч, вероятно, надеялся быстро со мной расправиться и, думаю, специально не выпроводил Павку. Потом в пылу полемики забыл о его присутствии. И только под конец спохватился, заметив на себе разочарованный взгляд сына.

— А ты чего здесь? — грубо прикрикнул он на Павку. — Бабка там одна в огороде, а он, ишь, расселся!

Когда я пришел снова, Александр Силыч встретил меня отнюдь не гостеприимно:

— Думаешь опять искушать?

— Нет, — ответил я. — Вы же в прошлый раз говорили, что у вас барахлит двигатель мопеда. Пришел поглядеть, инструменты с собой прихватил.

— Во как, — проговорил он с некоторым облегчением, когда я отрегулировал карбюратор. — Может, глянем и мотопомпу. Отказала. А огород-то, вона какой. Павка плачет. Да оно и взрослый заплачет — весь день покачай-ка воду.

Починили мотопомпу, запустили. Павка обрадованно захлопал в ладоши. Я надеялся, что Александр Силыч продолжит прежний разговор, но, кажется, напрасно. Я вспоминал, как пытался доказать ему, что религиозное воспитание есть насилие, что оно несет детям горе.

— Это я-то сыну приношу горе?! Я от гнева божьего, от ада его уберегаю. А что в кино не ходит — не беда. Захочет — взрослым насмотрится. Пока к труду лучше пусть привыкает.

— Так мал он для такого труда, да и заставляете вы его работать, чтобы не осталось времени для развлечений, игр, чтения книг.

— Книги-то он читает, учебники. А вона, вишь, «Земля, где жил Христос» уже заканчивает.

— Надо еще доказать, был ли Христос, — неосторожно заметил я.

Александр Силыч нахмурился, замолчал. Потом, отчеканивая слова, сказал:

— Мой сын. Как хочу, так и воспитываю.

Долго я не мог потом наладить с ним контакты. Мне было ясно, что перевоспитать родителей Павки — задача крайне трудная. Возобновлению наших бесед помог случай. Я ремонтировал свою квартиру и попросил Александра Силыча, по профессии столяра, помочь мне. Он согласился. А потом стал приходить слушать музыку. В первое его посещение я переносил свою фонотеку в другую комнату и случайно уронил одну из пластинок.

— Чего ты сокрушаешься? — проговорил тогда Александр Силыч, видя, как я ощупываю пластинку: не треснула ли.

— Это же баховская «Токката и фуга»!

Он пренебрежительно махнул рукой. Я не стерпел:

— Это вам не упражнения на фисгармонии, — и тут же включил проигрыватель.

При первых же звуках Александр Силыч стал задумчив, нащупал сзади рукой табурет и медленно опустился на него. А потом сказал:

— Ты извини меня. Ошибся. — И растерянно попросил: — Поставька еще раз.

Подозрительность его отступала медленно. Видимо, не без его влияния и Настасья Алексеевна теперь уже не столь недоверчиво относилась к моим визитам и дружбе с сыном. Когда наступили летние каникулы, я как бы между прочим заметил Александру Силычу:

— Вы бы Павку хоть иногда на рыбалку со мной отпускали. Никуда он у вас не ходит, не развлекается, мальчишка ведь.

— А что, можно, — сощурился отец. — На рыбалку только. Он со мной раз был. Любит удить... А ты — как это? Атеист, что ли? Вот и начнешь Павку перевоспитывать. А?

Да, неуютно я чувствовал себя в создавшейся ситуации. Знали Павкины родители, кто я, и хотя стали относиться ко мне лучше, однако пытались заранее предупредить любые нежелательные, с их точки зрения, последствия моего знакомства с их сыном. Только я и не думал отступать. И потому тогда Александру Силычу ответил, может быть, для него и неожиданно:

— Даю слово, что начинать с ним разговор о религии не буду. — И добавил: — Разве что он сам что-то спросит.

— В таком случае скажи, пусть ко мне обращается, — ответил отец и взглядом дал понять, что никаких уступок с его стороны ожидать нечего.

— Хорошо, буду и это иметь в виду.

И Павка, несказанно обрадованный, стал моим частым напарником по рыбалке. Слово, данное его отцу, я сдержал. Но Александр Силыч не предусмотрел, что борьба с религией может быть и иной. Без лобовой атаки.

Я уже достаточно хорошо знал Павку и наметил для себя план действий, который и начал осуществлять. С моей помощью Павка быстро научился грести на лодке, плавать. Сколько удовольствия испытывал он при этом, особенно вначале! Его приглушенные религией чувства получали простор для своего естественного проявления.

...Мои размышления прерывает он сам:

— Саныч (так зовет он меня по сокращенному отчеству, как его отец и большинство моих знакомых), может, искупаемся? Клевать что-то перестало, да и жарко.

— Идет.

Мы раздеваемся. Павка бежит к обрыву и с кручи сразу ныряет. Показывается из воды, опять ныряет. Я, поплавав вдоволь, загораю на берегу. Павка все еще в воде.

— Саныч, — кричит он, — научи меня плавать дельфином!

— Научу, научу, а пока вылезай, будем варить уху.

Мы чистим картофель, рыбу, разводим костер. Павка деловито хозяйничает. Приносит воду, подвешивает котелок над костром.

Уху он пересаливает да и перца кладет изрядно. Садимся есть. Потом он просит фотоаппарат.

— Поставь его на автоматический спуск, укрепи где-нибудь, нажми, а сам — сюда.

Павка быстро ориентируется, ставит фотоаппарат на ближайший пенек, наводит, нажимает спуск, но к костру торопится так, что спотыкается и падает. Я от души хохочу, а он сконфуженно встает.

— Ничего. Снимок зато будет хорош. Давай еще раз.

После обеда лежим на траве. Мимо нас изредка проходят суда на подводных крыльях.

— Стану капитаном «Ракеты», — задумчиво произносит мальчик. — Только на море.

Я слушаю его внимательно. Мне нравится развивать в нем фантазию. Убежден, что это качество сыграет свою роль в его разрыве с религией.

— Я тебе дам книгу о Нахимове, что-нибудь и о современном флоте.

— Сегодня о Нахимове дашь?

— Сегодня.

Мальчик доволен. Он уже брал у меня книги, читал их допоздна.

— Я думал, — сказал Александр Силыч как-то мне, — они, это самое, безбожные. А такие, ничего, пусть, коли хочет, читает.

«Вот и хорошо, — подумал я тогда, — это для Павки не «Земля, где жил Христос».

— Павел, — окликаю его, — ты зачем полез на дерево?

— А так, отсюда все видно. Во-о-он «Ракета» пошла.

— Давай слезай, сыграем в шахматы.

В шахматы я играю с ним часто и всерьез. Через некоторое время мы,

растянувшись на траве, вонзаемся взглядами в фигурки на клетчатой доске. Научил я его всего лишь год назад, а успехи наглядны.

— Саныч, ты помнишь у нас в классе такого рыжего Борьку, который меня все дразнил «святым» (при этом слове Павка слегка смущается). Помнишь?

Я утвердительно киваю.

— Так он был чемпионом класса по шахматам.

— Значит, теперь ты?

— Ага. И знаешь, он теперь со мной за руку здоровается.

Павка умолкает, потом тихо добавляет:

— И не дразнится.

Павкино сообщение мне по душе. Еще бы! Мир для мальчика перестает быть чуждым. Значит, мои разговоры с пионервожатой, со школьными товарищами Павки возымели действие.

И вдруг у меня возникает догадка. Вчера вечером Павка минут 20 простоял в очереди за солью.

— Чудак, — сказал ему продавец, — соль в штучном отделе есть и очереди нет, а ты здесь полчаса проторчал из-за килограмма соли.

«Так ведь вчера была суббота, — думаю я, — а время часов шесть. То есть как раз, когда надо было идти на молитвенное собрание. Павка встал в очередь, чтобы не идти с родителями. Чтобы потом убежать в школу на математический кружок. Эге, да ведь он мне почти без боя сдал первые партии, а теперь отыгрывается. Думает. А время идет. Уже четыре, а в молитвенном доме собираются в пять».

В. КАЛЬТЯНИС

Невыдуманные истории

Улов

Там, где отдыхают вернувшиеся с моря огромные траулеры, по взморью раскинулись постройки рыбколхоза.

Комната канцелярии — весельная лодка не поместилась бы — вместе и заезжая — для рыбаков, отправляющихся на промысел. В тени — длинная сосновая скамейка. Первым сюда приходит бригадир Ансас Каволис. Присаживается с краю. Несколько позже собираются звеньевые. Чаще всего грустные. Видимо, причина — унылый весенний туман. Выйдем ли? Будет рыба или нет?

Бригада — четверо рослых мужчин, прошедших войну. С некоторых пор они стали верить местным преданиям. Уже не впервой приходилось возвращаться с пустой лодкой. Особенно все остерегались встретить женщину в то время, когда со склада несли сети. А если наталкивались — на промысел лучше не идти. Натягивали сеть с четырех концов в том месте, где проходила женщина, по очереди закуривали трубку. Только почему-то это не всегда спасало. Может, принимались за дело не с полной серьезностью, чего требовал церемониал. Может, не все верили в силу колдовства.

Ансас Каволис был не из суеверных. Несколько лет прослужил в Клайпедской военизированной пожарной команде, за войну перенес много горя, побывал в плену. Во время шторма умел устоять в лодке. Но когда в то утро Леонас Сребалюс привел с собой дочку, бригадир не вытерпел:

— Слушай, Леонас, будь человеком, не дразни рыбаков: осталось две недели до конца квартала, а еще и половину плана не сделали. Отправь Стефу домой — пусть на кухне сидит.

— Она член колхоза, хлеб будет зарабатывать сама. Я — звеньевой и беру ее в свою лодку, людей не хватает.

Рыбаки несли сети, словно гроб. Стефа шла рядом с отцом, таща весла.

Запыхтел моторчик бригадира, потянув за собой другие лодки к морским воротам. Их быстро нес мутный весенний поток.

«Обратно придется плыть против течения, — подумал Каволис. — Эх, все равно пустыми вернемся».

Бригада с неохотой забрасывала сети. Но когда надо было вытаскивать, спины рыбаков не выпрямились: сети оказались тяжелыми.

— Застряли? — забеспокоился бригадир.

— Полны, видать, пней, которые смыло половодьем, — будет работка дыры латать!

— Тащим, что ли!

Заблестело серебро. Такого улова не помнили даже старые рыбаки. Одиннадцать тонн — годовой план звена.

— Вот тебе и раз!

Ужин, на который опоздала бригада, ели у Сребалюса. Стефа умела варить вкусную уху.

Перехитрил смерть

В комнате, где живет Кризас, старинной работы шкаф, стол из неструганых досок, выщербленный топор, покосившаяся кровать.

Днем хозяин, усевшись на пол у кровати, плетет корзины. Рядом ходит, подняв хвост кверху, кот. Под вечер Кризас привязывает его тонким ремешком из пеньки. Что думает привязанный кот, сказать трудно, но даже немецкая каска, поставленная с остатками ужина, его не интересует. Секрет и то, как хозяин научил его послушанию. Чувствуя на шее ремень, опускает хвост, вытягивается под кроватью. Кризас уверяет, что однажды чересчур нахальная мышь цапнула кота за хвост. И что же? Тот, медленно повернув голову, только пошевелил усами, словно удивляясь: неужели непонятно, что он привязан и не сможет ее поймать?

Живет Кризас мирно. В жизни своей мухи не обидел, со спокойной совестью ждет смерти. А что она опаздывает — так разве он виноват?

— Как на земле, так и на небе... Тут никому не нужен, и там, на небесах, никто по мне не скучает.

Была у Кризаса сестра Ане. Болезненная и слабая с детства, своей семьи не имела, осталась жить у брата. Помогала в хозяйстве, добавляя к его слабому заработку то, что давали ей за собранные грибы, ягоды, за вытканное полотно. После войны сестра умерла.

Кризас из перекладин челна сбил ей крест. Похоронив, просидел сутки на кладбище. Когда вернулся домой, под окном нашел сломанную яблоню. Кто-то, видать, поленился аккуратно сорвать яблоки. «Сломали одну, срублю и другую», — решил Кризас. Сорвав яблоки, ссыпал их в каморке.

Беда одна не ходит. Вскоре сгорел его дом, где были приготовленные заранее гроб и костюм. Одежду соседи дали, приютили. Но разве

будешь просить и досок на гроб? Долго ломал голову Кризас, пока, наконец, придумал сплести себе гроб из лозняка. Кустов по берегам Шиши и Немана полным-полно. Сколько горя было с непослушными ветками. Поставил крест рядом с могилой сестры, написал свое имя, фамилию, дату смерти. Женщины из села, когда приводили в порядок могилы, нашли крест. Помолившись за душу Кризаса, отправились домой.

Проходя по пастбищу, шедшая впереди остановилась, схватила подругу и потащила в обход.

— Что с тобой? Пойдем напрямик!

— Кризас... Видела... Лошадей гонял!

Теперь остановились обе.

— Иезус Мария! — закричали они, увидев, как, пробираясь сквозь кусты, вылез Кризас. Он нес свежие ветки лозняка.

— Чего орете?

— Мы... на кладбище... За упокой...

— Ну вот тебе раз! Я еще живой. На памятник ведь надо заработать.

— Так зачем крест поставил?

— Если надо будет, исправлю год. Думал — в прошлом помру.

Несколько лет Кризас заботливо подправлял дату, подкрашивал фамилию. Приезжие из дальних мест иногда спрашивали друг друга:

— Так уж помер Кризас, что ли?

Но тот, летом работая колхозным пастухом, зимой продавая хозяйкам корзины, забыл о смерти. Крест стоит все на Шишенском кладбище. А гроб из веток лозняка истлел на соседском чердаке.

Народный мастер

Обтрепанный ненастьями мол теперь пригоден разве что рыбаку-любителю — поразмяться, перескакивая с одной сваи на другую, если захочешь без лодки пройти подальше в море. А было время, когда порт Швентойи* соревновался с Клайпедским и литовские феодалы гордились своими судами.

В этом году лето было особенно жаркое.

Во дворе усадьбы Виндигиса стоит длинный стол из новых досок. За ним не раз собирались краеведы республики, прибывшие сюда на археологические раскопки, которыми руководит старший научный сотрудник Института истории Академии наук Литовской ССР кандидат исторических наук Рима Римантене.

В Швентойи найдено рыбацкое поселение, относящееся к III тысяче-

* Швентойи — древнее городище на территории курорта Паланга.

летию до нашей эры. В воде обнаружены орудия быта и ремесел. Деревянные изделия, сохранившиеся в иле, много рассказали ученым.

Климат тех далеких лет был значительно мягче. Росли агары — водяные орехи, берега покрывал лиственный лес. Водилось множество крупной пресноводной рыбы. Найдены кости двухметровой щуки. Рыбаки вязали сети из липового лыка, узкие и длинные. Вверху приделывали поплавки из коры, внизу — каменные отвесы.

Найдены и другие орудия лова: вентор — рыболовная снасть из нитяной сетки на обручах и с сетчатыми крыльями по бокам, верша, сделанная из лучин, лебедка — тащить сети на берег, костяные иглы, шила, даже катушка с нитями из волокна липового лыка.

Веревка липового лыка изящная, трудно отличить от льняной. Выкопанный кусочек ткани, сумочка и часть ковра говорят о широком применении лыка в быту, об умелом вязании. Материалы наших деревенских ткачих — только несколько улучшенное изобретение жителей тех веков, а узел сетки без изменения применяется и теперь при вязании капроновых рыбацких сетей.

Челны (найдено несколько обломков) были выскоблены, весла маленькие, с острыми верхушками. Теперь такие применяют в озерах, где нужно пройти лодкой через камышовые заросли.

Найдено очень красивое корыто. Плоское, с ручками и изысканно обработанными краями. Скорее колыбель.

О том, что древние рыбаки тонко чувствовали красоту, свидетельствует и черпак, рукоятка которого заканчивается головкой водяной птицы.

Украшения (их найдено немного) из янтаря и зубов лося как будто сделаны современными мастерами народного искусства.

Сенсацией была находка алкаса* на берегу озера. На двухметровом стволе черной ольхи вверху вырезано лицо. Рисунок лаконичен и прост. Со ствола даже кора не снята.

Алкас мог быть опекуном, защитником рыбаков. Даже не обязательно, чтобы ему молились. Быть может, достаточно было того, что его поставили.

Когда мы объяснили Аницетасу Пушкорюсу, что цель нашего приезда — посмотреть его старые работы, народный мастер хотел было махнуть рукой, но только стряхнул стружки с передника:

— Если настаиваете, можем съездить. Обросли мхом мои святые. Когда это все было...

И вот краеведы ездят по деревням Кретингского района, пересматривая и фотографируя творения А. Пушкорюса более чем 40-летней давности. Скульптуры сделаны очень уж реалистически — слуги костела не

---

* А л к а с — идол, бог.

решались их выставлять. Очистив от пыли, мы подгоняли каждую скульптуру к пейзажу деревни. Хотели лучше понять идею автора, сфотографировать на фоне природы и отвезти в музей.

В родной усадьбе народного мастера, деревне Скаудаляй, на кирпичи поставили изображение девы Марии. Под лучами солнца стало ярким лицо женщины, губы сдерживали улыбку. Ни капли аскетизма, набожности. Только глаза — большие, печальные глаза литовки — выражают тревогу. Быть может, автор видел ее согнувшейся над колыбелью заболевшего ребенка, а может, тогда, когда она слушала рыдание соседки. А может, тогда, когда смотрела на жилистые руки мужа, делящего краюху хлеба. Крестьянка-труженица мало знала радостей. Женщина еще молода и красива, но глаза ее уже никогда не будут смеяться, а тоску не развеют ни солнце, ни зелень полей. Когда стоишь перед этой скульптурой, чувствуешь, как овладевает тобой песня, сложенная веками рабства. Она скользит по полям, шелестит в деревьях.

Святого Рокаса нашли в деревне Кулсоджю у А. Бержинскаса.

— Зачем его снял с часовни-столба? — спросил Пушкорюс старого приятеля.

— Ездят здесь всякие... Попадись на глаза любителю — не сегодня, так завтра утащат.

— Теперь вы можете отдать его автору. Спасибо вам, что сберегли, — сказал один из нас.

— Ну да! Это не просто работа соседа, а народное творчество! И если хотите знать — единственное богатство в моем доме, которым дорожим и я, и мои внуки.

Понесли Рокаса в поле зреющей ржи. Он нам напомнил крестьянина, вышедшего осмотреть посев. Над его головой застыли легкие облака.

Святой Пранцишкус, которого мы нашли в деревне Насренай, пролежал на чердаке 35 лет. Скульптура, побывавшая на выставке, больше никому не понадобилась. Пришлось ее хорошенько сполоснуть речной водой. Поставили на деревенском пригорке, неподалеку от дороги. Сфотографировали на фоне колхозных полей.

Святого Антанаса с младенцем, найденного на Имбарском старом кладбище, показали самому юному члену нашей экспедиции — Таутвиделису.

— Ему холодно, — сказал мальчик. — В часовне крыша дырявая, через окна ветер дует. Малыша надо отнести в ясли, его там оденут, дадут игрушки.

В буржуазной Литве свободы творчества не было. Религиозный фанатизм деревенского населения, подозрение ксендзов и злые языки ханжей преследовали Аницетаса Пушкорюса за его прогрессивные мысли, за реалистическое изображение крестьян даже и в мифологическом сюжете.

По-настоящему расцвел талант мастера в годы Советской власти.

Вот его послевоенная статуэтка, созданная по мотивам народной песни. Вот Микис-лгун — герой дидактической повести для детей М. Ваганчуса. Шарж на помещицу Пикчюрнене из романа народной писательницы республики Е. Симонайтите «Буше и ее сестры». Интересны портреты колхозного конюха, сеятеля, рыбака, рационализаторов, его интерпретация портрета М. К. Чюрлёниса, играющего на стволах сосен, как на арфе. Это и почесть великому художнику и композитору, и показ истоков его творчества: арфа Чюрлёниса звучит потому, что корни ее струн в родной земле.

«Автопортрет», портрет народного поэта А. Страздаса, «Сват», «Председатель колхоза», «Советская Литва» — к каждой теме народный мастер подходит свободно, по-новаторски ее решая. «Автопортрет» выскоблен в стволе дуба. Обугленный, черный осколок дерева превратился в монумент народному поэту А. Страздасу:

Но ударит час возмездья,
Я принес о нем известье.

Скульптура «Советская Литва»: на постаменте, составляющем контуры карты республики, стоит женщина, держа в руках девочку. Ей в лицо бьет вольный балтийский ветер: Советская Армия освободила ее старинные города Клайпеду и Вильнюс.

Традиционные изображения чертей, ведьм уступают место новым маскам. Теперь на проводах зимы, праздниках урожая, возвращения солнца приживаются маски А. Пушкорюса: обобщенные портреты Председателя колхоза, Богатого трудодня, Рабочего.

Резец художника поразительно точен, тверд. Каждая работа — новая импровизация, не повторяющая уже созданное. Деревянные фигурки, рожденные к жизни одним и тем же сюжетом, по-своему оригинальны и самобытны. Удивительно умение художника подмечать наиболее типичные черты характера того или иного персонажа. А. Пушкорюс исключительно работоспособен. Это качество он передал и своим детям. Младший сын его настолько искусно владеет резцом, что многие вырезанные им маски трудно отличить от работ отца. Дом Пушкорюса не перепутаешь ни с каким другим. Искусно расставленные по дорожкам каменные глыбы, грубые валуны в сочетании с низкорослым кустарником, маленькими яркими цветами не просто украшают местность. Они показывают всем, кто приезжает сюда на экскурсию, кто живет здесь и каждодневно проходит мимо, как важно любить природу своего края. И как много может сделать человек.

В. АНДРЕЕВ

Размышление о чуде

Странное. Непонятное. Непостижимое. Диковинное. Загадочное и необыкновенное. Необъяснимое и удивительное... Богат набор русских слов, означающих неведомое в окружающем нас мире. Безграничная в своих проявлениях природа не устает преподносить нам иной раз такое, что заставляет задуматься даже человека, далекого от какой-либо мистики. А если вы заранее готовы встретиться со сверхъестественным? Тогда каждое неизвестное явление, чем-то удивительное, покажется вам чудесным, «потусторонним». Ведь люди склонны верить именно тому, чего они сами желают. Как говорил когда-то Фейербах, чудо есть реализация естественного, то есть человеческого желания сверхъестественным способом.

Слова «чудесный», «чудеса» мы произносим часто, не задумываясь над тем, что вкладываем в них различный смысл. Стоит хорошая погода, и мы называем ее чудесной. Чудесами величают выдающиеся достижения современной техники. Чудесным нередко нарекают такое явление природы, которое изумляет нас своей необычностью, красотой. В этих случаях слово «чудесный» означает необычный, прекрасный, сказочный.

Но прямое значение слова «чудо» иное. Представьте себе невероятный случай: за осенью вдруг наступило снова лето. Это было бы что-то совершенно необычное, сверхъестественное, противоречащее законам природы. Вот это и было бы чудо.

Каждый скажет, что в жизни так и не бывает и быть не может. За осенью всегда следует зима, а не лето. Это закон природы. Но именно подобные — неожиданные и необъяснимые — явления испокон веков привлекают человеческое внимание.

Согласитесь, нас волнует слово «чудо», оно несет с собой что-то таинственное, идущее от тех далеких времен, когда чудесное и мистическое было непременным соучастником человеческого бытия.

Вера в чудесное, противоречащее природным законам, не родилась на пустом месте. Она — закономерное следствие того пути, по которому шло человечество, познавая мир; люди не видели и не могли видеть, что

окружающая их природа развивается объективно и закономерно. Почти за каждым явлением, по убеждению наших предков, скрывались какие-то неведомые и могущественные силы, наделенные сознанием и волей. Земля тогда покоилась на слонах и черепахе. Животные вырастали на деревьях. В земных недрах таился загробный мир...

Сказки? Нет, не так здесь все просто! Это был закономерный и неизбежный путь, по которому наши пращуры шли к современному знанию. Многие и многие обычные для нас явления природы для них были несомненным чудом, ибо это вполне соответствовало их восприятию мира, их знаниям, их опыту.

Удивление и страх перед окружающим рождало в сознании другой, незримый мир религиозных фантазий. Вера в чудесное легла в основу всех религиозных верований. Отнимите у религии эту веру, а скорее даже уверенность в возможности чудес — и нет самой религии. На вере в чудеса паразитируют все суеверия, рожденные человеческой фантазией, — от страха перед «неумолимой» судьбой до наивной приметы о кошке, перебежавшей дорогу. И пожалуй, самое характерное тут — отсутствие желания разобраться в необъясненном, увидеть в нем, по существу, самое естественное, согласное с законами природы.

Маркс подчеркивал, что слабость всегда спасалась верой в чудеса. В самом деле, куда проще согласиться с мыслью о чудесном, чем найти или узнать научное объяснение явлению, которое поражает человеческое воображение своей кажущейся необъяснимостью, необычностью, грандиозностью. Между тем, стоит иной раз пойти совсем немного дальше той границы, где вы остановились, более внимательно заглянуть в природу явления — и вся таинственность исчезнет, обнажатся земные причины и сущность «чуда».

...Джебель-Накуг — Колокольная Гора — на берегу Красного моря с давних пор овеяна ореолом легенды. Когда человек взбирается на вершину ее, песок стонет под ногами. В недрах горы, рассказывают местные жители, спрятан большой монастырь. В урочный час гудят его подземные колокола, призывая монахов к молитве. Тогда-то гора и начинает дрожать от этих звуков.

Изучение «говорящих» песков уже давно раскрыло их материальную, естественную природу. Но легенда живет в народе.

— Почему ты знаешь, что в глубине горы монастырь? Я в этом сомневаюсь, — заметил как-то путешественник, выслушав от араба-проводника легенду.

— Как! — воскликнул в ужасе тот. — Ты сомневаешься? Ты совершаешь великий грех. То, что говорят наши деды и отцы, сущая правда. Кто им не верит, тот оскорбляет бога. Старинные предания священны.

— Прежде чем верить, я хочу проверить, — возразил путешественник.

— О, не делай этого! Аллах убьет тебя! Нельзя проверять чудеса: они — знамения божьи.

В этой небольшой сценке отражена суть религиозной веры в чудеса. Нельзя сомневаться в том, чему учит религия. Нельзя, если даже то, что утверждается, противоречит разуму и опыту всей жизни.

Исходя из таких принципов, нельзя проверять и чудеса. В них нужно слепо верить.

Но каким был бы человеческий прогресс, на какой стадии невежества находилось бы до сих пор человеческое общество, если бы мы следовали подобным принципам?

Человек ищет чудо... Это не просто красивая фраза, а одна из существенных сторон нашей жизни. С самых первых своих сознательных дней и шагов человек начинает открывать для себя мир. Познает его законы. Приобщается к знаниям, накопленным поколениями. Обогащается опытом увиденного и освоенного. Удивляется перед неизвестным, предстающим в непонятной и потому чудесной форме.

Конечно, уже давно прошли те времена, когда homo sapiens стоял коленопреклоненным перед окружающим его мирозданием. От страха и почитания Неведомого к поискам и размышлениям над всем, что открывал Опыт, — таким был путь духовного прозрения человеческого общества. Но, как и прежде, перед нами стоят загадки познания.

Никак нельзя забывать и о том, что «чудесное» в природе — таинственное, непознанное, пугающее — имеет отношение не только к уровню наших знаний, но и в большой степени к области нашей психики, наших восприятий.

В чудесном человек нередко видит отражение своих самых сокровенных мечтаний — о том, чтобы стать выше иных жизненных обстоятельств и даже выше законов природы, которые ограничивают его силы и возможности. Чтобы понять это, достаточно обратиться к фольклору, к той его части, которая включает в себя сказки, мифы и легенды.

Мне вспоминается «событие», которое произошло в одной из деревушек Южного Урала. Дело было в наше время. Во многих домах стали раздаваться звуки, идущие из-под земли. Особенно ясно они были слышны в зимние ночи. Из-под земли шел то сильный гул, то разносился звук, похожий на отдаленный пушечный выстрел. А временами подземные звуки напоминали грохот ссыпаемого в подвал картофеля.

Что можно было подумать? Конечно, нашлись люди, убеждавшие, что тут не обошлось без нечистой силы. Поползли россказни и о подземных духах, и о душах грешников, которые не находят в земле покоя. Большинство смеялось над выдумками суеверов, но объяснить, что происходит, не могли.

Ответ нашли геологи. Изучив подземную географию поселка, они об-

наружили, что под ним протекает река, которая уходит под землю километрах в двух от поселка. Такие подземные потоки нередко образуют в земных недрах большие пустоты — там, где породы не стойки к воде, легко в ней растворяются. Вот и тут небольшая речка, уйдя в землю, вымыла в песчанике на глубине около ста метров под поселком большую пещеру. Протекая по ее дну, водный поток продолжал разрушать породы, вызывая обвалы, увлекая за собой большие камни. Звуки разрушительной работы воды и были слышны на поверхности земли.

Память подсказывает мне еще один случай. Суровый 1943 год. Наша часть вела бои на Северском Донце. После тяжелейших боев под Сталинградом, в которых мне довелось участвовать, мы наблюдали, как в сторону врага по нескольку раз в день пролетали в четком строю тяжелые бомбардировщики. В те дни мы увидели вдруг невероятное. Летевшие на большой высоте, но ясно видимые в голубом безоблачном небе самолеты вдруг... остановились в воздухе!

Словно оборвалась кинолента и движущееся изображение застыло, превратилось в фотографический снимок.

Не веря своим глазам, я смотрел вверх. Проходили секунды, но самолеты «висели» на одном месте. Затем, как бы с трудом оторвавшись от невидимого врага, повисшего у них на хвосте, они медленно двинулись вперед.

Только через несколько лет после войны я прочел о таком же случае, происшедшем с американскими самолетами. Во время налета на Японию тяжелые бомбардировщики остановились в воздухе, а затем начали пятиться назад! Бывалые, но суеверные пилоты тут же легли на обратный курс.

Природной загадкой занялись ученые. Раскрыли естественную причину непонятного. Виновниками оказались уже хорошо сейчас известные струйные течения в высоких слоях атмосферы. Это своеобразные реки в голубом океане Земли, с огромной скоростью течения. Воздух проносится в них со скоростью 70—80 метров в секунду. В наши дни уже нередки случаи, когда авиаторы сознательно используют такие течения, чтобы увеличить скорость полета.

После своей первой встречи с этим загадочным явлением я стал лучше понимать чувства и мысли суеверных людей. У каждого из нас закреплены определенные знания и представления об окружающем. Любое знакомое явление воспринимается спокойно: это понятно. Многое проходит мимо сознания — то, что не лежит в круге интересов и практических дел человека, то, что далеко от его кругозора.

Но вот он сталкивается с фактом, который резко нарушает устоявшиеся представления. Этот факт непонятен, он настораживает. Что же это? Чудо? Да, психологически можно представить, какой питательной средой для суеверий служат все подобные явления!

В еще большей степени человека способны поразить явления, связанные с тем, на что иной раз способен наш организм, наша психика.

...На юге Болгарии до наших дней в некоторых местах бытует один удивительный религиозный обряд — нестинарство. Мужчины раскладывают дрова и зажигают большой костер. После того как дрова сгорят, на пышущие жаром угли ступают босыми ногами женщины. Под звуки неистовой музыки они выполняют на огне ритуальный танец. А когда выходят из раскаленного круга, на ногах у танцовщиц нет и следа ожогов.

...В начале нашего века в цирках Европы и Америки можно было увидеть «чудо-человека» Вилларда. На манеж выходил внешне ничем не примечательный парень среднего роста и «на глазах у изумленной публики» начинал расти. Через несколько минут он вырастал на целую голову. Перед зрителями стоял уже человек высокого роста. Затем такую же «операцию» Виллард проделывал со своими руками: их размах увеличивался на 15—18 сантиметров. Контрольные измерения до и после циркового номера убеждали всех, что никакого жульничества нет.

...В 1948 году в Соединенных Штатах Америки на одной из строек произошел несчастный случай. В скалистом грунте производились взрывные работы. При очередном взрыве в сторону был отброшен железный лом, длиной около метра и толщиной три сантиметра. Он попал в голову бригадира строителей Ф. Гейджа, да так, что прошел насквозь через его головной мозг. Некоторое время человек был без сознания. Затем пришел в себя и сам пошел в больницу. После небольшого воспалительного процесса он полностью выздоровел и прожил еще 12 лет...

Три удивительные истории. Каждая говорит о необыкновенных возможностях человеческого организма. Каждая требует своего объяснения.

Повидавший несколько лет назад танцы на огне болгарский журналист Святослав Славчев побеседовал с одной из участниц этого обряда:

— Давно ты ходишь по огню?

Невена сказала: с двенадцати лет. Помолчала и добавила, что вообще-то впервые пошла в девять лет, но сильно обожгла ступни, и бабка три недели лечила ее травами, смешанными с козьим молоком отрубями. А потом через три года научила нестинарству.

— Как тебе удается все это?

— Сама не знаю. Заиграет музыка, и мне кажется, что кровь уходит из моих ног, ступни становятся как деревянные, и я иду по углям, как во сне лечу над красной землей. Всё лечу и лечу.

— А не боишься?

— Чего бояться? Дело привычное. Брат мой Димитр, в деревне, на руках по огню ходит. И ни разочка не обжегся.

В 1946 году большая группа (27 человек) болгарских комсомольцев решила развеять легенды об этом обряде, связывающие «чудо огнехож-

дения» с религией. Разувшись, они ходили по раскаленным углям! Лишь трое из смельчаков, как выяснилось, получили ожоги ступней. Остальные не получили никаких повреждений. Этот случай описан в трудах Академии наук Болгарии.

В чем здесь секрет? Ученые предполагают несколько объяснений. Говорят о том, что ноги защищает от огня пот, который в это время обильно выделяется из пор кожи. Другие объясняют загадочное явление самовнушением. Третьи ищут у «огнепроходцев» какие-то секретные средства, которые они наносят на ступни ног перед выступлением. Есть и такая точка зрения: полная уверенность танцовщицы в том, что она не получит ожогов, плюс быстрый танец, когда ноги едва касаются углей, — вот секрет хождения по огню.

Тайной «ходящих по огню» много занимался английский физик Г. Прайс. Вот его мнение: «Эксперименты раз и навсегда доказали, что для «хождения по огню» не требуется каких-либо необычных физических способностей или особого психического состояния, не говоря уже о черной магии... Любой человек, обладающий достаточной решимостью и уверенностью, а также сохраняющий присутствие духа, может без всякого вреда для себя пройти по поверхности, нагретой до 800 градусов по Цельсию... Весь секрет кроется в чрезвычайно кратковременном соприкосновении каждой ноги с раскаленными углями...»

А циркач, вырастающий на глазах пораженных зрителей? С этим было проще. Естественно, редкостным артистом заинтересовались ученые. Тот упорно не хотел раскрывать своего секрета. Но спустя несколько лет согласился на врачебное обследование. Ученые поступили просто — сделали рентгеновские снимки Вилларда в то время, когда исполнялся номер. И секрет открылся. Точнее говоря, никакого секрета у предприимчивого американца не было, если не считать его исключительной настойчивости в тренировке своего тела. Он пользовался всем известной подвижностью сочленений костей, причем развил эту подвижность специальными упражнениями до поразительных размеров.

И наконец, невероятная история с американцем Гейджем. Ясного ответа на вопрос, как и чем объяснить столь благополучный исход смертельного ранения в голову, нет. Видимо, его нельзя и дать. Зато можно с уверенностью сказать о другом — об изумительной жизнестойкости нашего мозга, да и всего организма. Перенести такое испытание, выжить и продолжать нормально функционировать — все это оказалось под силу одному из самых хрупких органов человека!

Случай с американским рабочим подтверждает выводы ученых о том, что наш мозг обладает огромными резервами, которые позволяют ему работать, когда из строя выходят даже целые участки. У знаменитого французского бактериолога Пастера в 46-летнем возрасте произошло кровоизлияние в мозг. Ученый остался жив и очень плодотворно рабо-

тал больше четверти века. Именно в эти годы он сделал свое великое открытие — прививку против бешенства. После смерти Пастера вскрытие показало, что в его голове работало одно левое полушарие мозга. Почти вся правая сторона была атрофирована вследствие давнего кровоизлияния. И половина мозгового вещества справлялась с работой всего мозга. Удивительнее того — справлялось настолько хорошо, что никак не сказалось на постоянной умственной работе ученого...

В списке историй, когда человеческий организм выходил победителем из, казалось бы, безнадежного поединка со смертью, можно найти немало других удивительных случаев. При желании любой из этих примеров можно записать в разряд чудесных, содеянных не без помощи небесных сил. Но ведь этому можно только верить. Верить без малейших доказательств. Между тем стоит начать изучение редкостного, необычного случая, явления, события — и прояснится их земная природа (причем, может быть, даже откроется нечто новое, до того неизвестное науке). Так или иначе — чудо исчезнет.

Для нас ясно: мир живет по законам своего развития; в нем есть и необходимость, и случайность, но нет принципиально необъяснимых вещей, нет того, что выходит за рамки самой природы.

Каким бы сказочным, диковинным, на первый взгляд неподсудным законам природы ни казалось человеку то или иное явление, наука говорит — оно естественно и закономерно. Естественно, ибо оно порождено развитием природы — материи. Закономерно — поскольку оно определенным образом связано с другими явлениями и процессами, имеет свои определенные причины и следствия.

Значит, и чудо, если уж оно случилось, может быть объяснено причинными связями. Ну а раз это так, то выходит: оно и не чудо! Однако в жизни, в человеческом сознании куда сложнее и запутаннее.

Что такое чудо? Все, кто стремится увидеть в мире «потусторонние» явления и силы, кто делит мир на познаваемый и непознаваемый, отвечают на этот вопрос просто. «Чудо есть бытие и реальность высших сфер», — говорит западногерманский протестантский богослов Ф. Беттекс. «Кто не верит в чудо, — подчеркивает он, — тот должен выйти из церкви и не должен называть себя христианином».

«Божественное всемогущество, — утверждает его единомышленник Р. Кариш, — может совершать и совершать их (чудеса. — В. А.) во всякое время». Каким образом? Преодолением законов природы? А может быть, их приостановкой. Но как это возможно? А сие уже неизвестно: на то и чудо, чтобы в нем было необъяснимое.

Ну а с точки зрения человека непредубежденного, не «настроенного» на чудеса? Человека, который хочет знать естественное объяснение чуда?

Ведь и ему порой не так легко убедиться, что чуда нет, а есть редкое явление природы. Если мы скажем, что поразившее его явление противоречит опыту, не соответствует тому, что мы знаем о природе, то это еще не опровергнет чуда. Можно сказать только, что увиденное неправдоподобно.

Совсем нередко бывает так: выдумка, нелепая в своей основе, выглядит вполне правдоподобно. И наоборот, легко объяснимое природное явление внешне воспринимается так, что невольно заставляет восклицать: «Чертовщина какая-то!»

Никак нельзя забывать и самого существенного обстоятельства: взгляды наши на мир и чудеса в нем определяются общим уровнем развития науки и культуры. Сто лет назад природа сновидений была скрыта за семью печатями, а гипноз не находил никакого разумного объяснения. И тогда эти проявления нашей психики выглядели явными полпредами потусторонних сил, относились к разряду устойчивых чудес.

Проходит время, наука говорит свое слово, и чудо, препарированное скальпелем знания, теряет ореол необъяснимости, перестает быть самим собой. Стоит вспомнить историю создания даже столь простой (теперь!) вещи, как обычная запись звука на граммофонную пластинку. Изобретенная Эдисоном, она поначалу демонстрировалась, как первоклассное чудо, в цирках. На афишах фонограф характеризовался не иначе, как «необъяснимая загадка природы».

Такова судьба всех чудес. Все они в свое время умирают, становясь экспонатами в музее человеческих заблуждений. Но... на наш век чудес хватит! Хватит их и на тех, кто примет от нас эстафету грядущих веков. Такова диалектика познания. В чем тут дело?

Да, многое и многое из того, что удивляло нас в прошлом, казалось бесспорно чудесным, стало теперь обычным, естественным. Даже суеверного человека не пугает в наш век затмение солнца или появление кометы. Ведь он уже знает, что это такое. Но природа неисчерпаема. Соприкасаясь с ее бесконечным многообразием, наши знания, а еще чаще чувства нередко уводят нас в мир «необъяснимого» (читай: еще не объясненного!). По существу, весь путь человеческого познания отмечен этой особенностью: от незнания к знанию мы идем через загадочное, кажущееся даже непостижимым.

Не только в седой древности обычные, естественные явления природы воспринимались как необычные, сверхъестественные. Так было в недавнем прошлом. Так бывает и сейчас.

Верно, конечно, и другое: процесс научного познания мира таков, что мы все глубже проникаем в сущность явлений, но бесконечность природы ставит перед нами все новые вопросы. И в то же время путь нашего познания неизменен: сегодня мы знаем больше, чем вчера, завтра будем знать то, чего еще не знаем сегодня.

Размышляя о познании природы, можно сказать так: чем выше мы поднимаемся по ступеням знания, тем неогляднее предстает перед нами все то, что предстоит изучить, проникнуть в сущность, увидеть взаимные связи с уже открытым и познанным. Такова диалектика познания мира. Знаем мы все больше — и еще больше остается непознанного.

Не сделайте из этого ложного вывода. На нем, кстати, часто спекулируют те, кто хочет видеть мир через очки древних суеверий. Сама наука, говорят они, расписывается в бессилии познать все; значит, в мире всегда останутся области, которые будут для нас закрыты. А это и есть тот мир, о котором говорит религия!

Здесь мы сталкиваемся не с чем иным, как с софистикой. Суть заключается в том, на чем стоят два мировоззрения — религиозное и научное.

Природа не ограничивается миром материальным, есть еще мир иной — божественный, вечный — мир, который руководит всем на нашей грешной земле. И мир этот непознаваем. Так говорит одна сторона. А другая? Нет, утверждает она, мир один. Все, что мы в нем находим и исследуем, — это движущаяся материя, — все то, что, по словам В. И. Ленина, «...копируется, фотографируется, отображается нашими ощущениями, существуя независимо от них». И такой взгляд на мир наука, в отличие от религии, доказывает всеми своими данными, всем своим многовековым развитием. Не призывает верить, а доказывает!

Проникая в сущность бесконечно малых и бесконечно больших объектов природы, она нигде не находит надматериальных сил. Материальное единство вселенной утверждают все наши знания о природе. Исследуя самые различные ее процессы и явления, их причинные и необходимые связи, проникая в суть этих явлений, мы убеждаемся в одном: единственным источником и последней причиной всего, что происходит вокруг нас, является материя, ее носители.

И другой важнейший вывод делает наука из многовековой практики: как ни строго хранит природа свои тайны, среди них нет таких, которые бы нельзя было распознать, исследовать и объяснить. История науки знает множество примеров, когда терпели поражение люди, ставившие границы познанию. Как не вспомнить того же Огюста Конта, философа-идеалиста, который незадолго до открытия спектрального анализа убежденно писал, что человек никогда не сможет узнать химический состав раскаленных небесных тел, подобных Солнцу, определить их температуру. Ведь какой бы чудесный летательный аппарат ни изобрели люди, на нем все равно нельзя будет даже приблизиться к поверхности Солнца и звезд, а не только совершить на них посадку и взять образец звездного вещества для анализа. Казалось бы, какой убедительный довод, но прошло немного лет, и человек нашел пути приблизиться к поверхности раскаленных небесных тел. О химическом составе небесных тел рассказали нам лучи света.

Простое и сложное, близкое и далекое — раньше или позднее все находит свое научное объяснение в победном шествии человеческого познания!

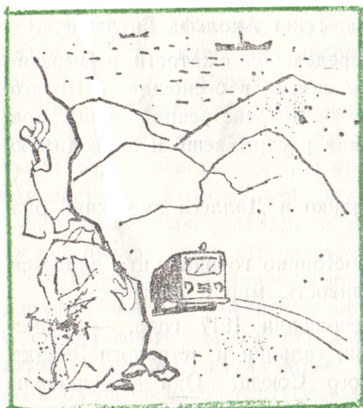
Ну а как же, скажет нам читатель, все-таки быть с чудесами?

Вот мой ответ: с чудесами нужно всегда и во всех случаях поступать просто — стараться найти их объяснение. Легко ли это? Конечно, нелегко. По крайней мере, не всегда легко и просто. Но в этом-то и заключается значение таких поисков. Они во многом обогатят ваши знания. Приучат к логике научного мышления. Убедят в неограниченной познаваемости мира. И наконец, раскроют перед вами богатейшую сокровищницу знаний, уже добытых человечеством из тайников природы.

Столь щедро будет оплачена ваша любознательность!

А для того чтобы путь в неизведанное был плодотворным, чтобы избрать верную дорогу — тут и необходим научный, материалистический взгляд на все, нас окружающее.

УРОКИ БЫЛОГО

В Копенгагене один пожилой датчанин сетовал, что о хмурости скандинавов по всему свету сложены легенды.

—И в то же время нет ничего более далекого от истины,—

добавил он. — Посмотрите рисунки Бидструпа, и вы улыбнетесь, какое бы ни было настроение.

Рассматривая рисунки Бидструпа, смеялись суровые норвежские моряки и студенты университета в Копенгагене, матери, баюкающие детей на чистеньких скверах в Осло, и деловые, вечно торопящиеся служащие аэропорта.

Популярность этого человека с добрым, несколько застенчивым лицом поистине огромна. Его плакаты, рисунки, альбомы воплотили в себе доброе веселье и трудолюбие народа Дании, народа, давшего миру Андерсена и Торвальдсена, Нексе и Нильса Бора.

Свою борьбу за мир Бидструп начал еще в довоенные годы. Весной 1936 года художник помещает в антифашистском журнале «Культуркампен» серию сатирических рисунков, «иллюстрировавших» услышанную по радио речь Гитлера. Он вспоминал позднее, что серия была помещена под таким заголовком: «Рисунки Бидструпа. Текст Адольфа Гитлера».

Работа в прессе научила художника предельной сжатости и выразительности. Его карикатуры наносили удары сильно и беспощадно. По его словам, политическая карикатура может быть действенной лишь при условии, если с обличением конкретного лица раскрываешь и проводимую им политику.

По политике Гитлера и Муссолини, Франко и Даллеса художник бил всей силой своего таланта и мужества.

Но Бидструп не только обличал. Он постоянно говорил, кто является подлинным борцом за свободу и справедливость, мир и прогресс.

«Со времени Великой Октябрьской революции 1917 года, — писал художник, — «мудрые мужи», прорицатели, гадалки и астрологи Запада предсказывали скорую гибель Советского Союза. Они помешивали кофейную гущу, гадали по звездам, толковали Апокалипсис, раскладывали карты. Ничего не помогло. Советский Союз стоял нерушимо и, несмотря на все предсказания о скорой гибели, крепил свою мощь».

Разговор с Бидструпом затянулся до позднего вечера.

— С религией еще воевать придется много и серьезно. — Бидструп задумывается. — Часто человек, — медленно продолжает он, — не находя поддержки в том, что его окружает, создает для себя искусственный, нереальный мир, царство фантазии и грез. А церковь всегда старается дать к этому царству свои ключи.

Помню, в детстве, когда нашей семье пришлось пережить много трудностей, мне помогал забывать о житейских невзгодах неразлучный друг — карандаш. Он переносил меня в сказочный мир. Но это не расслабляло, а, наоборот, придавало сил. Много позже я понял всю глубину слов

Андерсена, который заметил однажды, что каждую вещь нужно называть ее настоящим именем, и если это опасно в действительной жизни, то надо это сделать хотя бы в сказке.

Родители мои никогда не были религиозными. Отец работал одновременно маляром и художником-декоратором. Причем первая профессия давала заработок, возможность существовать и работать для другой — для искусства. Конечно, ему приходилось нелегко. И неизвестно, сколько бы талантов первой величины получил мир при справедливом социальном устройстве.

Я считаю, что в Советском Союзе человек имеет все возможности, чтобы получить образование, развить свои способности наиболее всесторонне и глубоко.

Моя основная работа — регулярная политическая карикатура в прессе Коммунистической партии Дании. Художник-газетчик отбирает материал к карикатурам из ежедневной хроники событий. И хотя политическая сатира — основное мое направление, я не могу отказаться от серий юмористических рисунков.

Бидструп говорит о том, как важно передать графически динамику. Ведь если хочешь, чтобы тебя поняли без слов, нужно из рисунка в рисунок передавать все новые и новые движения. Читающиеся слева направо картинки как бы оживают, становятся похожими на кадры киноленты.

Разговор снова заходит о религии, о том, как важно рассказывать людям правду, помогать человеку верить в свои силы.

— Рисунки на антирелигиозные и антиклерикальные темы я делал довольно часто. В основном приходилось обличать протестантов. У нас в стране много церквей. И хотя они чаще всего пустуют, тормозящее влияние церковников на жизнь достаточно велико. Мне не раз приходилось рисовать конкретных священников-мракобесов, выступавших с проповедями в защиту милитаризма, против светского воспитания.

Борьба за светскую школу — важная проблема. В ряде школ регулярно идут занятия по «закону божьему», которые можно посещать по желанию. Лично я позволял своим детям, если они хотели, слушать библейские сказки. Но зато никогда не забывал развеивать эти небылицы.

Мне была оказана самая высокая честь — присуждена премия мира, которая носит имя великого Ленина, тем самым получило признание мое скромное оружие в борьбе за мир — карандаш.

Мое единственное желание — продолжать трудиться во имя того, чтобы наши потомки рассказали своим детям о невероятно трудных, потребовавших много жертв, величественных и героических временах, когда был проложен путь к социализму, к миру.

В. ЛОМЕЙКО

Война — в каждом из нас

Русскому о войне вспоминать нелегко. Но помнить о ней надо. Не для того, чтобы сводить счеты с былым врагом, но ради памяти о прошлом, которое и сегодня живет в нас. И еще потому, что от верного понимания этого прошлого во многом зависит взаимопонимание и мир между людьми.

Мы вспоминаем о войне не только по круглым датам. Война стучится в наше сердце и сейчас. Иногда резко, как кадр кинофильма: огромные противотанковые ежи на самой границе у Москвы. В память о тех, кто остановил в 41-м танковые армады. Письмом-похоронкой через 30 лет из далекого села в Белоруссии, где школьники разыскали могилу неизвестного солдата и вырвали из небытия имя и место праха пропавшего без вести. В притихшей семье за праздничным столом, где старенькая мать смахнет слезу при взгляде на пожелтевшую фотографию молодого солдата.

Войну изучают в школах. И внуки тех, кто в мае сорок пятого недоверчиво ощупывал себя: «Неужели все позади и меня пронесло сквозь все это?», на уроках истории рассказывают учителю, во что обошлась нашей стране война.

...Мы сидим за огромным пустым столом: мама, я и мой двухлетний брат. За окном ленинградская зима. Декабрь сорок первого года.

На столе, покрытом белой скатертью, три тонких кусочка хлеба. Мы молча смотрим на них. Мать подвигает каждому сморщенную хлебную палочку. Осторожно, чтобы не уронить ни крошки, она кладет и свой кусочек на тонкую прозрачную ладошку брата. Кажется, что на его лице только одни глаза. Он молча кладет хлеб обратно перед матерью.

Никто не говорит ни слова. Надо беречь силы. Ведь от обеда до ужина целая вечность. Вечером снова будет хлеб, только еще тоньше и кружка кипятку. Потом все рано лягут спать. Сон — наш добрый союзник против голода. И будет ночь и снова утро. И снова стол, покрытый чистой белой скатертью, на которой никогда не было крошек...

900 дней, похожих друг на друга. Во время ленинградской блокады, в городе, заключенном в кольцо фашистских войск, от бомб и артснарядов погибло 17 тысяч человек и 641 803 человека умерли от голода.

Если мне когда-нибудь доведется написать о тех днях, это будут «Записки случайно оставшегося в живых». До сих пор невозможно понять, как удалось тогда выжить.

Вот они — бесстрастные цифры блокадного питания.

У иждивенцев, составлявших одну треть населения города, дневной паек составлял: хлеба — 125 граммов; жиров — 6,6 грамма; мяса — 13,2 грамма; сахара — 26,6 грамма; крупы или макарон — 20 граммов; всего — 466 калорий.

У детей (до 12 лет): хлеба — 125 граммов; жиров — 16,6 грамма; мяса — 13,2 грамма; сахара — 40 граммов; крупы — 40 граммов; всего— 684 калории.

Но даже эти нормы часто оставались на бумаге. Были месяцы, когда ни мяса, ни жиров не выдавалось вовсе.

Люди опухали и умирали от голода. И все же город выстоял и не сдался.

Уже гораздо позже я узнал, что истребление мирного населения было сознательной политикой оккупантов. В директиве начальника штаба руководства морской войной Германии, находившегося при армейской группе «Север», говорилось относительно Ленинграда: «С нашей стороны в этой войне, которая ведется не на жизнь, а на смерть, нет заинтересованности в сохранении хотя бы части населения этого большого города».

Для меня в декабре 1941 года не было разницы между немцами и фашистами. Их объединяло тогда общее понятие «враг», который хотел задушить всех нас голодом. И если бы кто-то сказал мне тогда, что пройдет несколько лет и я начну изучать в школе немецкий язык, учить на память Гейне, Гёте и Шиллера, мне бы это показалось противоестественным и невероятным, как и сама мысль о том, что есть другие немцы и есть великая немецкая культура, за которую тогда тоже боролся осажденный Ленинград.

Тот, кто не понял, сколько жертв и страданий принесла Советскому Союзу война, тот никогда не сможет до конца понять самоотверженность миллионов советских людей во время войны и в послевоенный восстановительный период. Война, навязанная нам фашизмом, была одним из самых тягчайших испытаний, когда-либо пережитых нашим народом. Мы приняли самый сильный удар фашизма на себя и мы вынесли на своих плечах основную тяжесть войны.

Испытания продолжались и после окончания войны. Огромные территории — от Волги до западных границ — лежали в развалинах. Но благодаря самоотверженному труду миллионов советских людей в течение трех лет был достигнут довоенный уровень промышленного производства.

Люди восстанавливали свою страну, так же как и воевали, не щадя

сил, времени и энергии. Только благодаря этому можно было за первую послевоенную пятилетку поднять из руин и разрухи народное хозяйство.

План предусматривал превышение довоенного уровня национального дохода в конце пятилетки на 38 процентов. На деле национальный доход превысил в 1950 году уровень 1940 года на 64 процента.

В городах были восстановлены и построены дома общей площадью 102,8 миллиона квадратных метров. В сельской местности было построено 2700 тысяч жилых домов.

Все так. Цифры говорят сами за себя. И все же: спросите меня, когда мы окончательно залечили раны, нанесенные войной, и я не смогу ответить. Это так же трудно, как подсчитать весь ущерб, принесенный стране фашистским нашествием.

Разве можно подсчитать, чем была война для народа?

Это ведь не только убитые и искалеченные люди, разрушенные города, разграбленное хозяйство. Это не только погибший цвет многих народов и наций нашей страны: рабочие высокой квалификации, потомственные крестьяне, умельцы ремесел, но и ушедший вместе с ними опыт поколений, не переданный сыновьям и ученикам. Это не только разрушенная часть нашего искусства и культуры, погибшие писатели, художники и композиторы, но и не написанные ими книги, картины, музыка. Это — целый слой народа, выжженный войной. Это — слой культуры, вырванный из ткани человеческой цивилизации.

Война нанесла поистине непоправимый материальный урон. Но она принесла и глубокий психологический ущерб народу. Это миллионы матерей-одиночек, не дождавшихся с фронта мужей. Это целая страна невест, ставших до замужества вдовами.

Это и целое поколение, лишенное детства и отрочества, поколение людей, которые помнят себя только взрослыми.

Год за годом уносит тысячи инвалидов войны. А ведь сколько лет по городам и селам катила безногая Россия на культях, смастерив под ними подшипники вместо колес. Они умерли, но остались их дети, которые уже в шесть лет ростом были выше своих отцов...

Но можно ли вообще измерить психологический ущерб войны?

До сих пор живы люди, которые вздрагивают, услышав немецкую речь. Я сам видел побледневшего от гнева отца, который ударил сына, вздумавшего испугать его выкриком: «Хенде хох!»

«Не смей никогда этим шутить!» — сказал он опешившему мальчишке. Но как ему было объяснить, что этот немецкий окрик во время оккупации для многих в России был прощанием со свободой, если не с жизнью. Немцы даже старшего поколения так никогда и не узнали в полной мере, что принес фашизм советскому народу. Они узнали об этом позже, по рассказам и по документам. Нам же пришлось это ощутить на своей собственной жизни.

...Когда Советская Армия подошла к границам рейха с комком ненависти в горле, каждому из нас было не просто зажать себя в кулак. Было не просто научиться различать между немцем и фашистом. Нас-то ведь не различали, а скопом гнали в Бабий Яр, в концлагеря или в эшелонах на фашистскую каторгу, отдавая последнее предпочтение лишь тем, кто был помоложе и поздоровее!

Но мы смогли взять себя в руки и сурово сказали: «Око за око, зуб за зуб!» — не наша мерка!»

Мы смогли отделить накипь нацизма от немецкого народа.

Война вошла в историю нашего народа как время великих испытаний. И ее уроки будут живы в памяти многих поколений.

Война доказала жизнеспособность Советского государства и социалистического строя. На поле боя столкнулись не просто две стратегии и тактики, не «Тигр» против «КВ», а два мировоззрения, две противоположные системы. Война для нас с первых дней стала Отечественной войной, войной всего народа против оккупантов. Это проявилось в массовом героизме на фронте и в тылу. В годы войны выросла и окрепла роль Коммунистической партии, как мобилизующей и руководящей силы советского общества. Показательно, что в самые трудные дни войны осенью 1941-го — зимой 1942 года, когда мало кто на Западе сомневался в скором поражении России, десятки тысяч человек вступили в Коммунистическую партию. Это было в те дни, когда широко применялся приказ СС: «Комиссаров и коммунистов — к расстрелу!»

Война до сих пор живет в каждом из нас. Живет в горечи утрат, в ранних недугах и преждевременной старости, в неродившихся детях и в несбывшихся надеждах. Это — в сердце застрявшая боль. Боль, которая не исчезает со смертью старших. Ее чувствуют, пусть не так остро, но все же чувствуют даже дети, родившиеся после войны.

Я думаю, что память об этой войне будет еще многие годы и поколения жить в народе. Как всякая беда, постигшая страну и ее людей, стоившая неисчислимых жертв и затронувшая судьбу каждого.

Но я должен сказать и о том, что эта война оставила в каждом из нас и другой неизгладимый след: острую физическую и духовную ненависть к войне и насилию. Для нас они отождествляются с фашизмом.

Для нашего поколения фашизм явился в облике национал-социализма. Гитлер еще долго будет для людей символом фашизма, ибо гитлеровский фашизм принес миру неисчислимые страдания, отнял у человечества миллионы жизней и оставил на нашей Земле незаживающие раны.

Казалось бы, чудовищность гитлеризма, наглядность его варварства должны были бы в корне убить идеологию фашизма, сам дух его. Однако нет. И точно так же, как у Гитлера были предтечи, у него есть и после-

дователи. Вот почему вопрос: что нес миру дух фашизма? — не просто воспоминание о прошлом, но и острая непроходящая боль нынешнего дня.

Фашизм — это не только Треблинка, Майданек, Освенцим, Хатынь, Лидице, Красуха, Орадур, Маутхаузен, Бухенвальд. Фашизм — это сожженные напалмом деревни и дети Вьетнама, и оккупированные города на Ближнем Востоке, и бомбы на площадях Италии, и чилийские стадионы, превращенные в концлагеря.

Чтобы понять, от какой катастрофы мы уберeглись и чего нам следует опасаться, если бдительность изменит людям, задайтесь вопросом: что было бы сегодня с миром, если бы был только 1939-й и не было 1945-го? Задайтесь этим вопросом, проследите историю времени, продлив мысленно «новый порядок» до наших дней, и вашим глазам откроется мир упорядоченного насилия, мир вышколенной жестокости, всемирный цирк дрессированных людей. Это не больная фантазия. Это картина, взятая из идейной программы и двадцатилетней практики национал-социализма.

Фашизм начинался с обмана собственного народа. Идеологи национал-социализма умело сыграли на социальной неустойчивости мелкой буржуазии, на ее высокомерии и национализме. Озлобление Версальским договором и экономическая неуверенность порождали в среде мелких хозяйчиков тягу к силе, как фактору стабильности.

Национал-социализм обещал мелким собственникам защиту от разорений и революционных потрясений. Безработным он сулил работу, рабочим — хороший заработок. Крупным предпринимателям — порядок и процветание. Каждому немцу были обещаны национальное достоинство и справедливость. Когда демагогия фашистов на выборах стала брать верх, им оказал поддержку монополистический капитал. Его устраивала в фашизме как раз реакционность и агрессивность.

Немцы не все и не сразу поняли, как оказались в капкане. Стравливая одних с другими, сгоняя инакомыслящих в лагеря, фашисты укрепляли свою власть физически и духовно.

Чтобы подчинить себе людей, фашизм стремится вытравить из человека его суть — человечность. С первых месяцев своего господства он рвется перебить хребет человеческой гордости, чтобы поставить человека на колени. Для этого он находит самую уязвимую цель: он отнимает у людей не просто право на *любимый труд*, но и вообще на *труд свободный*. Влитые в чугунные ворота Бухенвальда слова «Jedem das seine» — «Каждому свое» возвещали миру принцип будущего устройства. Провозглашенный лозунг «Труд делает свободным» звучал издевкой, ибо фашизм нес людям лишь труд подневольный. Идеология фашизма рождала свою практику, а последняя материализовала дух расизма и человеконенавистничества. История сохранит навечно: именно фашизм создал индустрию массового умерщвления от душегубок Краснодара до печей Освенцима. И ввел практику массовых насильственных переселений сначала за колю-

чую проволоку гетто, затем товарными поездами из Восточной Европы в имперскую Германию, на фашистскую каторгу.

Фашизм начинался дома, с деления на чистых и нечистых. Он никогда бы не смог проложить себе дорогу к власти без демагогии исключительности. Фашизм льстил самомнению «избранных», в которые записывались «истинные» немцы, по крови — «арийцы» и по духу — «элита».

Чтобы завербовать сторонников, фашизм сознательно оставлял понятие «элиты» открытым. Это давало право каждому, кто разделял элитарные идеи, причислять себя к этому лику. Искушение быть выше черни, принадлежать к избранным оказалось достаточно сильным для представителей самых разных слоев общества: мелких хозяйчиков, рвущихся «в люди», аристократов духа среди интеллигенции и прусского офицерства.

Немецким рабочим пропаганда Геббельса вдалбливала, что они самые трудолюбивые и самые умелые в мире. Это не только подстегивало в работе, но и прививало шовинистический дух рабочей аристократии. Немецкому народу твердили, что он по крови выше других наций. Это давало каждому немцу «законное право» быть господином в завоеванных странах.

Так идеология элиты перерастала в расизм. Расизм был насквозь демагогичен и приспособлен к экспансионистским целям внешней политики.

Когда Гитлер установил союз с Муссолини, национал-социалисты поспешили облагородить «средиземноморскую расу», которая вначале признавалась малоценной, ибо включала в себя физический тип людей низкорослых и темноволосых.

Та же метаморфоза произошла с японцами. Превращение оси Берлин— Рим в треугольник Берлин — Рим — Токио повысило шкалу расовых ценностей японцев. Раньше они были в числе «человекообразных азиатов», теперь их возвели в арийцев Азии.

Об этом сегодня стоит говорить не только для того, чтобы объяснить, как удалось фашизму замутить душу собственному народу и своим попутчикам, но и потому, что расизм живуч. Он подает свой голос там, где белые расисты практикуют колониализм под вывеской апартеида, и где сионизм осуществляет захват и оккупацию чужих земель, и где снова звучат опасные мотивы о древнейшей цивилизации и особом предназначении желтой расы.

Фашизм льстил самомнению «сверхчеловеков» и давал выход их презрению к простолюдинам. Он возводил порок властолюбия в добродетель и отступничеством от гуманности узурпировал право истязать себе подобных. Фашизм начал «очищение» наций с расстрелов дома и намеревался продолжить свою миссию в мировом масштабе.

Победи фашизм, и человечество «очистилось» бы от «излишней культуры». Национал-социализм нес миру свою духовную монополию. Все, что не укладывалось в арийском черепе фюрера, было обречено на запрет

и забвение. Все, что вызывало неприязнь, подлежало уничтожению. Утвердись фашизм на долгие времена, и из памяти народов были бы вытравлены исполины духа — Гейне, Пушкин, Толстой, чьи книги сжигались на площадях Европы.

Утвердись фашизм, и съежилась бы душа грядущих поколений, которые бы так и не узнали, что такое мера прекрасного. Двенадцать лет национал-социализма продемонстрировали миру будущность искусства, в котором воспевался культ силы и жестокости и не было места состраданию и великодушию. Продлись «новый порядок» на несколько десятилетий, и новым поколениям нравилось бы только то, что нравилось «сверхчеловеку». Сомнение? Оно уничтожается вместе с инакомыслящими. Лишая людей возможности сравнивать, фашизм утверждал равнодушие чувств и одномерность мышления.

Не будь 1945-го и утвердись фашизм, мораль людская вернулась бы на круги мрачного средневековья. Фашизм отвергал добродетели, рожденные культурой человеческих взаимоотношений, — гуманизм, справедливость, терпимость. Недаром национал-социалисты превозносили взгляды Ницше и Шпенглера, проникнутые культом насилия и ненавистью к массе. Стоит вспомнить, как «просвещенные» эсэсовцы после массовых расстрелов мирного населения в оккупированной Белоруссии и России цитировали Ницше: «Я не приемлю социализм, не приемлю потому, что он представляет собой крайне наивную мечту о добром, истинном и прекрасном, о равных правах».

Массовые преступления против человечности и морали подготавливались в школах «третьего рейха», где детей учили воспитывать волю жестокостью. Фашизм прививал человеку преклонение перед силой, высокомерие, презрение к состраданию. Безусые юнцы старательно заучивали Шпенглера: «Называя человека хищным зверем, кого я обижаю: человека или зверя? Ведь великие хищные звери — это благородные создания совершенного типа, чуждые лживой человеческой морали, порожденной слабостью».

Фашизм заставлял людей пройти школу душевной жестокости, ибо ему нужно было превратить человека в зверя. Науку и практику проходили дома, прежде чем показать другим, чему научились. «Во имя оздоровления общества» нацистские идеологи призывали оздоровить нацию, закрыть заведения для слабых и неполноценных, прикрыть всякую социальную благотворительность.

Какой идеальный «новый порядок» готовил миру национал-социализм! Вглядитесь и вы увидите: в гигантских людских оранжереях ходят в белых халатах доктора Менгеле. Над недозревшими и с червоточинкой проводят опыты, делают прививки и операции и отбирают вызревших спелых людей на семена для потомства. Их сводят в отдельные теплицы для выведения новой породы, устойчивой против человечности. Их разрезают, изучают,

отбрасывают — все ради того же, ради здорового, племенного «сверхчеловека».

Это — не кадры хичкоковских фильмов. Это практика тридцатилетней давности, которой не позволили превратиться в мировой эксперимент.

Людям противопоказано забывать о фашизме. Потому что он вскрыл опасность моральной деградации общества тех, кто доверился фюреру. Потому что он показал опасность раскрепощенной мании величия, которая дремлет в мещанском болоте. И еще потому, что не исчезла духовная и социальная база для фашизма, который поднимает голову каждый раз там, где страх буржуазии за свои привилегии перешибает парламентские наклонности. Через тридцать лет многим это кажется невероятным, но ведь дух насилия, замешенный на сентиментальности, овладел цивилизованным народом!

...Я помню рождественские открытки из Германии военных лет. Их приносила полевая почта вермахта в русские дома, ставшие немецкими казармами. Эти открытки поражали нас непривычной сказочностью. Их находили потом на поле боя в офицерских портмоне, рядом с фотографией жены и детей. Было трудно понять тогда, как могла эта сентиментальность расстреливать женщин и детей...

Гораздо позже я прочел «Майн кампф», где были и такие строчки: «...Гуманность — это мешанина глупости, трусости и высокомерной чванливости. В вечной борьбе человечество стало великим. И только от вечного мира оно может погибнуть».

Самое страшное, что человек с этими идеями пришел к власти в стране, хвалившейся буржуазной демократией, и двенадцать лет вел соотечественников и пол-Европы навстречу тотальной катастрофе.

Память о загубленных и умерщвленных по воле фашистских недочеловеков должна жить в каждом народе, в каждом из нас как вечное предостережение. Зараженные микробом фашизма подлежат строжайшему наблюдению. Человеческое общество должно ограждать себя от страсти к насилию, чтобы избирать свой путь коллективным умом своих граждан, а не следовать указующему персту фюрера.

В. МАЗОХИН,
кандидат исторических наук

Религиозная подоплека нацизма

Широкое распространение на Западе получила легенда о безбожии фашистов, в особенности гитлеровцев, — легенда, имеющая своей целью весьма прозрачное намерение опорочить атеизм: смотрите, мол, к какой моральной деградации приводит отречение от веры в бога. На самом же деле подавляющая часть фашистов, в том числе сам Гитлер, были верующими католиками либо протестантами и, по словам известного нацистского «теоретика» Альфреда Розенберга, сделали «для сохранения христианства столько, сколько все другие партии, вместе взятые, не могли сделать!».

За пропаганду атеизма в фашистском государстве, с первых дней своего существования официально запретившем атеизм и атеистические издания, людей бросали в концлагерь.

Церковь получила право вести «миссионерскую» деятельность на оккупированных фашистами территориях в соответствии со специальным соглашением папы Пия XII с фашистскими главарями. «Борьба против материалистического мировоззрения, за восстановление действительно народного общества, — заявил правоверный католик Гитлер, став рейхсканцлером, — хорошо служит в равной степени немецкой нации и христианской вере». Перечень подобных примеров и высказываний можно было бы продолжить.

Нацистские руководители в неофициальных беседах, ставших известными лишь после войны, набрасывали планы создания новой, «арийской» религии, мечтали возродить и модернизировать языческие обряды древних германцев, третировали в своем кругу христианство как инородную, «неарийскую» религию еврейского происхождения. Однако реализацию своих религиозных прожектов они откладывали до «эндзига» — окончательной победы. Так что и «язычество» (в чем теперь задним числом обвиняют фашистов многие клерикальные публицисты), как правило, дальше застольных разговоров подвыпивших нацистских бонз не шло. Но даже если принимать эти прожекты всерьез (а в избранных кругах СС кое-что в этом направлении все-таки делалось), то ведь от замены традиционного христианства неоязычеством, то есть «арийской церковью», так же далеко до атеизма, как от неба до земли.

Не столь белыми нитками шита, а потому гораздо убедительнее звучит другая легенда, имеющая хождение в клерикальных кругах, — миф о церковном «антифашизме» и «сопротивлении». Ее культивирует и популяризирует уже вышедшая и продолжающая выходить на Западе, в особенности в ФРГ, обширная апологетическая литература (например М. Экклезнаэль «Гитлер против Христа», Г. Мюллер «Католическая церковь и национал-социализм», сборник «Христианское сопротивление фашизму» и другие книги). Их авторы — одни искренне, другие по политическим соображениям — из единичных и разрозненных фактов участия отдельных представителей низшего духовенства в подпольном движении Сопротивления делают неправильный вывод о якобы антифашистской позиции церкви в целом. В доказательство ссылаются обычно также на репрессии, с какими нацисты, придя к власти, обрушились на активистов клерикальных политических партий (партии Центра в Германии, «отечественного фронта» клерикал-фашистов Дольфуса — Шушнига в Австрии и т. д.).

Но ведь преследовали-то клерикалов не за религиозные, а за политические убеждения — как возможных конкурентов в борьбе за власть. Такая же судьба постигла и другие буржуазные партии, которые помогали фашистам пробраться к власти, надеясь их руками разделаться с коммунистами. Но «ловцы» попали в собственную сеть: гитлеровцы не посчитались с их «заслугами» и религиозной благонадежностью и... засадили их за решетку вместе с «безбожными марксистами». Такова истинная подоплека басни о церковном «сопротивлении».

А впрочем, этот миф разоблачают сами князья церкви. «Мы храним и будем хранить память и вечную благодарность за то, что было сделано на благо религии, хотя польза, извлеченная из этого фашистской партией и режимом, была, пожалуй, еще бо́льше», — вполне резонно утверждал еще папа Пий XI. Серьезным подспорьем для фашистских режимов оказались и конкордаты, заключенные Ватиканом с Муссолини (1929 г.) и Гитлером (1933 г.), официально запрещавшие священнослужителям всякое участие в «антигосударственной (читай антифашистской) деятельности или пропаганде». И уж нечего говорить, с каким восторгом встретили церковники всех толков весть о нападении Германии и ее сателлитов на СССР — этот «очаг атеистической заразы».

Кое-кто может сказать: зачем ворошить прошлое, гальванизировать память о политическом трупе фашизма — ведь более тридцати лет прошло с тех пор, как советский народ и его армия отрубили голову нацистской гидре. Но есть еще на Западе немало тех, для кого забвенье преступного прошлого — лучшая питательная среда.

«Полнее сознавая прошедшее, — писал А. И. Герцен, — мы уясняем современное; глубже опускаясь в смысл былого, раскрываем смысл будущего; глядя назад, шагаем вперед».

Глядеть назад в подобном смысле всегда поучительно. Ибо всякий, говоря словами покойного советского писателя Василия Гроссмана, «кто отвернется, кто закроет глаза и пройдет мимо, оскорбит память погибших. Всякий, кто не узнает всей правды, так никогда и не поймет, с каким врагом, с каким чудовищем вступила в смертную борьбу наша великая, наша святая Красная Армия». Это было написано в сентябре сорок четвертого года, когда нога нашего солдата впервые ступила в логово фашистского зверя — Восточную Пруссию и когда до красного знамени над рейхстагом и долгожданной Победы оставалось еще пройти героический путь длиною в восемь месяцев — по своему напряжению и значению равных годам мирной жизни.

Юр. КОРОЛЬКОВ

Откровения нацистского лекаря

Кто такой доктор Керстен, почему его вышедшие в Нью-Йорке мемуары привлекли внимание?

Феликс Керстен был прибалтийским немцем. Эмигрировав из России во время Октябрьской революции, он изучал медицину в Берлине, какое-то время работал с известным тогда китайским терапевтом доктором Го. Модный молодой врач пошел в гору. Используя личные связи, Керстен лечил немецкую знать, а затем, по рекомендации германского аристократа Адольфа Фридриха Мекленбургского, переселился в Голландию и стал придворным врачом королевской семьи.

В марте 1939 года по приглашению Гиммлера Керстен вернулся в Берлин. Он применил свои методы лечения, от которых тот пришел в восторг и тут же предложил доктору стать его личным врачом.

В продолжение шести лет, самых кровавых в деятельности рейхсфюрера СС, Керстен неотлучно находился при Гиммлере, жил в его ставке, ел за одним столом с ним, общался с его приближенными, с немецкими генералами и нацистскими партийными бонзами. Керстена считали приближенным человеком Гиммлера, перед ним заискивали, делились с ним тайнами, спрашивали совета.

Находясь в свите Гиммлера, Керстен встречался и с другими главарями фашистской Германии, а некоторых даже врачевал с разрешения своего шефа. «Воплощение Будды», — так прозвал Керстена бесноватый фюрер.

Библия нацизма — «Майн кампф» вобрала в себя все реакционное, черносотенное за много веков, начиная от социальной демагогии и кончая теорией расового превосходства германской нации над другими народами, и все это было взято на вооружение для завоевания мирового господства. Средневековое варварство, племенная борьба пещерного века стали примерами и образцами поведения современных каннибалов.

Вся человеконенавистническая мораль фашизма была заимствована от диких тевтонских племен, стоявших на крайне низком уровне общечеловеческой культуры. Именно в этом надо усматривать истоки складывавшейся фашистской «арийской религии», Даже современные государства

нацистские теоретики определяли как «объединения мужчин в целях войны», утверждая, что в результате военных столкновений «происходит естественный отбор, очищение земли от неполноценной низшей расы». Еще задолго до войны Гитлер говорил: «Нужно освободиться от всякой сентиментальности и стать жестокими. Природа жестока, и мы имеем право быть жестокими. В тот момент, когда я брошу в ураган будущей войны цвет германской нации, не испытывая при этом ни малейшего сожаления о драгоценной германской крови, которая потечет рекой, кто же может оспорить мое право уничтожить миллионы людей низшей расы, которые размножаются, как насекомые».

И дальше:

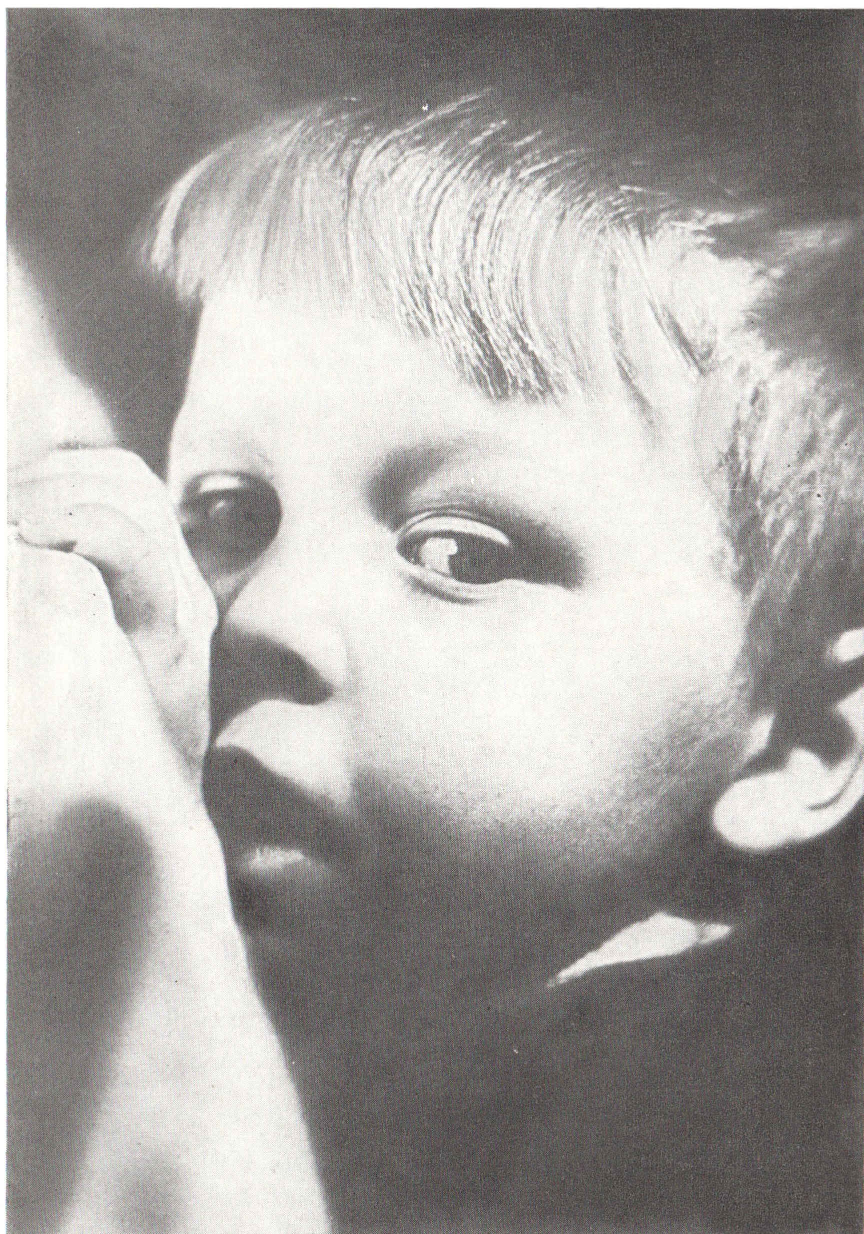
«Мы обязаны истреблять жителей. Это входит в нашу миссию охраны германского населения. Если меня спросят, что я подразумеваю под истреблением населения, я отвечу, что я имею в виду уничтожение целых расовых единиц. Именно это я и намереваюсь проводить в жизнь. Грубо говоря — это моя задача... Одна из основных задач германского управления во все времена будет заключаться в предотвращении развития славянских рас. Я приближаюсь к этому с колоссальным ледяным спокойствием, свободный от предрассудков... Естественные инстинкты всех живых существ подсказывают им не только побеждать своих врагов, но и уничтожать их. В прежние времена победитель получал исключительное право уничтожать целые племена, целые народы...»

Так угрожал Гитлер миру перед войной... Керстен рассказывает в своих дневниках о том, как нацисты осуществляли эту угрозу.

Весьма любопытен портрет самого Гиммлера, описанный в дневниках Керстена. Мракобес, человеконенавистник Гиммлер верил в переселение душ, в гороскопы, приметы, в предсказания шарлатанов-прорицателей. Правда, таким был не один Гиммлер: большинству главарей фашистской Германии были свойственны эти качества и многие из них по своему культурному уровню недалеко ушли от суеверных людей средневековья.

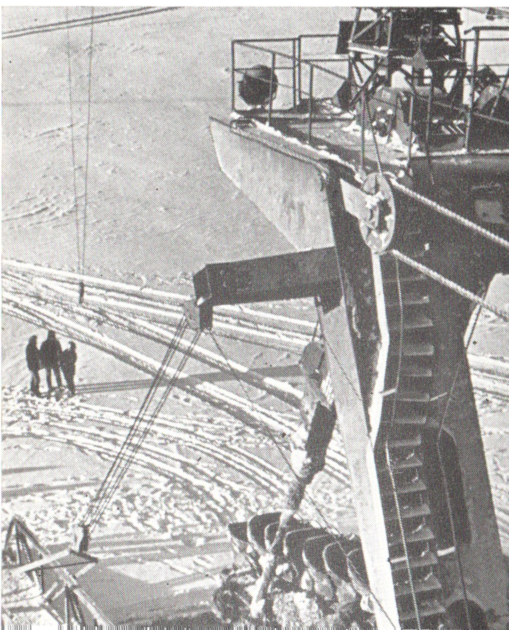
Генрих Гиммлер, сын католического придворного псаломщика, всю жизнь был совершенно уверен, что в него воплотился дух первого немецкого короля Генриха I Птицелова, жившего более тысячи лет назад. Гиммлер часто выезжал в Кведлинбург на могилу этого своего «духовного предка». Он со всей серьезностью утверждал, что души умерших можно вызывать и разговаривать с ними. Гиммлер рассказывал Керстену, что ему в полусне часто является дух короля Генриха Птицелова и дает очень дельные советы.

В окружении Гиммлера были всевозможные астрологи, составители гороскопов, гадальщики, алхимики, к их услугам охотно обращался рейхс-

Дети — это завтрашние судьи наши, это критики наших воззрений, деяний, это люди, которые идут в мир на великую работу строительства новых форм жизни.

М. Горький

Труд — это единственный титул истинного благородства! Это — мощь и радость человека-творца...

Р. Роллан

Те, у которых мы учимся, правильно называются нашими учителями, но не всякий, кто учит нас, заслуживает это имя.

В. Гёте

Учебники
Руководства
54 ХИМИЯ

Человек должен верить, что непонятное можно понять; иначе он не стал бы размышлять о нем.

В. Гёте

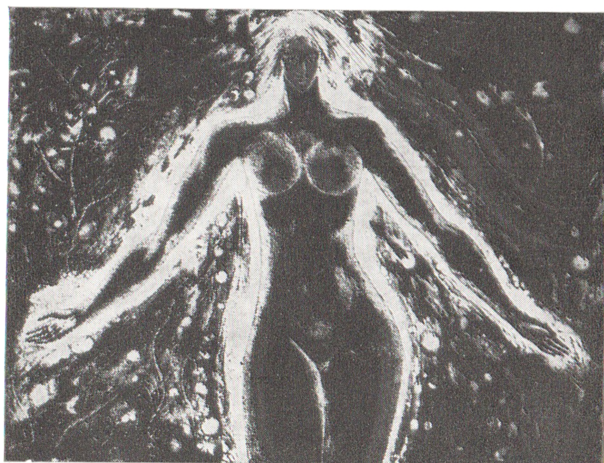

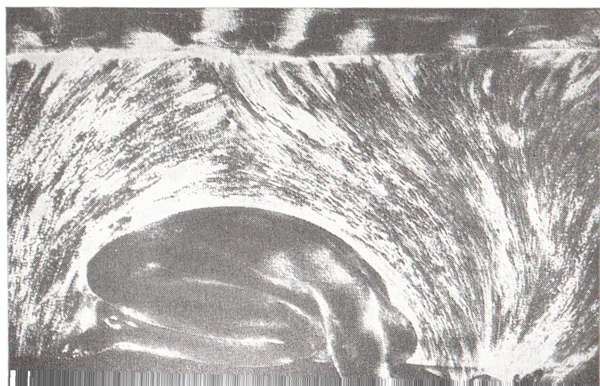
...я никогда не отделял художника от мыслителя, как не могу отделить художественной формы от художественной мысли.

Стендаль

(Репродукции рисунков С. Красаускаса.)

Задача искусства — не случайности быта, а общая их идея, зорко угаданная и верно снятая со всего многоразличия однородных жизненных явлений.

Ф. М. Достоевский

Если ты хочешь, чтобы твои наставления влияли действительно благотворно на твоих учеников, предостерегай их от бесполезных знаний и ложных правил, потому что отделываться от бесполезного столь же трудно, как и менять неправильно взятое направление.

В. Гёте

Велико искусство прививать людям прекрасные идеи, которые учат жертвовать всем для счастья людского.

Стендаль

Это правда, что нужно много сделать, а у тебя, возможно, слабые руки; но берись как следует за дело, и ты получишь хорошие результаты...

В. Франклин

На деле цели человека порождены объективным миром и предполагают его, — находят его, как данное, наличное.

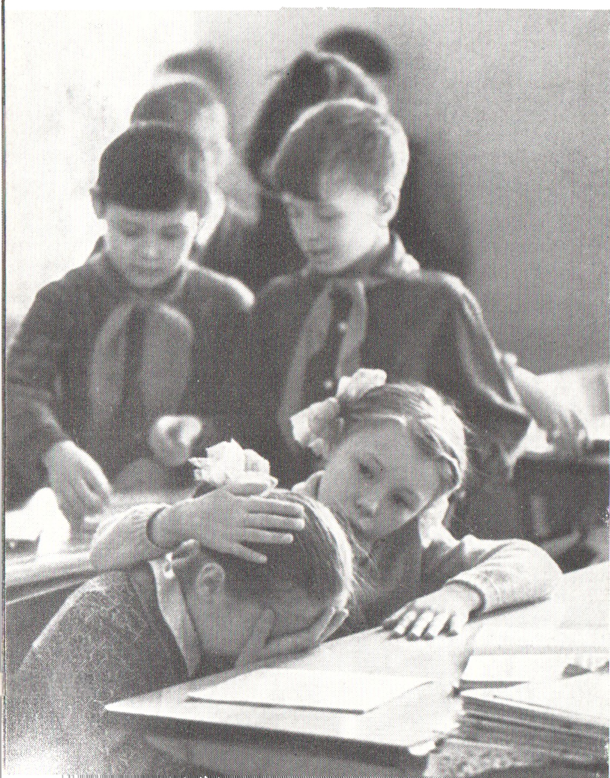
В. И. Ленин

...личность характеризуется не только тем, **что** она делает, но и тем, **как** она это делает.

Ф. Энгельс

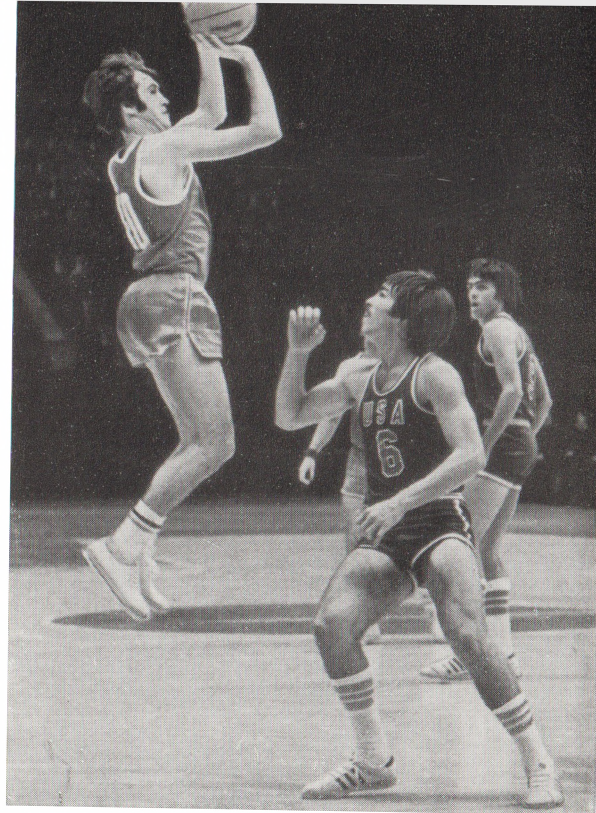
Кто не может взять лаской, тот не возьмет и строгостью.

А. П. Чехов

...все возникает через борьбу...

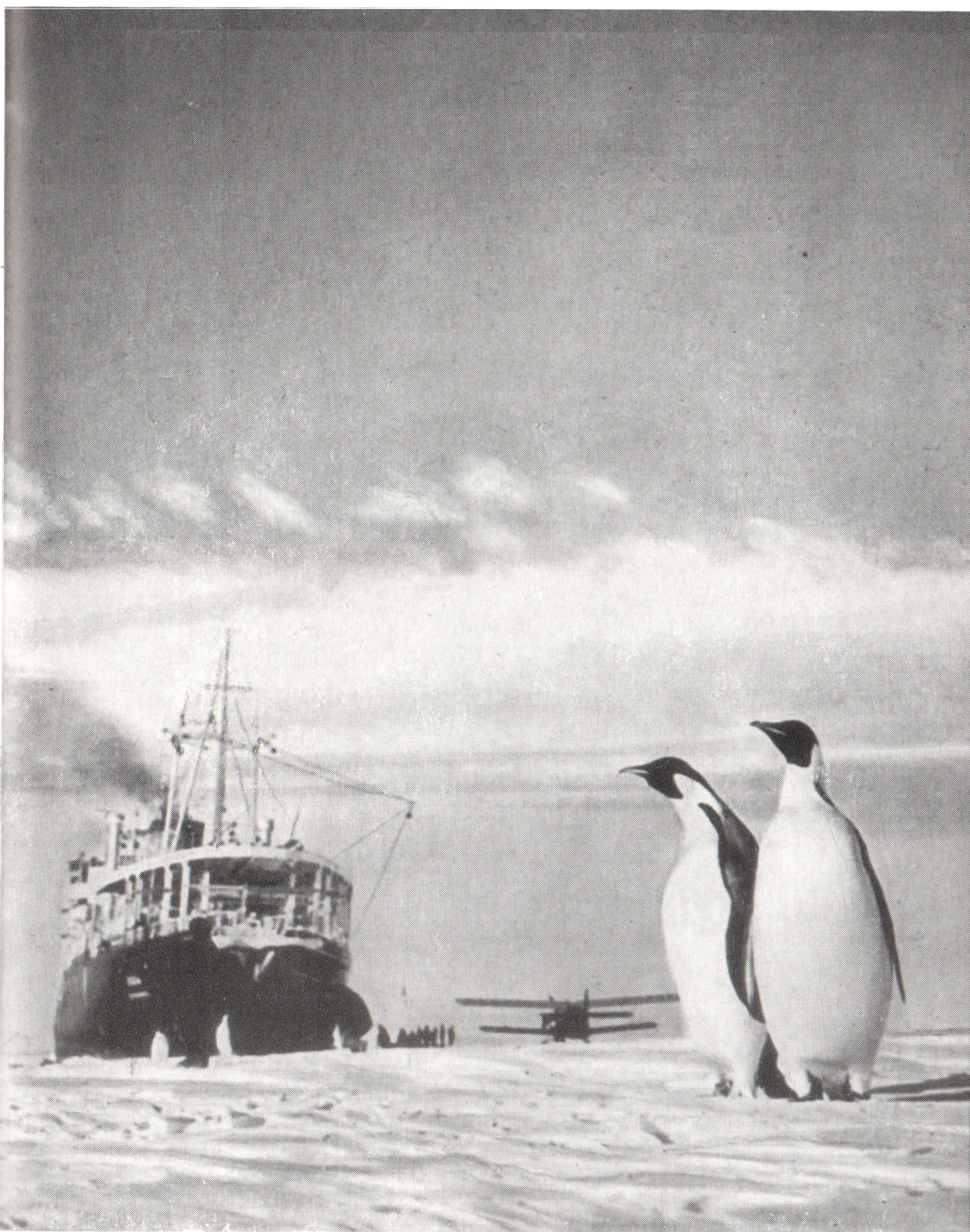
Гераклит

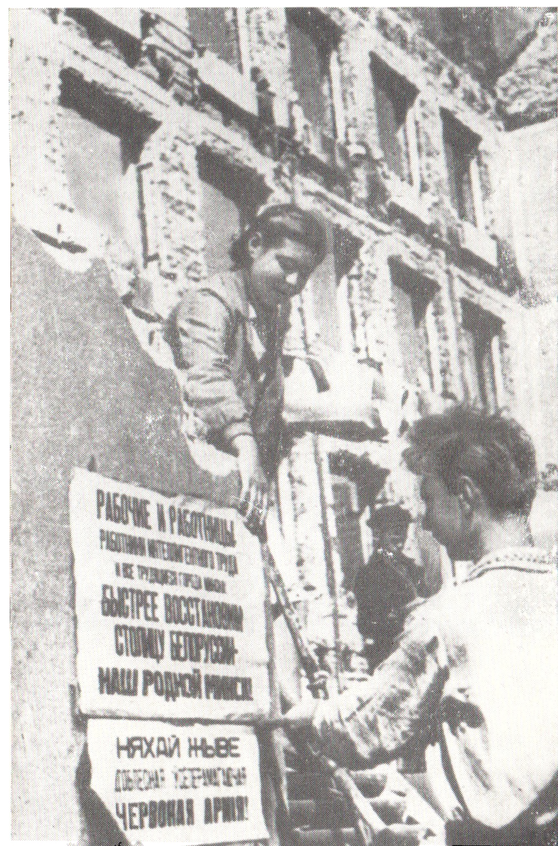

ЭФСИ

Природа — это книга, которую надо прочитать и правильно понять.

Никогда не победят того народа, в котором рабочие и крестьяне в большинстве своем узнали, почувствовали и увидели, что они отстаивают... власть трудящихся, что отстаивают то дело, победа которого им и их детям обеспечит возможность пользоваться всеми благами культуры, всеми созданиями человеческого труда.

В. И. Ленин

Только борьба воспитывает эксплуатируемый класс, только борьба открывает ему меру его сил, расширяет его кругозор, поднимает его способности, проясняет его ум, выковывает его волю.

В. И. Ленин

Надо любить жизнь, пытливо познавать ее, учиться прекрасно о ней рассказывать и вдохновенно ее воспроизводить...

В. И. Качалов

фюрер. Об этом рассказывает не только Керстен, но и другие свидетели закулисной жизни Генриха Гиммлера. Нацистский разведчик Вильгельм Хеттль, хорошо знавший Гиммлера в частной жизни, рассказывает в своих мемуарах, что его шеф затратил много времени и усилий на поиски философского камня. Он вынашивал бредовую идею купить весь мир с помощью добытого таким образом золота. Для этой цели он держал большой штат алхимиков, которые работали в подвалах гестапо. Пользуясь формулами древних алхимиков, они должны были найти способ искусственного изготовления золота. Деятельность этих горе-химиков продолжалась вплоть до 1938 года.

Гиммлер стремился следовать указаниям астрологов, и этой слабостью пользовались его противники и сообщники. В конце войны шеф гиммлеровской разведки группенфюрер СС Вальтер фон Шелленберг уговорил проходимца и шарлатана Вульфа — «придворного» астролога Гиммлера поехать в Гамбург и составить там гороскоп, по которому выходило бы, что рейхсфюреру СС предстоит стать преемником фюрера и спасителем нацистской Германии. Вильгельм Хеттль утверждает, что именно астролог Вульф и врач Керстен настойчиво убеждали Гиммлера стать преемником Гитлера.

В Дневнике Керстена есть запись, датированная 15 декабря 1943 года, где он приводит слова Гиммлера: «По данным астрологов, сейчас самое время начать переговоры с враждебными лицами за границей».

Гитлер тоже был страшно суеверен. Вот что показал на допросе в Нюрнберге фельдмаршал Кейтель:

«Хотя он и отрицал это, однако все замечали, что он верит старой немецкой поговорке: «Что сделаешь в пятницу, не продержится и недели». Еще больше верил он своему гороскопу. Звезды и линии рук в полном согласии предвещали ему большую удачу, головокружительный взлет, но карьера его преждевременно обрывалась. Из этого он заключал, что умрет молодым, и это не давало ему покоя».

Гитлер почему-то испытывал мистический страх при виде осы, он не успокаивался до тех пор, пока зловредное насекомое не изгоняли из помещения, где он находился.

Точно так же, как Гитлер, в приметы верил и фашистский диктатор Муссолини. Своим счастливым днем, в соответствии с гороскопом, он считал 11-е число. Даже вступление Италии в мировую войну Муссолини приурочил к этому числу — к 11 июня 1940 года.

По словам Гиммлера, которые Керстен приводит в дневнике, Гитлер обладал даром ясновидения, мог разговаривать с духами. Гитлеру якобы трижды являлся дух Чингисхана, с которым фюрер беседовал на разные темы и пользовался его советами.

Оккультные «науки», которыми пользовались главари «третьего рейха», имели прямое отношение к их кровавым преступлениям. Немецкий король

Генрих I Птицелов был первым завоевателем славянских земель на берегах Эльбы. Гиммлер, уверовавший, что в нем пребывает дух короля, стремился подражать ему во всем и дал клятву продолжить и завершить его миссию на Востоке. Вот как напутствовал эсэсовцев этот человек, сентиментально относившийся к животным и запрещавший убивать птиц:

«Эсэсовец должен руководствоваться только следующим принципом: мы обязаны относиться честно, прилично, преданно и по-товарищески к лицам нашей собственной крови и ни к кому кроме. Каково положение русских, каково положение чехов, мне совершенно безразлично. То, что имеется в других народах в смысле хорошей крови нашего типа, мы возьмем себе, отбирая у них, если надо, детей, воспитывая их у себя. Живут ли другие народы в благоденствии или они издыхают от голода, интересует меня лишь в той мере, в какой они нужны как рабы для нашей культуры. В ином смысле это меня не интересует. Погибнут ли или нет от истощения при строительстве противотанкового рва десять тысяч русских баб, интересует меня лишь в том отношении — готовы ли для Германии противотанковые рвы...

Это то, что я хочу привить СС как один из священных законов будущего. Наша забота, наш долг — наш народ и наша кровь. Об этом и ни о чем другом мы должны заботиться, думать. Вот над чем мы обязаны работать, за что бороться. Все остальное нам безразлично. Я хочу, чтобы с такой установкой СС решали проблему чужих, негерманских народов, прежде всего русского».

То же самое можно сказать и о Гитлере. Он преклонялся перед жестокостью и вероломством древних. Невежество, мракобесие, встречи с «духами» служили опорой, подкреплявшей его политику. Вот какими словами Гитлер перед самым началом второй мировой войны напутствовал своих генералов:

«Наша сила в быстроте и жестокости. Чингисхан по своей собственной воле с легким сердцем умертвил миллионы женщин и детей. История видит в нем только великого создателя государства. Я не считаюсь с тем, что обо мне думает дряхлая западноевропейская цивилизация. Я отдам приказ и застрелю того, кто произнесет хоть одно слово критики, так как цель войны состоит не в том, чтобы достичь определенной линии, а в том, чтобы физически разгромить противника.

В связи с этим я посылаю на Восток свои соединения «Мертвая голова», чтобы безжалостно уничтожить всех мужчин, женщин и детей польской национальности или говорящих по-польски. Только таким путем мы сможем получить необходимое нам жизненное пространство.

Господа! Вас ожидает слава и честь, невиданная в веках. Будьте жестоки и беспощадны. Действуйте быстрее и грубее. Жители Западной Европы должны содрогнуться от ужаса. Это самая гуманная война. Она должна навести ужас».

Через неделю после выступления Гитлера нацисты бросили свои войска на Восток, против Польши. Они развязали вторую мировую войну.

Гитлер и его сообщники поднимали из глубины веков все самое мрачное, отжившее, варварское, подчиняли его политике человеконенавистничества, создавали культ грубой силы и вероломства. Герман Геринг восстановил средневековый топор как орудие казни. Рейнгард Гейдрих, доверенный человек Гитлера, восторгался кровавыми обычаями Древнего Египта, где рабов, сооружавших гробницы для фараонов, умерщвляли после окончания работы, скрывая тем самым место погребения царственных особ. Опыт египетских фараонов фашисты перенесли на строительство засекреченных военных объектов.

12 декабря 1942 года Керстен подробно записал в своем дневнике, как Гиммлер ознакомил его с секретнейшим 26-страничным диагнозом нацистских врачей, из которого следовало, что Адольф Гитлер десятилетиями страдал прогрессирующим параличом в результате застарелого сифилиса. Не отсюда ли берет начало мания величия, присущая Гитлеру, его патологическое любование собственной персоной?

В начале второй мировой войны, когда Польша была уже разгромлена, Гитлер собрал командующих армиями в Берхтесгадене и обратился к ним с большой речью. Разговор шел о направлении дальнейшей агрессии. Совещание проходило в «Орлином гнезде» — замке, построенном перед самой войной, в стиле средневековых рыцарских крепостей, на вершине недоступной скалистой горы в Баварских Альпах. Отсюда Гитлер намеревался управлять миром. На совещании он самонадеянно говорил своим генералам:

«Я пригласил вас сюда, чтобы поделиться мыслями, которые владеют мной перед назревающими событиями, и сообщить вам мои решения.

Провидение определило, что я буду величайшим освободителем человечества. Перед поворотным этапом истории я освобождаю людей от сдерживающего начала разума, от грязной и разлагающей химеры, именуемой совестью и моралью. Я благодарю судьбу за то, что она уготовила мне благословение свыше и опустила на мои глаза непроницаемую завесу, освободив душу от предрассудков...

По-видимому, никто и никогда более не будет пользоваться таким доверием всего германского народа, каким пользуюсь я. Вероятно, никогда не будет в будущем человека с большей властью, чем я. Мое существование поэтому является фактором величайшей важности... Никто не знает, сколько я буду жить. Поэтому лучше сейчас начать великий конфликт».

В подобных высказываниях Гитлера трудно отличить маниакальный бред сифилитика, разбитого прогрессирующим параличом и страдающего

манией величия, от бредовых, человеконенавистнических идей политика-авантюриста.

До конца своей жизни Гитлер считал себя посланцем провидения, возлагал надежды на потусторонние силы, исповедовал культ древнегерманских племен, людей пещерного века.

Когда стало ясно, что фашистская Германия обречена, Гитлер все еще на что-то надеялся. Узнав о смерти президента Рузвельта, он воскликнул: «Вот вам, неверующим! Это снова знак провидения...»

И даже перед самым концом, оказавшийся, как затравленный зверь, в подземельях имперской канцелярии в Берлине, Гитлер продолжал цепляться за малейшую надежду, судорожно искать выход. Он то надеялся на секретное оружие, которое ему обещали, то на приход уже не существовавшей тогда армии Венка, то на противоречия, которые могли бы возникнуть между странами антигитлеровской коалиции.

Даже уходя из жизни, Гитлер остался верен ритуалу древних, которые клали в могилу умершего властителя все, что было близко ему при жизни, — любимого коня, жену, утварь. 29 апреля 1945 года в четыре часа утра Гитлер подписал завещание, в котором говорилось: «Хотя в годы борьбы я считал, что не могу взять на себя такую ответственность, как женитьба, теперь, перед смертью, я решил сделать своей женой женщину, которая пойдет со мной на смерть по собственному желанию, чтобы разделить мою судьбу».

После свадьбы-тризны, справленной в подвале имперской канцелярии, когда рядом уже рвались снаряды вступившей в Берлин Советской Армии, Гитлер достал из кармана пригоршню ампул с цианистым калием, похожих на тюбики губной помады, и раздал их собравшимся вокруг него, в том числе и своей супруге Еве Браун. В эти мгновения он сравнивал себя с Фридрихом Великим, который всегда имел наготове молниеносно действующий яд.

Вместе с Гитлером покончили самоубийством многие видные нацисты, загнанные в мрачные катакомбы имперской канцелярии. А доктор Геббельс, этот мастер разбойной пропаганды фашизма, прежде чем умереть, отравил дочерей, жену, и после этого сам раскусил ампулу, которую дал ему Гитлер.

Нацисты поклонялись жестокости даже на смертном одре.

А. АЛЕКСЕЕВ

Приметы Греции

Моросил дождь. Холодный ветер смешивал с клочьями тумана опавшую листву. Мимо окон проплыли каменные окраины, потом пригороды Белграда. Роскошный интуристовский «мерседес» едва покачивало, хотя стрелка спидометра подвинулась к «100». Мокрая, слабо поблескивающая в сумерках дорога вела в горы.

К границе подъехали, когда уже стемнело.

Проверка паспортов заняла около часа. Молодой офицер в стального цвета форме, собирая таможенные декларации, улыбнулся:

— Россия... Далеко... И близко...

Захлопнув дверцу, помигал из темноты фонариком. Счастливый, мол, путь.

Снова дорога, снова горы.

Уже ночью где-то внизу заплясали в черной воде огни, тени фелюг. В раскрытые окна дохнуло соленым ветром с Салоникского залива. Греция встречала теплом и влагой.

Когда один из директоров фирмы «Парнас», организующей путешествия, представил нам Евтихию, она как-то странно, словно через силу, улыбнулась. Не все заметили, что ее глаза полны слез. Да и трудно было тогда понять, почему она вот-вот готова расплакаться, что значила для нее первая встреча с советской делегацией. Спустя две недели в маленьком греческом ресторанчике состоялся наш прощальный ужин. Тихо играли на гитарах три пожилых человека. Того, кто изредка подпевал, попросили исполнить знаменитую неаполитанскую «Скажите, девушки...». Голос у него был усталый, надтреснутый. Но тогда там, в пропитанном запахами сыра, вин и табака зале, он звучал уместней и лучше любого прославленного маэстро. Евтихия неожиданно надела черные очки. Мы увидели, что она опять плачет. Массивная пляжная оправа не могла этого скрыть. Но теперь каждый из нас знал, что для нее этот вечер — прощание с чем-то очень близким и дорогим. Теперь каждый навсегда увозил с собой ее непередаваемые рассказы о мифах Эллады, о детстве человеческого общества. По-особому повторенные Евтихией мифы, где герои

и боги выступают теми же людьми, лишь с преувеличенными слабостями и добродетелями. Помню, как водила нас Евтихия по каменистой, выжженной солнцем земле Аттики. Южная точка этого края — мыс Сунион. Крутые берега, рифы, подводные отмели с незапамятных времен создали ему славу места гиблого, опасного для судов.

Поэтому-то древние греки и воздвигли на утесе храм Посейдона — бога морей и покровителя мореплавателей.

— Крестьяне Аттики необычайно трудолюбивы и упорны. Как они выхаживают, несмотря на страшный зной, оливковые деревья! Ведь это дар богини Афины. — Евтихия на секунду умолкает, показывая на исчезающий за морем красный солнечный диск. — Считается, что тут самые красивые в мире закаты...

Беспредельность окружающих гор и моря, багровый свет, раскрасивший облака, деревья, ажурные колонны храма Посейдона, действительно делали все вокруг сказочным, неповторимым.

Кто-то попросил показать, в каком месте на мраморе высечено «Байрон».

— Вы ведь знаете, что Байрон приплыл в Грецию на корабле «Геркулес», чтобы вместе с нашим народом выступить против турецкого ига. Он прибыл в Кефалонию, а оттуда в порт Миссолонги. Там, в осажденном городе, он и погиб от лихорадки.

Евтихия помолчала. Потом добавила:

— Кто погибнет, как Байрон, забыт не будет. Даже если он и не великий поэт. Высеченное здесь имя мало что говорит. Зато в Англии, в маленьком бедном приходе, где были погребены останки автора «Паломничества Чайльд-Гарольда», надпись над его могилой гласила, что «он умер в Миссолонги, в Западной Греции, 19 апреля 1824 года, при героической попытке вернуть этой стране ее древнюю свободу и славу».

На фоне кричащих рекламных щитов с изображением Джеймса Бонда, после дешевых сентиментальных кинодрам и вестернов этот аншлаг, появившийся на одном из крупнейших кинотеатров Афин, звучал особенно строго и отрезвляюще: «Обыкновенный фашизм». Евтихия повела нас на наш же фильм. Зал был забит. Ни один из сидевших в креслах при всем желании не смог бы подняться. Люди стояли в проходах, боковых нишах, запрудили фойе и коридор, идущий от касс. Никто не знал, что в зале русские. А мы волновались так, словно сами создали фильм. Потому что это был необычный фильм. Потому что он говорил о том, что не может не тревожить каждого из живущих сегодня.

...Когда замелькали кадры зверств гитлеровцев в концлагерях, эпизоды с Муссолини, когда документальная немецкая кинохроника оживила эсэсовцев, поднимающихся на Акрополь, стоявший до этого шум в зале

перерос в рев. Люди вскакивали со своих мест, сжимали кулаки, кричали. Глядя на них, испытывая небывалое волнение, я подумал о знаменитом, обошедшем весь мир письме политических заключенных и ссыльных греков. Они обращались ко всем солдатам союзнических войск, к партизанам второй мировой войны. Ко всем организациям национального сопротивления, ко всем мужчинам, женщинам и детям, которые в той или иной форме способствовали разгрому фашизма. Они писали, что когда фашизм начал поход за порабощение человечества, когда в мире воцарились мрак, голод и смерть, тогда все честные люди поднялись на борьбу:

«Вы, мужчины, женщины и дети, своим трудом на фабриках и заводах, в боях на полях сражений готовили разгром фашизма.

Шагая в рядах демонстраций, вы заливали своей кровью мостовые Парижа, Белграда, Праги и Варшавы. Мы также проливали свою кровь на улицах оккупированных Афин, боролись за хлеб для народа и против мобилизации. Мы вели ту же борьбу, что и вы.

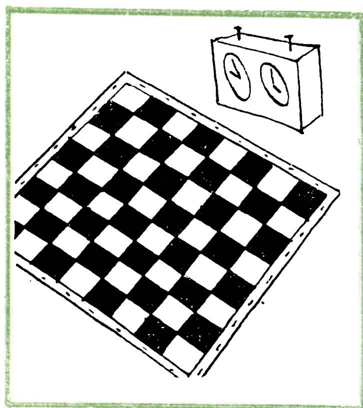
Вы совершали акты саботажа на заводах, работавших на врага. То же самое делали и мы. В оккупированной Европе и Азии вы с оружием в руках защищали собранный крестьянами урожай. Мы тоже защищали поля Фессалии, Македонии, чтобы крестьянский урожай не попал в руки врага.

Над горами вашей прекрасной страны реяло знамя свободы. Над Олимпом нашей прекрасной страны (ведь все страны прекрасны) реяло наше знамя.

В застенках гестапо и СС, в концлагерях и тюрьмах, перед карательными отрядами и на поле боя — всегда и везде раздавался один и тот же клич: «Смерть немецким захватчикам!» Все мы — бойцы великой антифашистской войны. Как и вы, мы, затая дыхание, стояли плечом к плечу с гражданами Ковентри и Ростова, сражались за одну и ту же цель рядом с партизанами Юннани и Белоруссии, с франтирерами и партизанами Альп».

И здесь, в зале афинского кинотеатра, были и те, кто еще в 1940 году в горах Пиндос произнесли «охи» — «нет» и выступили против итальянских и немецких фашистов. И те, кто родились после войны, для кого свобода и счастье народа превыше всего.

ИЗМЕНА СВЯТОСТИ

Жан Эффель приехал впервые в нашу страну в 1934 году... Сначала его массовой аудиторией были дети — начинал с оформления небольших книжек. А потом почерк Франсуа Лежена

вместе с псевдонимом из начальных букв имени и фамилии узнал весь мир.

Самую широкую популярность художник завоевал своей доброй улыбкой атеиста, сотворением неповторимого антирелигиозного мира образов. В Париже, в его мастерской на улице Бонапарта, он дал интервью, передал свои новые рисунки:

— Великие люди, с которых мы должны брать пример, все были в глубине души прогрессивны. Возьмите хотя бы Мольера с его «Тартюфом». И сегодня далеко не все театры осмеливаются ставить его, настолько едко и зло он высмеивает религию. Нужно рассказывать нашему поколению о гигантах мысли и творчества прошлого, о великих борцах за прогресс.

Эти слова Жана Эффеля вспоминаются потому, что детали, случайно оброненные фразы оживляют события, часто разделенные между собой десятилетиями. Разделенные — и все же связанные прочнейшими нитями.

Человек ничего не слышал. Он видел, как от ветра клонится вереск, как рябью покрывается Дунай, как двигают жестяными клювами флюгеры. Он смотрел на парящие птичьи стаи, на открытые рты мальчиков в хоре у Св. Стефана. Смотрел и не слышал. Звуки давно покинули усталое тело. Он рождал их в себе по памяти. Чтобы сложить в неповторимый строй созвучий, отличающий шум от музыки. Чтобы заставить людей ценить ребячий гомон, крик петухов, тягучее пенье волынки. Однажды, бродя в окрестностях Вены, он присел в задумчивости на обочине дороги. Скрип колес катафалка, причитания в толпе — все это неслось мимо него. Похоронная процессия остановилась.

— Бетховен... — тихо говорили друг другу люди. — Не надо ему мешать.

Толпа двинулась с места, только когда человек с огромной головой встал и медленно пошел через поле куда-то в сторону.

Случай этот, передаваемый из уст в уста, со временем превратился в легенду.

«Какая дань уважения этому великому человеку! В момент творчества гений общается с самим богом. Вот что понял очень религиозный народ Вены. Вот почему этот народ и смог, не нарушая благочестия, заставить мертвого склониться перед живым».

Так написал спустя десятилетие после смерти Бетховена другой великий творец прекрасного художник Энгр.

Про Энгра Эффель заметил, что это редкий случай совмещения взглядов церковника с творческим действием еретика.

Эффель говорил быстро, жестикулировал.

— Но ведь прежде, чем испечь хлеб, нужно, чтоб проросли зерна. Все великие художники учились у природы и людей.

Нет, гений не общается с богом. Общаясь с простыми людьми, он поражает их именно тем, что, будучи таким же земным, владеет умением создавать прекрасное. И в этом бессмертная сила живого перед мертвым.

О. ТЕНЕЙШВИЛИ

В память о Витторио Де Сика

В декабре 1974 года я выезжал в Хельсинки для подписания договора с фирмой «Феннада фильми» на производство совместного советско-финского художественного фильма.

Переговоры носили деловой характер и занимали в день по 10—12 часов. Только по вечерам мне удавалось просматривать зарубежные фильмы, идущие на экранах Хельсинки.

Мне посоветовали посмотреть фильм американского режиссера Уильяма Фридкина «Изгоняющий дьявола». И я, вспомнив его странную психологическую драму «Парень из Банды» и не менее странный фильм «Французский связной», начал свои просмотры именно с фильма «Изгоняющий дьявола».

«Изгоняющий дьявола» — боевик, поражающий зрителя своей аморальностью. Нетерпимые натуралистические подробности унижают человеческие чувства, демонстрируют распад личности. Этот фильм — приманка для «заблудших», избитое оружие католической церкви.

Выход фильма на экраны сопровождался большой рекламной шумихой. Писали, что автор книги «Изгнание дьявола», по которой поставлена картина, Уильям Питер Блэтти в 1949 году прочел сообщение о зарегистрированном случае «изгнания дьявола» из тела 14-летнего мальчика в штате Мэриленд около монастыря Райникер. Блэтти, заинтересовавшийся самим предметом дьявольской одержимости, спустя 20 лет написал роман, который стал бестселлером 1971 года в США. Сообщалось и то, что случай в штате Мэриленд, на котором Блэтти построил свое повествование об одержимой дьяволом девочке, был, несомненно, единственным случаем за последнее время. Давая общую картину особых симптомов одержимости девочки и останавливаясь подробно лишь на методах изгнания «дьявола» из ее тела, Блэтти надеялся раскрыть идею постоянного противоборства добра и зла, драматического союза науки и суеверия, вызывающего философские размышления.

Завуалировав истинный смысл фильма и создав вокруг него нездоровый интерес, фирма «Уорнер Бразерс» даже выпустила специальный бюллетень с сообщением о жесткой позиции римской католической церкви по отношению к отбору случаев экзорсизма в разнообразной одер-

жимости людей, — представляющей собой формы психического расстройства. В бюллетене, в частности, говорилось, что еще в 1583 году церковь предупредила экзорсистов в своде законов Реймского синода о том, что они часто ошибаются, объявляя иногда лунатиков, нуждающихся в помощи медицины, одержимыми и страдающими от «дьявола». В бюллетене приводился целый свод определений экзорсизма, разработанный в книге католических ритуалов. Там же сообщалось, что, прежде чем снимать киноверсию «Изгоняющий дьявола», режиссер Уильям Фридкин и автор-продюсер Уильям Питер Блэтти изучали различные модные направления в медицине, ибо методы диагностики и лечения повреждений мозга не существовали в 1949 году, когда произошел описанный Блэтти случай в монастыре штата Мэриленд.

В бюллетене говорилось, что Блэтти руководствовался при создании фильма тем, что медицинские средства уже помогают устранить необходимость проведения сеансов «изгнание дьявола». Он заявил, что настанет такое время, когда артериография поможет медикам обнаружить разорванную артерию в мозгу девочки и медицина сможет успешно излечить «одержимость». Далее, однако, доктор Стенли Крипнер и доктор Артур Хестинкс создали логические посылки теории «комплекса вероятности», в которой могут быть найдены объяснения случаям одержимости. Дабы проиллюстрировать данный тезис, врачи предлагают такой простой эксперимент: возвращаясь однажды темным вечером домой, представьте себе, что вас преследуют, вам сразу же почудятся звуки за спиной и даже лай собак из темноты, чем быстрее вы идете, тем вам становится страшнее.

В общем, на экране показывался фильм, в котором скрыты проблемы разобщенности, некоммуникабельности, отчуждения, страха, неверия, обреченности, одиночества людей в буржуазном обществе, словом, беды, происходящие в капиталистическом мире, и все это объяснялось некой «дьявольской силой», якобы витающей над миром. Делалось это, чтобы увести человека от действительных причин, порождающих неравенство и несправедливость, чтобы вновь заставить человека войти в костел и в молитве искать утешение. «Дьявол всесилен», и, только жертвуя собой, можно спасти душу ближнего, он уступит, но только истинному служителю католической церкви — экзорсисту, приносящему себя на алтарь всевышнего.

Необычной по своим акцентам показалась нам и картина французского режиссера Мишеля Митрани «Ворота Лувра».

Если кратко воспроизвести сюжет этой картины, то он рассказывает о днях оккупации гитлеровцами Франции, о любви молодого француза Поля к еврейской девушке Жанне, о том, как они, спасаясь от фашистов, переплывают Сену и бегут к воротам Лувра, о первом поцелуе и о дне, который положил конец их юности.

Однако это только сюжет, и, как видно, специально выбранный режиссером для своей картины.

В фильме на фоне кошмарной истории «черного четверга» 16 июля 1942 года, когда в день Святого Варфоломея 13 тысяч евреев были согнаны на Парижский зимний велодром фашистами и весь день бушевали погромы в еврейских кварталах, режиссер Мишель Митрани пытается очернить французский народ и показать, что он-де остался безучастным к судьбам евреев. А ведь в действительности только благодаря усилиям и героизму французских патриотов эта ночь не стала «Варфоломеевской ночью» и готовившееся кровавое побоище не получило того размаха, который грозил истреблением еврейскому населению Парижа.

Видно, увлеченный возможностью протащить через драму молодых героев фильма пропагандистские идеи сионизма о «всеобъемлющей вине всего человечества перед евреями», Мишель Митрани не остановился перед гнусным обвинением французского народа, многие сыны которого отдали свою жизнь в борьбе с фашизмом.

Массовый зритель Франции не принял эту картину Мишеля Митрани, хотя в некоторых журналах и газетах была попытка провозгласить режиссера представителем серьезного кинематографа со своим художественным языком. Кому понадобились такие эпитеты, нетрудно понять.

Наконец, мне удалось посмотреть последнюю картину выдающегося итальянского режиссера и актера, большого друга советских кинематографистов Витторио Де Сика.

«Путешествие» — так называется последняя лента Витторио Де Сика. Самая трезвая и самая печальная картина крупного мастера, где смерть обрывает жизнь героини в момент обретения ею счастья в долгожданной любви.

Мы привыкли к фильмам Витторио Де Сика, отмеченным стремлением художника к добру, к гуманизму, к остросюжетной теме. Его фильмы изображают простых людей, глубоко проникают в их тревоги и надежды, страстно разоблачают пороки буржуазного общества. Так это было в фильмах «Шуша», «Похитители велосипедов», «Чудо в Милане», «Крыша», «Затворники из Альтоны», произведениях, вошедших в классику мирового киноискусства, произведениях, социально обозначивших итальянский «неореализм».

В фильме «Путешествие» все несколько иначе. В нем автор рассказал о человеческих взаимоотношениях между людьми класса имущих, где мораль, материальные соображения, семейные традиции делают счастье людей невозможным. Адриана и Чезаре (их играют Софи Лорен и Ричард Бартон) любят друг друга. Однако Адриане приходится выйти замуж за брата Чезаре — таково желание и завещание отца семейства, волю которого Чезаре не в силах изменить. И когда, наконец, после

долгих лет лицемерия и обмана, счастье Адрианы и Чезаре становится возможным, Адриана умирает.

Я опишу только одну сцену из этого фильма — сцену венчания Адрианы с нелюбимым человеком, ибо она показывает существующие и поныне проблемы Италии, где церковь вновь, как и прежде, играет самую реакционную роль во всех сферах общественной и духовной жизни народа.

В этой сцене интересно отношение Витторио Де Сика к клерикальной лжи и лицемерию церкви, против постулатов которой он боролся во всех своих картинах.

Епископ, близкий друг семьи Чезаре, знал о том, что Адриана и Чезаре любят друг друга. Знал, но в момент составления отцом завещания промолчал и не сделал попытки помочь молодым, хотя Чезаре обращался к нему с просьбой убедить отца не принимать пагубное для Адрианы решение. Епископ преследовал свои цели — семья Чезаре была самой богатой в его округе и от нее во многом зависели доходы прихода. Плюс к этому епископ мечтал о женитьбе Чезаре на дочери феодала — опять доходы. А что значит любовь — церкви нужны деньги и власть в округе. Это главное. Нужны сильные руки. Нужны союзы капиталов.

Бледную, в полуобморочном состоянии, ведут Адриану к алтарю. Епископ — «олицетворение благородства и умиления». Он весь в благоухании, и только хитрые глаза, на которые устремлена кинокамера, выдают истинный смысл его радости — свершается то, чего так долго добивалось его преосвященство. Адриана принесена в жертву. Неукротимая жажда к обогащению святого прихода торжествует.

Эта печальная история разыгрывается на фоне двадцатых годов XX века, в период начала первой мировой войны. Адриана умирает, а за окнами раздаются голоса продавцов газет, оповещающих об убийстве принца в Сараеве. Рушится привычный мир буржуазного общества, достигшего апогея в своем неудержимом стремлении к богатству.

Французский критик Самюэль Лашиз в своей статье о фильме «Путешествие» в газете «Юманите Диманш» писал: «Я не берусь судить, лучший ли это фильм Де Сика, но, как и все его предыдущие работы, он отмечен неустанным поиском справедливости, гуманности, искренности и нежности. И главное, в этом трогательном фильме есть нечто большее, чем драма любви. Де Сика словно хотел сказать, что даже смерть может быть не концом человека в физическом смысле, а может стать своего рода символом гнева и возмущения против несправедливости во всех ее проявлениях».

И с этим мнением Самюэля Лашиза нельзя не согласиться — ибо именно подобные ощущения вызвал фильм и в нас, своей хрупкой и сентиментально-чувствительной заботой о человеке, о его тонкой и нежной

любви, о его трудном завоевании счастья в бренном мире «капиталистического достатка».

После просмотра фильма долго вспоминал я Витторио Де Сика. Его неудержимый оптимизм и знаменитую улыбку, принесшую ему славу, как киноактеру. Его работу в Советском Союзе над фильмом «Подсолнухи», встречи с ним на Московском международном фестивале и идею, которую ему не удалось осуществить.

Об этом мало кто знает, и потому я постараюсь о ней рассказать.

Утром 16 мая 1974 года, просматривая почту, я увидел два письма из Рима, написанные от руки мелким, но ровным почерком. Оба письма были от итальянского актера и режиссера Витторио Де Сика.

«В этом письме я хотел бы подтвердить свое многолетнее желание поставить фильм по известной повести Густава Флобера «Простая душа». Это высоко моральная, гуманная и поэтическая история. Сценарий к фильму уже написан, его автор Чезаре Дзаваттини.

История повествует о жизни одной женщины от 8 до 60 лет. Нам надо сделать французско-русскую кинопродукцию. Французскую — потому, что автор истории — француз и сама история французская. Русскую — потому, что роль главной героини фильма, которую зовут Фелисите, я хотел бы поручить актрисе Людмиле Савельевой, которой восхищался в фильме С. Бондарчука «Война и мир», где она исполняла роль Наташи, и в моем фильме «Подсолнухи», где она играла вместе с Софи Лорен и Марчелло Мастрояни.

Со времени моего пребывания в России у меня было постоянное желание сделать фильм для русской кинопромышленности и с русской актрисой Людмилой Савельевой, письмо к которой я также прилагаю. Буду Вам благодарен, если Вы передадите его ей.

Надеюсь на скорый положительный ответ.

Благодарю за внимание, остаюсь

искренне Ваш
Витторио Де Сика».

Второе письмо было для актрисы Людмилы Савельевой, которую Де Сика хотел видеть в роли Фелисите.

«Моя дорогая Людмила.

В последний раз я имел удовольствие видеть Вас на спектакле в театре Сан-Карло Опера в Неаполе. Наша встреча была непродолжительна: к сожалению, я не мог присутствовать на приеме, и у нас не было возможности продолжить разговор.

Мне хотелось бы сказать Вам лично то, что я пишу в этом письме: у меня остались счастливые воспоминания о нашем сотрудничестве и о нашей дружбе.

Я уже написал о своем намерении сделать фильм по произведению Густава Флобера «Простая душа». Для роли героини этого фильма, которую зовут Фелисите, я вижу только Вас, как актрису, как женщину, чья поэтическая и человеческая выразительность соответствует характеру героини.

Обнимаю Вас и хочу передать наилучшие пожелания Вашему мужу.

Искренне Ваш

Витторио Де Сика».

Действие, описанное в повести Густава Флобера «Простая душа», как известно, относится к первой половине XIX века и происходит во Франции. В нем рассказывается о драматизме жизни простой искренней женщины Фелисите. А потому предложение Витторио Де Сика нас смутило и показалось странным.

Почему именно экранизация повести «Простая душа» и почему сопостановка с советскими кинематографистами? Где связь и где точки соприкосновения для совместной кинопродукции?

Изучение романа и осмысление проблем, поднятых Флобером в своем произведении, с позиции современных тенденций развития взаимоотношений народов в буржуазном мире раскрыли нам поразительную формулу некоммуникабельности и отчуждения людей в капиталистическом обществе. Сквозь грезы Фелисите показано стремление простого человека к добру, к красоте, к гармонии, то есть к тем критериям общежития, которые отвергла потребительская идеология капиталистического мира.

Картина прояснилась, и мы поняли, почему Витторио Де Сика предложил создать фильм «Простая душа» совместно с советскими кинематографистами и почему этот огромный мастер прогрессивного кино долгое время вынашивал идею экранизации произведения Флобера.

14 июня 1974 года было направлено Витторио Де Сика письмо:

«Уважаемый г-н Витторио Де Сика!

Мы всегда с радостью рассматриваем любые Ваши предложения по сотрудничеству, ибо считали и считаем Вас выдающимся кинорежиссером и актером современности.

Ваши предложения на сопостановку совместного советско-французского фильма «Простая душа» по повести Густава Флобера с участием советской актрисы Людмилы Савельевой заинтересовали нас, и мы готовы обсудить все условия сотрудничества для создания названного фильма.

Из Вашего письма мы почерпнули, что сценарий фильма написан и что автором сценария является наш милый и добрый друг Чезаре Дзаваттини.

Стремясь быстрее перевести на конкретную основу работу по этому фильму, мы просим Вас срочно направить сценарий фильма в наш адрес.

Мы также просим Вас назвать французскую фирму, которая проявила интерес к съемке фильма на основе советско-французской кинопродукции.

Уважаемый г-н Витторио Де Сика!

После ознакомления со сценарием фильма «Простая душа» мы срочно направим Вам наш окончательный ответ и будем рады встретиться с Вами в Москве для обсуждения всех вопросов кинопродукции.

Людмила Савельева шлет Вам искренний привет и пожелания счастья в жизни. Она вспоминает с большим уважением работу и встречи с Вами и, конечно, весьма польщена Вашим приглашением принять участие в фильме.

Примите мои заверения большого почитания и искренней дружбы.

В ожидании сценария фильма».

Вскоре от Витторио Де Сика был получен сценарий фильма «Простая душа», и мы начали форсировать осуществление проекта сопостановки. Решили, что если Витторио Де Сика не удастся найти французскую фирму в качестве партнера по производству картины, то предложить ему приступить к съемкам фильма на киностудии «Мосфильм».

В конце июля 1974 года я вылетел в Рим. Там нужно было провести переговоры с владельцами ряда итальянских фирм и, конечно, решить все проблемы с Витторио Де Сика по этому фильму.

К сожалению, Витторио Де Сика в Риме не оказалось. Его срочно вывезли в Швейцарию для оперирования горла. На телефонный звонок мне ответили, что Витторио Де Сика вернется в Рим 4 августа и просил назначить встречу на 5 августа.

Утром секретарь Витторио Де Сика сообщил, что к трем часам дня меня ждут.

Жара в Риме стояла страшная. В тени — 36 градусов. Воздух пропитался гарью и выхлопными газами. Единственное, что спасало, — кандишен в помещениях и в автомашинах. Решил ехать без галстука: да простит мне Витторио Де Сика такую вольность! Ровно в назначенное время прибыл к дому № 19 на Вия Авентина. Поднялся на третий этаж. Вошел в вестибюль. Нажал кнопку единственной двери: она мгновенно открылась, и передо мной предстал сам хозяин, весьма похудевший, состарившийся и бледный. Веселые громадные глаза, которые мы привыкли видеть с экрана, пронизаны были грустью. На лицо легла тень отрешенности.

Витторио Де Сика словно предупредил меня: «Не пугайся — это только после операции. Через несколько дней все пройдет. Очень рад твоему приезду».

Мы горячо пожали друг другу руки.

«Видишь, — продолжил он, — зная о твоем приезде, я торопил врачей, и выкарабкался. Мое горло! Мое горло! Как будто я Марио Дель Монако и мне обязательно «бельканто». Завтра уеду на море, и ультрафиолетовые лучи мне помогут. Слышал, что Рудольфо Сонего написал хороший сценарий «Бунт итальянки», и Вы договариваетесь с Франко Кристальди о создании совместного фильма. Я очень люблю Рудольфо Сонего и считаю его одним из самых честных и самых талантливых сценаристов Италии».

Витторио Де Сика старался скрыть недуг и потому с какой-то излишней возбужденностью говорил.

Квартира у Витторио Де Сика небольшая. В комнатах много картин, скульптур, мозаики и керамики. Особенно привлекали металлические изваяния Альберто Джакометти, керамика Пабло Пикассо, графика Джакомо Манцу, живопись Ренато Гуттузо и эскизы различных декораций из фильмов Витторио Де Сика, нарисованные известными художниками кино Луиджи Скаччианоче и Марселем Скафье. В кабинете кругом на полках книги. На столе раскрытый сценарий фильма «Простая душа». В углу на стенке различные призы мировых кинофестивалей. Над секретером фотографии Чарли Чаплина, Орсона Уэлса, Софи Лорен, Рене Клера и Роберто Росселини с дарственными надписями.

Нам принесли кофе и фрукты.

«Единственное, что могу есть в эту жару, — промолвил Витторио Де Сика, — это холодные фрукты. Слава богу, что врачи разрешили мне есть все в холодном виде. Правда, люблю и горячий кофе».

Затем он встал, подошел к столу, взял сценарий фильма и сказал: «Простая душа», но какой оказалась она сложной, когда попала в руки Флобера. Потрясающая вещь. Точно написанная сегодня о наших современниках, о нашем непростительном равнодушии к человеку. Работая у Вас, я понял, что Ваша Революция сделала главное, сделала грезы Фелисите реальным жизненным критерием человека. Доброта, простота во взаимоотношении людей — как многого Вы добились!»

Я молчал. Не хотел перебивать его мысль. Ибо подсознательно чувствовал, что слушаю Витторио Де Сика в последний раз.

«Ты не представляешь, как я хочу снять этот фильм. Как долгие годы мучаюсь от царящего эгоизма и гнетущего пропадания контактов. Как я ненавижу весь смрад достижений потребительского общества. Суматоху и пляску людей вокруг «мое», «мне», «мои акции», «моя машина», «моя яхта», «мои доходы». Все нивелировано, даже эмоциональность итальянца».

Наступила пауза, Витторио Де Сика посмотрел на меня вопросительным взглядом.

Надо было начинать.

Но как?

Сказать прямо, что для постановки фильма не нужны французские партнеры, а нужно только его согласие на съемки фильма? Или же сперва выяснить отношение французских фирм к проекту?

Набравшись духу, я изложил нашу позицию: и тот и другой вариант.

Витторио Де Сика, немножко подумав, стал размышлять вслух:

«Предложение на съемки фильма в СССР для меня большая честь. Я знал, что советские кинематографисты и советский зритель относятся к моему творчеству хорошо. Но я не думал, что до такой степени хорошо. И конечно, я с удовольствием принимаю это предложение. Но месяца два мне придется лечиться, быть в определенном режиме. А потому за этот период я попробую установить контакты с французскими фирмами и возбудить желание у них принять участие в сопостановке картины. Очень важно, чтобы французы согласились. Ведь Густав Флобер описал жизнь француженки и французской деревни. И потому национальный орнамент и национальный дух должны присутствовать в фильме. Однако при всех ситуациях картину будем снимать. И если мне не удастся убедить коммерсантов от кинематографа, то в начале января 1975 года я начну работу над фильмом на прославленном «Мосфильме».

На этом и порешили. Надо было уходить. Я видел, что милый и гостеприимный хозяин устал. Мы стали прощаться. Витторио Де Сика все вспоминал своих друзей в Москве и передавал приветы. Опять просил сказать Людмиле Савельевой, что с радостью ждет дня съемок ее в роли Фелисите.

Распрощавшись, я почувствовал обеспокоенность за жизнь Витторио Де Сика, тем более что итальянские друзья, коллеги Де Сика, сказали, что это была вторая операция...

В ноябре Витторио Де Сика не стало.

16 ноября Рим хоронил одного из создателей итальянского неореализма. Человека с простым, но большим сердцем, овеянным любовью к людям.

Ушел из жизни убежденный антифашист, боец партизанских отрядов в горах Чочарии, который вместе с Ренато Гуттузо, Чезаре Дзаваттини, Марио Аликата, Роберто Росселлини, Джорджо Амендола, Джузеппе Де Сантис, Антанелло Тромбадори, Лукино Висконти, Федерико Феллини, Карло Лидзани, Микеланджело Антониони и другими еще во время оккупации Рима гитлеровскими захватчиками в очистительном огне Сопротивления явился создателем идей, художественного принципа нового, демократического кино Италии.

Т. СУРЕНОВ

Гаянэ

Вечером мать и дочь садятся за стол. Развесят на стенах небольшой комнатушки картины. Воцаряется тишина. И чувствуют они себя перед окном, откуда открываются самые необычные зрелища... По большому желтому пятну медленно крадется кошка, рядом южные домики, а потом зеркальное озеро, и красные кони скачут в приглушенную синеву. В этом мире всему и всем есть место, потому что нет в этом мире злости. Желтый лев глядит тем же непосредственным взором, что и женщина с рыбой в руке. И даже огненный барс, приготовившийся к броску, вовсе не зол, как это бывает с барсами перед схваткой, в момент надвигающейся опасности. Потому что он, как и эти звери, люди, улочки, озера, сотворен добротой человека.

Они подолгу смотрят на полотна — мать и дочь. На улице надвигается ночь, внизу во дворе раздаются грузные шаги. Внимательные глаза матери неподвижны. Затем она говорит: «Этот кусок на картине живет, этот — тоже, а этот — нет». И ни слова больше.

Мнение ее для дочери свято.

Есть два мира: один, в котором живет человек, другой, который живет в нем. Два этих мира вместе и есть человек, два этих мира вместе и порождают искусство.

Мир, в котором живет она, — сплетающиеся улочки, бесконечная ходьба по ним — что назовешь сначала прогулкой, потом стремительным шествием, опьянением, обретенной радостью. Улочки, улочки, на смену одной приходит другая, перепады ландшафта, и не заметишь, как оказываешься на широкой магистрали. Нет, уж лучше улочки — каждый раз их воспринимаешь по-новому, и даже не верится, что по ним прохожено тысячи верст! Утром, в мареве, они предстают как обещание, крылатая мечта. Из-за хмурого облака пытается выглянуть солнце. Под сенью гигантского дуба старики курды разжигают костер. Она молча наблюдает за уползающим вверх пламенем. Больше всего любит смотреть на огонь. Есть блеск, есть пылание, бесконтурное, лишенное форм, непрерывно меняющееся. Пламя продолжает расти. На улице любимая

осень, и тихий ветерок мерно проносится сквозь шелестящее золото деревьев... К костру приближается старая курдянка, яркое платье на ней так же напоминает пламя и так же, как пламя, лишено лишних цветовых пятен.

А костер все пылает, и впечатления проносятся одно за другим, мир меняется на глазах, меняются краски, и вот уже дерево превращается в зеркало, а рядом лежат большие красные груши, и в зеркале отражается летящая луна с пышноволосой ночью, вдали виднеются белые стволы деревьев, желтые крыши, и с белой колокольни несется звон, и белый лев ревет на мосту перед ночным балаганом. А рядом зеркальная гладь, и вокруг растут орхидеи. Нет, нет, это не сказка. Это мир, который хочешь видеть каждый раз по-новому, который додумываешь в мечтах.

Голоса стариков отвлекают — они разговорились. А языки пламени напоминают большое красное пятно, все разрастающееся, окруженное синевой... И красный цвет становится женским платком, который так и хочется накинуть на голову шарманщицы. Так вот что мучило, волновало...

И женщина в красном платке играет на шарманке, поглощенная мелодией. Из-за спины ее вырастает огромная летящая птица. Кажется, очарованье, пленившее шарманщицу, вот-вот излучится, пронесясь над землей...

Однако мало ли что можно вообразить? Фантазия беспредельна, но попробуй передать ее в красках так, чтобы это стало большой живописью, сохранить меру, тем более что ты порывист и импульсивен. Эту работу она назвала «Шарманщица и летящая ночь». Уже по названиям можно представить ее миры: «Красные кони», «Сон ветра», «Желтые гранаты», «Танцовщица с барсом», «Сазандари — радость», «Актер, бабочка и шепот». Многие из ее картин далеко не схожи по исполнению, но чувствуешь одну и ту же руку, один и тот же талант. Вот работы, решенные большими плоскостями, почти лаконичным цветом, отчеканенные четкими линиями, а потом — бурлящие краски, мозаика, все усложняющаяся, интенсивно накаляясь, то угасая, то превращаясь в сверкающую прозрачность. Это таинственные страны, созданные из огня и света. И о них каждый раз можно рассказывать по-новому. Как о всем многообразном, порожденном не геометрическим восприятием, а неистовым воображением, извечным ощущением ритма и нерва времени. Где-то за чертой горизонта тянутся дороги чудес, уплывают белые облака, над ними витают желтые гранаты. Здесь же сказочные замки, причудливые домики, вековые деревья. Предметы предстают в самых необычных цветах, состояниях, как будто человек задался целью перекрасить растения, цветы, озера, изобразить жизнь в сплошных иллюминациях.

Блистательная! Именно блистательная! Иначе и не назвать художницу, сотворившую этот чудо-мир озарений, блеска, лучезарности. Где все необычно и в то же время — обычно. И блистательность не в сюжете изображаемого — роскошь и мишура претит ей, а в самом ее таланте, умении превратить самое обычное, повседневное в зрелище, театр. И даже в картинах, связанных с воспоминаниями о тяжелой болезни, овеянных грустью, выраженной в приглушенной гамме, нет-нет, да и вспыхнет искорка этого блистательного. Люди, пейзажи и вообще сама жизнь во всех проявлениях, пусть даже в самых тяжелых, должны быть преображены красотой и изяществом. И нет ничего такого, что может вытравить в ней эту искорку.

В ее искусстве есть и такое — кажется, погас свет, действие переносится в полумрак, а где-то в уголке — человеческие глаза, выискивающие блеск изумрудного камня.

Отец, рабочий-электрик, «бредил музыкой», любил песни, оперу и даже джаз. Он не признавал увлечения дочери, не понимая, что в ней жила его же одержимость. Перед смертью он хотел узнать, насколько все это серьезно, попросил позвать знаменитого в городе живописца Александра Бажбеука-Меликяна и спросил у него, станет ли Гаянэ настоящей художницей. «Обязательно, — ответил тот. — Большой художницей».

Бажбеук был для нее примером, хотя живопись их была слишком разная. Гаянэ — одна из немногих знакомых Бажбеука, кто не испытал непосредственного влияния его живописи. Но косвенное влияние Бажбеука велико. Ван-Гог, Модильяни, Сарьян — часами говорилось о свойствах живописи, о жизни. «Тебе нужно усовершенствовать рисунок, — твердил мастер. — Он у тебя, на мой взгляд, отстает от живописи».

Однажды он со своей дочерью Зулейкой, тоже художницей, пришел к Гаянэ, чтобы познакомиться с ее последними работами. Мастер пристально вглядывался в полотна, молчал.

— Папа, — нарушила тишину Зулейка. — Ну что?..

После короткого раздумья он ответил:

— Гаянэ — это земля.

Какая нелепость! — ее работы представляют среди начинающих, на выставке художников-самоучек. Да еще в городе, где хорошо знают, что такое Пиросмани, как складывалось отношение к его искусству. Не достаточно ли поучительный пример! Речь идет не о стиле, а о судьбе.

«Вы видели картины Гаянэ? Молодчина...» От души рады успехам, восхищаются одаренностью. Те, кто понимает искусство, вряд ли не увидят в ней таланта, хотя живопись Гаянэ может быть и не слишком близкой.

Но когда говоришь о большем, недоуменно пожимают плечами. Явление?.. То есть как?.. Здесь сталкиваешься с недопониманием, упорным недопониманием. Причем оппонентами в беседе могут оказаться авторы книг, признанные художники. Явление?.. Удивляются искренне. Впрочем, все это знакомо. Вспомним Ван-Гога, Сезанна, Модильяни.

Я не собираюсь брать на себя роль первооткрывателя. У Гаянэ немало преданных друзей, и они знают, что такое ее искусство. Просто Гаянэ Хачатрян я открыл для самого себя. Спустя десять месяцев я открыл ее для себя вновь. Мои представления о ее живописи не изменились — изменилась сама живопись. Да, за десять месяцев. Цвет осложнился, стал острее, выразительнее. Больше собранности, законченности. Пусть на некоторых полотнах все еще встречаются незавершенные куски, но это не от беспомощности, пробелов в мастерстве или недостаточного чувства изображаемого. Здесь многое от душевной смуты, беспрерывной и беспорядочной осажденности мыслями, требующих затишья, сосредоточенности. Но она всегда знает, когда у нее что-то не так. Хочешь высказаться по поводу неудавшегося, опережает: «Да, это не то, нужно дописать, я даже знаю, что буду делать. Но потом, когда придет соответствующее настроение».

Художники, подобные ей, не становятся родоначальниками «измов». Они не оставляют воспоминаний, эпистолярных наследий, изложенных концепций, исследований. Слишком много в них от интуиции, стихийного начала, извечного беспокойства, чтобы теоретизировать. Они скорее метеоры, и творчество их — вспышки. Тут главное, как долго продлятся эти вспышки. Нет, это вовсе не значит, что в работах их царит хаос, нет последовательности, логики. Логика у них своя, порожденная не разумом, а тем наитием, когда мысли и переживания сливаются в одном большом беспокойстве, и творить становится такой же необходимостью, как дышать, смотреть, влюбляться. И насколько наивны ее слова. «Я смогу считать себя настоящим художником лишь тогда, когда стану больше писать нутром, достигну слияния разума и прочувствованного». Оказывается, она еще не «настоящий художник», оказывается, разум в картинах ее преобладает над прочувствованным... Чего только не придумаешь, имея такую фантазию. Нет, пусть лучше говорит языком красок. Так ей легче. Но и здесь все образуется не просто — процесс внутреннего созревания картины часто бывает очень долгим. Но когда настает время писать, не писать не можешь. И тогда все свершается гораздо быстрее, — бывает, за один сеанс.

Впрочем, о повествовательности и не может идти речь! Я говорю совсем не о том, что в наш насыщенный событиями и информацией век лаконизм и обобщение стали наиважнейшими формами выразительности в искусстве. Речь идет о необычном восприятии предметов, событий, явлений

и перенесении их на холст в той интерпретации, когда отдельные детали и фрагменты говорят не о единичном случае, а о жизни, гармонии. Художница мечтает побывать у зеркальных озер, побродить по тропам лунной ночью, видеть людей рядом со львами и барсами, очарованными и удивленными.

Это далеко не Пиросмани и не Руссо, хотя этих художников она очень любит, наверное, больше от Александра Грина, его чудесной неизведанности, увлеченного кипения встреч, лиц, событий, безмерного разнообразия жизни. И не случайно на ее картинах сплетаются события и сцены, часто неоднородные, далекие друг от друга. Но когда видишь их вместе на одном холсте, они воспринимаются как целое — становится ясным, насколько условен сюжет картины. За всеми этими изображениями таятся состояния, глубокие обобщения, видишь невольно саму художницу, то нервно сжимающую кисть, то мысленно странствующую среди своих таинственных образов, прикрыв глаза и обхватив голову руками... Вот она накладывает последние мазки... На картине — сказочные горы, лев, у ног которого человеческая маска, рядом женщина-сфинкс, а напротив другая, вытянувшаяся всем станом, прижав руки к бедрам. И ничего от сказочности, которую зачастую хотят увидеть в ее работах. Никакой лубочной наивности. Страсть к интерпретации реального, а не сказочное восприятие жизни — вот что движет ею, когда она желает передать таинства, их острые психологические моменты. В душе ее проносится буря, и видишь, как ей хочется сдержать эту бурю, извлечь из нее только нужное, созвучное и близкое и, окунувшись вновь в эту бурю, уйти в просторы своей фантазии «Я стремлюсь, чтобы моя живопись была жизнеутверждающей, не люблю бескровного, наносного. Хочется, чтобы везде была жизнь, пусть порою изведанная лишь мною, но всегда — жизнь». И, внемля ее словам, невольно вглядываешься в картины, переносясь в какой-то оцепеневший мир — замерли люди, деревья, ощущаешь замедленные движенья и тишину. Но стоит присмотреться к этим картинам, как все больше убеждаешься, что статичность на них — это не беспристрастное созерцание, скорее сдерживание все наплывающих волнений, и ощущаешь за всем этим замершим трепет и неравнодушие.

— Хочу, чтобы люди никогда не расставались с жизнью, где есть мечта, музыка, живопись, поэзия...

Это не просто оброненная красивая фраза. Смотрит прямо в глаза, говорит волнуясь. А потом переводит взгляд на картины, словно подытоживая свои высказывания, но высказанное может показаться неточным. Повторит еще и еще, желая сформулировать точнее.

— Люблю смотреть на огонь. Наверное, предки мои были огнепоклонниками. — Шутит она реже, больше серьезна. — Я всегда чувствую связь

с предками. Они как будто рядом. В особенности во время работы. Это даже не объяснить.

В каждую фразу вложено много души, все продолжает волноваться, нервно потирая руки. Углубится в свои мысли, конечно, из вежливости все еще будет отвечать вам, но как это для нее мучительно!

— Матисс? Он, конечно, ошибался, говоря, что каждый человек может найти отдых в его искусстве. Матисс — книга, которую не можешь читать без волнения.

— Шагал — мудрый старец. Он словно раздает людям своих необычных быков, лошадей, живые цветы. А потом уносит зрителя в свой сад, где на крышах сверкают скрипки в ожидании музыкантов.

— Руссо — один из добрейших художников, каких я только знала.

— Босх. Я все время стремлюсь подойти к его искусству еще ближе.

— Из армянских художников ближе всех мне Овнатанян, Сарьян, Бажбеук-Меликян.

— Овнатанян — реликвия армянского Тифлиса. Его портреты — не только портреты. Глядя на них, мы видим натюрморты и пейзажи и бесконечное небо.

— Сарьян — очень здоровое начало.

— Бажбеук-Меликян — первый большой художник, с которым я встретилась. Он дал мне многое, мне трудно говорить о нем.

— Люблю средневековую армянскую миниатюру. В ней меня всегда волнует красный цвет. Такого красного цвета я еще не видела. Иной раз мне кажется, что в те далекие времена солнце оставило свою частицу на нашей земле.

Две небольшие комнаты в старом тбилисском доме. Высокие потолки и окна, ветхая мебель и вообще полное отсутствие всего современного. Здесь она родилась, выросла, влюбилась в живопись и поняла, что влюбилась навсегда.

Одна из комнат, полная света, отведена под мастерскую. На письменном столе журналы, книги, карандаши, небольшой портрет Комитаса — наставника и бога. Гаянэ влюблена и в музыку, совершенствует голос, поет в хоре. Если собеседник пришелся по душе, она обязательно исполнит для него что-нибудь любимое. И в песню свою вложит не меньше души, чем в живопись. После прогулок по городу или мечтательных раздумий в сквере она всегда возвращается в эту комнату. И конечно, ей хочется писать.

Стены увешаны картинами, и они мгновенно приковывают внимание. Сначала приковывают, как и все необычное, но потом в них влюбляешься и хочешь все видеть и видеть. И, забыв о кратковременном пребывании в городе, не можешь не урвать времени и не прийти к ней, чтобы еще раз взглянуть на ее живопись. Художница всегда радушна, терпеливо выслушает, ответит, ну, а если проникнется к вам доверием, почувствует в вас

единомышленника, друга, может открыться перед вами до конца. И тогда вы услышите захватывающий рассказ об острых переживаниях, необычных восприятиях.

Неужто именно так начиналось ее творчество? В то время она училась в художественном училище, училась добросовестно, старательно вырисовывая гипсы, изучая формы и объемы тела, законы светотени. Но в работах этого периода — что-то традиционное, обычное, хотя в то время ей было всего лишь пятнадцать и спрашивать с нее многое нельзя. И тем не менее не верится, что эти работы и те, что сотворены сегодня, принадлежат одному и тому же человеку. А потом пришла болезнь — тяжелый недуг, приковавший к постели. Медленно тянутся мучительные дни, и многим кажется, что это навсегда. А она все верит в торжество жизни. Оставаясь одна, она подолгу вглядывается в небо. Плавно уплывают облака-кораблики, исчезает солнце, и на смену ему приходит луна и звезды. Так проходят дни — одинокие раздумья, полные солнечного света и лунного блеска, обласканные облаками и небом. С деревьев опадают золотистые листья, хлещет дождь, хмурятся тучи. В этом удивительное разнообразие, неповторимость. Что-то близкое, родное, недостающее. Наверное, жизнь — это разнообразие, и нет в ней двух одинаковых глаз, рук, характеров, как этих уплывающих облаков, искрящихся звезд. Прикованная к постели, она еще больше ощущает прелесть жизни, жаждет вернуться к живописи. На душе накопилось многое. Очевидно, нужно писать лишь тогда, когда имеешь свой мир, свое видение. А потом она побеждает болезнь и, вернувшись к живописи, убеждается, что будет писать только это свое.

Неожиданный поворот в ее творчестве, пришедший вместе с новым мировосприятием, — условность форм, локальных цветов, плоскостность, таинственно-символические фигуры, но в то же время удивительная жизненность. Деформация объемов, несоблюдение пропорций — вряд ли кто упрекнет ее в незнании живописных законов, в отсутствии профессионализма — все это делается во имя выразительности, передачи своего пластического образа. И чувствуешь, как осложняется этот образ, как осложняется сама живопись, породившая его. А последняя работа, еще не законченная, — это уже совсем другое. На полотне необычная для нее экспрессивность — все движется, напряжено до предела.

Еще одна Гаянэ. И знаешь, что она будет все новой и новой.

Обыкновенная тбилисская улочка — узенькие тротуары, вековые деревья, домики — живописные, прилепившиеся друг к другу, узорчатые балкончики и ограждения... Кто-то окликнет кого-то, и дом заговорит всеми этажами — в этом своя неповторимая прелесть.

Соседи встречают и провожают любопытными взглядами. Поинтересуются успехами, конечно, и побалагурят, слегка подтрунивая, — для них она все еще девочка со своими затянувшимися увлечениями.

А. ЛИЧКО,
профессор

Как умер Гоголь

Первенствующая роль в этой компании принадлежала известной светской даме и меценатке А. О. Смирновой.

Александра Осиповна Смирнова, в девичестве Россет, была до замужества фрейлиной царицы Александры Федоровны — жены Николая I. И не просто фрейлиной, а пользовавшейся особым вниманием царя. Оно простиралось, видимо, весьма далеко, иначе бы писатель Аксаков, человек весьма добродушный, честный и высоконравственный, не назвал бы ее впоследствии «кающейся Марией Магдалиной». Дочь знатного французского дворянина, эмигрировавшего в Россию во время революции, и грузинской княжны Россет была очень красива, по тому времени для женщины образованна и довольна умна. Но крайне тщеславна. И это тщеславие, вероятно, толкнуло ее на роль хозяйки самого модного петербургского литературного салона. Психиатр В. Ф. Чиж впоследствии беседовал с ее близкими родственниками, и у него создалось впечатление, что Смирнова страдала тяжелой истерией. По их словам, ее нервные расстройства временами достигали степени «полного сумасшествия».

Оказавшись с мужем в Италии, Смирнова скучала. Она привыкла к высшему свету, к знакам внимания и преклонению, привыкла играть роль хозяйки литературного салона. Она радостно встретила Гоголя, дружба с ним ей льстила. Со свойственной истеричкам интуицией Смирнова быстро уловила, чем может покорить Гоголя. Она стала его преданнейшей и послушнейшей ученицей.

Смирнова окружила Гоголя сонмом почитателей и, главное, почитательниц. Все эти знатные дамы сделали из него нечто вроде своего духовника, в один голос «пели» ему, что его наставления возвращают их на путь истины и добродетели.

Гоголь попробовал было обратить в своих учеников и московских приятелей-славянофилов. В 1844 году он пишет С. Т. Аксакову, профессору истории М. П. Погодину и литературному деятелю С. П. Шевыреву, что скоро обрадует их подарком. Те с нетерпением ждут второй том «Мертвых душ», а получают по экземпляру книжки Фомы Кемпийского «Подра-

жание Христу». Покладистый Шевырев на все готов был закрыть глаза, но Погодин и Аксаков рассердились не на шутку.

В этот период пророчеств и болезненно горделивых замыслов Гоголь и готовит к печати «Выбранные места из переписки с друзьями». Книге этой он придает невероятное значение, видя в ней чуть ли не божье откровение, рассчитывает, что она нравственно преобразует русское общество, внесет в души порядок, мир, благоговение... А получается грандиозный скандал. Не только передовая русская мысль устами Белинского выносит суровый приговор этому творению. Возмущены и добропорядочные московские славянофилы (в книге Гоголь трижды обругал их видного деятеля — М. П. Погодина). Даже архиепископ Иннокентий осуждает «Выбранные места» за неимоверную гордость автора. А фанатик-священник Матвей, под влияние которого все более подпадает Гоголь, говорит о вредности и греховном соблазне этой книги. Впрочем, для него всякая светская литература была кознями дьявола.

Только группа «просвещенных» мистиков и ханжей была в восторге.

Гоголь был ошарашен. Хоть он и писал, что судить его за эту книгу «справедливо может один тот, кто ведает помышления и мысли наши в их полноте», но удрученность чувствуется в каждом его слове.

В этот момент новый духовный пастырь Гоголя Матвей Константиновский усиленно наводит его на мысль об отказе от всякой писательской деятельности и этим вносит страшную сумятицу в душу Гоголя. Ведь он смотрел на свое литературное творчество последних лет как на богоугодное дело, а встретил суровое осуждение. Отказаться от любимого дела было для Гоголя страшным лишением. В «Авторской исповеди» он писал: «Жизнь потеряла бы для меня вдруг тогда всю цену, и не писать для меня совершенно значило бы то же, что не жить».

Письма Матвея к Гоголю не сохранились, но характер его поучений становится ясным из ответов писателя: «...я уже согласился... чтобы не оправдываться пред миром. В самом деле, ведь судить нас будет бог, а не мир. Не знаю, сброшу ли я имя литератора, потому что не знаю, есть ли на это воля божья, но, во всяком случае, рассудок мой говорит мне не выдавать ничего в свет в продолжение долгого времени, покуда не созрею лучше сам *внутренно* и *душевно*». «...со дня получения вашего письма, я положил себе удвоить ежедневные молитвы, отдать больше времени на чтение книг духовного содержания...»

Где святые наставления, там рядом и деньги. Гоголь велит Плетневу, ведавшему изданием его сочинений, все вырученное за их продажу переслать отцу Матвею для «раздачи страждущим». В другой раз посылает Матвею 100 рублей серебром на молебны и на покрытие почтовых расходов в их переписке (!).

В конце 40-х годов все большее место в думах Гоголя занимают идеи греховности и самообвинения. Всегда моложавый, сорокалетний Гоголь

вдруг начал быстро стареть. Период старения при психических заболеваниях нередко откладывает свой отпечаток в виде усиления депрессии и идей самообвинения. В каких грехах обвинял себя Гоголь — никто не знает. Но всевозрастающая жажда искупить свою вину, очиститься от душевной скверны говорит за то, что грехи эти казались ему невероятными. Со страхом ждал он ужасного возмездия. Белинский живо подметил этот страх по «Выбранным местам»: «Болезненной боязнью смерти, черта и ада веет от вашей книги».

Современники, наблюдавшие за происходившей в Гоголе переменой, недоумевали по поводу противоречий в его поведении. С одной стороны — религиозный, призывающий к смирению, ведущий очень скромный образ жизни, ищущий упреков и просящий друзей изъявлять ему свои и собирать чужие замечания, недовольства, всякого рода нелестные суждения, касающиеся его самого или его произведений. С другой стороны — высокомерный, с пренебрежением относящийся к окружающим, безапелляционный в суждениях, стремящийся поучать всех и вся, уверенный в «высшей силе» своего слова. Действительно, больной Гоголь был и тем, и другим.

Сохранившаяся переписка Гоголя позволяет думать, что ему были свойственны не только депрессивный бред и бредовая переоценка своей личности, но и совершенно другие виды бредовых идей, которые нельзя связать ни с приступами тоски, ни с состоянием болезненного экстаза. Есть одна форма бреда, когда больной полагает, что к нему все относятся как-то по-особому, следят за ним, подглядывают, перетолковывают его слова, в чем-то нехорошем подозревают. Разве не веет подобным от следующего письма? «Я уверен, — писал Гоголь в 1843 году Погодину, — что я тебе казался тоже одержимым нечистою силою, ибо то, что ты приписывал мне в уединенные минуты размышлений (чего, может быть, не сказывал никому), то можно приписать только одному подлейшему лицемеру, если не самому дьяволу. Надобно тебе сказать, что все это слышала душа моя».

У Гоголя появилась склонность к символическому толкованию случайных событий, несчастий, невинных поступков, слов и действий окружающих. Однажды в Дармштадте в православной церкви он ожидал исповеди после говения. Неожиданно в церковь вошел его знакомый Перовский. Гоголь вспомнил, что год назад то же случилось в Риме — он так же после говения ждал исповеди и так же вдруг вошел Перовский, — и придал этому совпадению какое-то особое символическое значение.

По непонятным причинам Гоголь избегал известного московского доктора Ф. П. Гааза, славившегося своей добротой и бескорыстным служением делу. Тот, встретив писателя в новогоднюю ночь, на ломаном русском языке поздравил его. В неудачно построенной фразе доброго пожелания Гоголь, вероятно, усмотрел дурное предзнаменование.

Гоголь дополняет свою гениальную комедию «Развязкой Ревизора», где аллегорически перетолковывает ее содержание, намекая на то, что комедия была не окончена, что упоминание о настоящем ревизоре в конце нее имеет таинственный смысл, говорит о «ревизоре, стоящем у дверей гроба», о ревизии «нашего душевного города» и т. п. О чем-то таинственно символическом упоминает он, работая над вторым томом «Мертвых душ», уверяя Смирнову, что истинный предмет его творения еще скрыт от всех, покамест еще тайна, которая вдруг ко всеобщему изумлению раскроется в последующих томах. Ключ от этой тайны пока «в душе у одного только автора».

В последний год жизни Гоголь, часто безразличный к тому, что говорилось вокруг, начинал с интересом слушать, когда речь заходила о необыкновенных случаях, касающихся предчувствий и чудесных знамений, выспрашивал о них подробности. Видимо, в какие-то моменты душевного страдания у него возникали галлюцинации. И не только во время предшествовавшего смерти голодного поста, бессонницы и фанатической экзальтации, когда они могли быть всем этим обусловлены.

Возможно, какие-то галлюцинаторные переживания были и во время тяжелого приступа в Вене в 1840 году. Гоголь не говорил, что за «глупости» ему «чудились», а только упоминал об этом в нескольких письмах.

С годами исчезли приступы тоски, а вместе с ними и светлые промежутки относительного душевного здоровья. Болезнь стала развиваться медленно, но неуклонно. Наибольший ущерб она нанесла сфере эмоций. Год за годом эта болезнь делала Гоголя все более холодным, равнодушным, бесчувственным, безразличным к людским горестям и печалям, отняла у него живость интереса к событиям.

В чем все это проявилось? Гоголь очень любил свою мать. Его письма к ней до конца 30-х годов могут быть образцом нежной сыновней привязанности и дружеского откровения. Но с 1839 года отношение к матери круто меняется. Гоголь стал писать ей реже и короче, а письма сделались сухими и холодными. В том же 1839 году, вернувшись из Рима в Москву, он не только не поехал в родную Васильевку навестить мать, но даже некоторое время, живя в Москве, скрывал от нее, что уже вернулся в Россию. Когда же Гоголь приехал в родной дом в 1848 году, то поразил своих сестер, таким он стал к ним «холодным и равнодушным». А раньше он очень о них заботился и нежно опекал, когда они учились в Петербурге, буквально заменял им мать.

Не устояла и сердечная привязанность Гоголя к его ближайшему другу — Александру Семеновичу Данилевскому. Раньше он боготворил своего веселого, красивого, немного легкомысленного, но доброго, «самого ближайшего», «ненаглядного», «дорогого брата и племянника», как он то в шутку, то полусерьезно называл его. Они были ровесниками и познакомились, когда обоим было по 7 лет. Их отцы тоже были приятелями, а

поместья стояли в 30 верстах. Вместе они учились в Нежинской гимназии, вместе кончили ее и отправились в Петербург служить, а в 1836 году вдвоем пустились в заграничное путешествие. Когда им доводилось расставаться, Гоголь скучал без своего друга и без его писем, если они задерживались.

После 1839 года их дружба начинает остывать. Письма Гоголя, до этого такие эмоциональные, теперь превращаются в сухие нравоучения. В 1842 году, побывав в России, он так и не собрался навестить Данилевского.

Дело дошло до того, что, узнав о смерти своей сестры Марии, Гоголь пишет матери: «Счастлив еще бывает тот, которому бог пошлет какое-нибудь страшное несчастье, и несчастием заставит пробудиться и оглянуться на себя».

Оскудение эмоциональной сферы приводило к обеднению благодатного огня вдохновения. С 1849 года Гоголь особенно начинает жаловаться на вялость творчества: «Мне нужно большое усилие, чтобы написать не только письмо, но даже короткую записку. Что это? Старость или временное оцепенение сил? Сплю ли я или так сонно бодрствую, что бодроствование хуже сна?.. Творчество мое лениво. Стараюсь не пропустить и минуты времени, не отхожу от стола, не отодвигаю бумаги... но строки лепятся вяло, а время летит невозвратно».

Болезнь лишала Гоголя интереса и к общественной жизни: «Не могу понять, отчего не пишется и отчего не хочется говорить ни о чем... не стало наконец ничего любопытного на свете. Нет известий». В Риме Гоголь просто не заметил душной атмосферы диктаторского режима, установленного папой Григорием XVI и его сподручным Ламбрускини, подавившими всякую живую мысль. В Неаполе он оказался свидетелем революции, вспыхнувшей против жестокого короля Фердинанда II («короля-бомбы»), но не сочувствовал ей. Не потому, что был реакционером. Королю он тоже не сочувствовал. Просто болезнь лишила его этой способности. Революция ему только досаждала шумом и беспорядками на улицах, и он поспешил уехать из Неаполя.

Болезнь вносила в характер Гоголя также другую черту: все большую замкнутость, необщительность. Окружающее стало его тяготить, рождало желание отгородиться от мира прочной стеной. Первый отзвук такого настроения появляется в письме 12 апреля 1840 года: «Моя бедная душа: ей нет здесь приюта... Я же теперь больше гожусь для монастыря, чем для жизни светской».

Дальше хуже: «Я чувствую, что разорвалися последние узы, связывавшие меня со светом. Мне нужно уединение, решительное уединение... Я не рожден для треволнений и чувствую с каждым днем и часом, что нет выше удела на свете, как звание монаха».

В обществе он теперь держался в стороне. Если к нему подсаживались,

то делал вид, что дремлет, глядел в сторону или просто вставал и уходил. А ведь когда-то он любил шум, суету, кипение жизни вокруг. Он сам рассказывал, как написал лучшую из глав первого тома «Мертвых душ», сидя в душной итальянской траттории, под гром бильярдных шаров, разговоры соседей, в духоте кухонного дыма. И вот как теперь, в 1851 году, он работал на даче у преданного ему С. П. Шевырева над вторым томом «Мертвых душ». Ему отвели отдельный уединенный флигель, где он жил анахоретом. Прислуге было запрещено заходить туда без зова и вообще вертеться около. Шевырев ходил к Гоголю в определенные часы, и они вместе перечитывали написанное. Все это обставлялось такой таинственностью, как будто во флигеле под сенью старых сосен сходились заговорщики.

Своеобразному изменению подвергалось и мышление писателя. Лишенное своей эмоциональной основы, оно утратило свою неповторимую яркость, красочность, живость. Катастрофически скудело словарное богатство языка. Мысль стала подолгу топтаться вокруг одного и того же по сложной сети рассуждения. Эти изменения мышления проявлялись в патологическом резонерстве, в стереотипном повторении одних и тех же слов, оборотов речи, фраз.

Сухое, бездушное резонерство сквозит теперь и в пророческих поучениях Гоголя. Языкову он дает совет разделить утро на две половины. Четверть часа сразу после кофия всегда в одно и то же постоянное время читать по одной (не более!) страничке из «Подражания Христу» и потом час размышлять над прочитанным. После 12 часов также употребить для чтения Библию. И не пропускать ни одного дня, и всегда начинать минута в минуту!

Наплывы бесчувственного и бесплодного резонерства сочетались со странными ощущениями пустоты в голове, каких-то провалов в мышлении, как будто утрачивалась способность произвольно управлять течением мыслей. А те мысли, что приходили на ум, казались «чужими», «пришлыми», «не своими», кем-то внушенными.

В 1837 году он пишет: «...чувствую, что на мозг мой как будто надвинулся какой-то колпак, который препятствует мне думать и туманит мои мысли». В последующие годы он говорит о своей голове, что она «одеревенела и ошеломлена так, что я ничего не в состоянии делать», «но что ужасно — что в этой голове нет ни одной мысли». В одном из писем особенно ярко выступает ощущение утраты произвольности мышления: «Далее мои мысли расхищаются, приходят в голову незванные и уносят помышления бог знает куда... когда хочу думать об одном, думается о другом; когда думаю о другом, думается о третьем».

С 1839 года Гоголь стал поражать своих собеседников тем, что посреди разговора на него находил какой-то столбняк: вдруг он смолкал, и слова от него нельзя было добиться. Иногда в обществе как бы отключался от

окружающего: низко опускал голову и выстукивал дробь по колену; потом вдруг конфузился и озирался вокруг.

Сухая, выхолощенная рассудительность на словах представляла резкий контраст с вычурностью одежды и манер, нелепостью и необъяснимостью поступков, неожиданностью действий. Одежда Гоголя нередко удивляла его современников своей несуразностью. С годами его одеяние все более становилось, по меткому выражению одного из современников, странным сочетанием щегольства и неряшества.

Если обратиться к письмам Гоголя и к воспоминаниям его современников, то можно заметить, что с 1839 года появляются признаки не только душевного расстройства, но и определенного телесного неблагополучия. Они весьма своеобразны и довольно характерны для последствий поражения мозга какой-либо тяжелой инфекцией, отравлением, травмой.

Ни Гоголь, ни его знакомые не могли знать о существовании подобных симптомов поражения мозга. Поэтому их вряд ли можно заподозрить в предвзятости. И если они кое-что отметили, то это, очевидно, достаточно бросалось в глаза.

В возрасте 30 лет в Риме Гоголь заболел малярией. Психиатр Баженов считал, что это, возможно, был уже повторный приступ. Сам Гоголь не упоминал о малярии ни в одном из писем. Но, по словам очевидцев, заболевание было тяжелым. После него Гоголь стал быстро стареть и физически, и морально. Судя по последствиям, я решаюсь высказать предположение, что Гоголь перенес особо тяжелую форму малярии, связанную с поражением мозга, — малярийный энцефалит. Последствия дают право на подобное предположение. После 1839 года Гоголь стал подвержен обморочным состояниям, они случались не раз. Например, в январе 1842 года, когда он жил в Москве у одного из друзей, с ним случился сильный обморок. Долго лежал он без чувств и без всякой помощи, так как потерял сознание в мезонине, где уединялся для работы и куда без его зова старались не ходить.

«...Болезнь моя, — пишет Гоголь в 1842 году, — выражается такими странными припадками, каких никогда со мной еще не было... потом следовали обмороки, наконец совершенно сомнамбулическое состояние». Видимо, эти нередкие обмороки пробудили в его болезненном сознании страх быть принятым за умершего и оказаться заживо погребенным.

Страдал Гоголь и бессонницами. «Неужели ваши бессонницы продолжаются до сих пор?» — писал ему Вьельгорский. Об упорных бессонницах у Гоголя в Риме рассказывал и другой очевидец — Анненков. Он же отметил странную привычку Гоголя: проводить добрую часть ночи, сидя в дремоте на диване. Поводом этого он считал «опасную болезнь», недавно Гоголем перенесенную и сильно напугавшую его, и боязнь обморока и «замирания», которым он, говорят, действительно был подвержен.

После болезни в Риме у Гоголя чрезмерно увеличился аппетит. Тем не менее он временами быстро и сильно худел. Особенно резкое похудение было в 1845 году.

Гоголь советовался с известными врачами. Его болезнь нашли чисто нервной, но кто-то из них обнаружил и поражение печени, что также встречается среди осложнений малярии.

После энцефалита нередко наблюдается своеобразное изменение мимики: лицо делается маловыразительным, как бы застывшим. Движения становятся неуклюжими, то порывистыми, то замедленными. Мы не располагаем данными неврологического осмотра больного Гоголя. Да такого и не было. Однако то, что пишут современники, проливает кое-какой свет и на этот симптом. О «тупом» выражении лица в последние годы жизни упоминалось не раз. Весьма примечательны также описания движений и походки. Походка стала мелкой, неровной, как будто одна нога старалась заскочить вперед, отчего один шаг выходил шире другого. Во всей фигуре было что-то сжатое, несвободное, скомканное.

А ведь именно с 1839 года стало ухудшаться психическое состояние Гоголя. Такое совпадение вряд ли случайно. Очевидно, перенесенное тяжелое инфекционное заболевание явилось немаловажной причиной психического расстройства.

Как же в свете всего сказанного быть со слухами о «религиозном помешательстве» Гоголя? Ведь именно ими долгие годы питались многие источники.

Прежде всего нужно напомнить, что такого специального заболевания — «религиозного помешательства» — не существует. Религиозное содержание могут принять болезненные переживания при самых различных психозах. Оно — только материал, который чаще всего дает окружающая больного среда.

В противовес распространенному мнению, я осмелюсь утверждать, что у Гоголя не было «религиозного помешательства»; он, в сущности, не был глубоко религиозным человеком в обычном понимании этого слова. Случай толкнул его в начале болезни на религиозные размышления, а окружение, в котором он оказался, подогревало и поддерживало их.

В детстве из-за религиозности матери в сознании Гоголя угнездился только подсознательный страх перед адом и страшным судом. Мать Гоголя была религиозна. Ее судьба немало способствовала формированию ее набожного и мистического характера. Сиротой она воспитывалась у родственников. Ей было лишь 14 лет, когда 27-летний Василий Афанасьевич Гоголь-Яновский женился на ней. Супруги нежно и преданно любили друг друга. Но сколько несчастий выпало на долю бедной Марии Ивановны! Впоследствии она вспоминала:

«...характер у меня и у мужа был веселый... Но иногда на меня находили мрачные мысли. Я предчувствовала несчастья; верила снам. Сначала

меня беспокоила болезнь мужа... Потом он был здоров, но мнителен. У нас было двенадцать детей, из которых более половины мы потеряли. Тяжело было это переносить, но я, щадя мужа, подавляла горе и старалась быть спокойной. Из шести сыновей остался один...»

Естественно, что Мария Ивановна боготворила своего единственного, своего ненаглядного Никошу. Он был ее первенцем. До этого две беременности были неудачны. Удрученная этими несчастьями, молоденькая женщина, почти девочка, дала обет построить в своем селе церковь, если бог сохранит ей ребенка. Рожать она поехала в Сорочинцы. Видимо, не только для того, чтобы быть поближе к чудотворному образу Николая Диканьского, в честь которого обещала назвать сына, если родится мальчик. В Сорочинцах жил врач Трохимовский, которому Мария Ивановна очень верила: он излечил ее мужа от «двухлетней лихорадки».

Мария Ивановна выполнила свое обещание, хотя небогатым помещикам пришлось залезть в немалые долги, чтобы построить церковь. Добрый Василий Афанасьевич в таком начинании ей не перечил. Она же и любви своей придавала даже какую-то религиозно-мистическую окраску. Она верила, что царица небесная указала Василию Афанасьевичу на нее, когда она была еще совсем ребенком. И он ждал, пока она подрастет, и ни на ком не женился.

Но тяжкие удары падали на нее один за одним. Когда Гоголю исполнилось 16 лет, неожиданно скончался его отец. Поехал лечиться к Трохимовскому, но там у него вдруг горлом хлынула кровь. Мария Ивановна только разрешилась от бремени. На второй неделе после родов ждала она мужа, чтобы крестить ребенка, а встретила подъехавший к дому гроб...

Никоша стал ее единственной радостью. Обожала она его страстно и ласкала до излишества, стараясь во всем опекать сына, даже в мелочах.

Естественно, она стремилась дать религиозное воспитание своему ребенку. Отличаясь живой фантазией, она приводила в ужас и запугивала малыша рассказами об аде и страшном суде. По его словам, этими рассказами она потрясла и разбудила в нем «всю чувствительность». Страх ада, воспринятый чуткой ребячьей душой, видимо, подсознательно затаился и через много лет всплыл в картине душевного страдания.

В остальном ребенком Гоголь ничего не позаимствовал от религиозности своей матери. «На все глядел я бесстрастными глазами, — вспоминал он уже взрослым, — я ходил в церковь потому, что мне приказывали... но, стоя в ней, я ничего не видел, кроме риз, попа и противного ревения дьячков. Я крестился потому, что видел, что все крестятся»...

Молодой Гоголь весьма любил рассказывать анекдоты о попах. На опасения действительно религиозной матери, что сын ее, прожив долго в Риме, заразится католицизмом, Гоголь в 1837 году отвечает: «...я не переменю обрядов своей религии... Потому что как религия наша, так и ка-

толическая совершенно одно и то же, и потому совершенно нет надобности переменять одну на другую.» Вряд ли твердый в православии смог бы написать такие «кощунственные» слова. А может ли верующий человек даже в шутку в письме своему другу храмами называть трактиры, а монмартрскими богомольцами — посетителей парижских кафе? В первом издании гоголевских писем цензура так сократила это «безбожное» письмо, что уловить, о чем идет речь, стало совершенно невозможно. От этого письмо приобрело еще более еретический вид и дало даже основание говорить о религиозном вольнодумстве Гоголя.

Но все меняется после «венско-римского» приступа.

Если пристально рассмотреть дальнейшие религиозные переживания Гоголя и обусловленные ими поступки, то все они будут только частными проявлениями тех психических нарушений, которые появлялись у него и нарастали из года в год. Отнимите то, что связано с психозом, и от фанатичной набожности ничего не останется.

Приступы депрессии с тоской и думами о тяжкой неизлечимой болезни, о содеянных грехах, с укорами совести и страхом кары временами придавали религиозности Гоголя строго великопостный характер. Он всех просил молиться о спасении его души и об облегчении его недугов. Но и здесь проглядывает эмоциональная холодность и болезненный эгоизм: он сам молится и просит других молиться только о себе и ни о ком другом. Собственная личность и здесь остается единственным беспокоящим его предметом.

Молитвы о здравии не мешали Гоголю усердно лечиться, посещать самых знаменитых докторов, ездить на модное водолечение.

Еще в 1843 году Гоголь довольно небрежен к церковным обрядам. Он рекомендует немощному Языкову не ходить самому в церковь, а послать за ближайшим попом, который (за хорошую плату, разумеется) отслужит ему всенощную прямо в спальне! Только с 1845 года появляется тяга к «святым» местам. Он начинает заказывать молебны у «самых достойных» священников, просит мать молиться о нем не в их деревенской церкви, а в Диканьке, у образа св. Николая, ему покровительствующего.

Много слов было сказано и написано о якобы свойственном Гоголю религиозном аскетизме. Но стремление жить в уединении, сторониться шума и света вовсе не было проявлением «монашества в миру»... Просто больной Гоголь жил там, где лучше себя чувствовал. Он пользовался прекрасным столом в домах своих друзей. За ним ухаживали, его лелеяли и оберегали. Хотя он гордился тем, что, кроме чемодана и портфеля с рукописями, у него ничего нет, но, путешествуя, останавливался в лучших отелях и столовался в первоклассных ресторанах.

Даже в последние дни и часы своей жизни Гоголь, казалось бы целиком погруженный в религиозные переживания, совершает поступки, не-

совместимые с принятыми понятиями о преданности православной вере. За несколько дней до кончины к его постели с умиленным видом подошел хозяин дома граф Толстой и радостно сообщил, что затерявшаяся было в их доме икона божьей матери неожиданно нашлась. Очевидно, он ждал, что Гоголь обрадуется «чудному явлению». Но тот ответил раздраженно: «Можно ли рассуждать об этих вещах, когда я готовлюсь к такой страшной минуте!»

Как проявление крайней религиозности Гоголя толкуется нередко его паломничество в Иерусалим. Зачем понадобилось ему это путешествие?

Гоголь не имел обычая ездить по монастырям и «святым» местам. Раз попал в Киевские пещеры (в 1835 г.), да и то случайно. А тут он решается ехать не в какой-нибудь ближайший монастырь, а прямо в Иерусалим, к самому «святому» изо всех «святых» мест! На это могли натолкнуть мысли о совершенно исключительном положении своей особы. В период экстазов и идей величия — ощущение своей необыкновенной роли проповедника и пророка, мысли к которому приходят «свыше». В период депрессий и страхов — угрызения о каких-то совершенно невероятных собственных грехах, которые нельзя замолить нигде, кроме как у «гроба господня».

В первую половину 40-х годов, когда доминировал бред величия, Гоголь ограничивался только разговорами о поездке в Иерусалим. Лишь после 1845 года, когда его физическое состояние резко ухудшилось, появился более жгучий повод для такого путешествия: «Чувствую, что больше всего мне следует надеяться на святые места и поклонение Гробу Господню, чем на докторов и лечение», — писал он в 1846 году. Но собрался еще только через два года.

Перед тем как двинуться в путь, Гоголь разослал всем друзьям текст сочиненной им молитвы, в которой как в зеркале отразились мучившие его переживания: «удали от него духа колебаний, духа помыслов мятежных и волнуемых, духа суеверия, пустых примет и малодушных предчувствий».

Прибыв в Неаполь, Гоголь еще долго не может решиться сесть на корабль.

Может быть, причина нерешительности Гоголя была вызвана тем, что он сам чувствовал то эмоциональное оскудение, которое в нем произошло. Ему думалось, что уже одно намерение отправиться к «святым» местам должно освежить, согреть его душу, а этого он не ощущал: «...не будет ли оскорблением святыни мой приезд и поклоненье мое? Если бы богу было угодно мое путешествие, возгорелось бы в груди моей и желание сильнее, и все бы меня тянуло туда, и не посмотрел бы я на трудности пути. Но в груди моей равнодушно и черство, и меня устрашает мысль о затруднениях», — писал он из Неаполя.

Наконец после долгого плавания 17 февраля 1848 года Гоголь в Иеру-

салиме. Но ни говение, ни причастие у самого гроба, ни торжественность службы, ни обстановка воспетых мифами мест — ничто не внесло в его душу ни мира, ни покоя, ни радости, ни свежей бодрости чувств. Гоголь смущен, удручен, ошарашен. В письмах он повторяет неоднократно, что никогда так сильно не ощущал свою «бесчувственность, черствость и деревянность».

После Иерусалима, не оправдавшего чаяний и надежд, страшная дилемма — что от бога, а что от черта — все острее встает в болезненном сознании Гоголя. Продолжение «Мертвых душ», задуманное им как божественное откровение, временами начинает казаться ему дьявольским наваждением. А фанатичный поп Матвей, с которым он состоит в переписке, подогревает эти опасения. Черт в сознании Гоголя начинает занимать все большее место. Он серьезно уверяет губернаторшу Смирнову, что сплетни распускают не люди, а черти.

Всплывает боязнь ада, загробных мучений и страшного суда. В конце января 1852 года внезапная смерть его знакомой, еще молодой женщины, стала толчком, обостривших этот род переживаний. А злая воля попа-мракобеса Матвея довела их до крайности. Так разразился ужасный кризис, за три недели дошедший до трагического финала.

Гоголь умер после долгих душевных мучений. Невольно оказался он в числе христианских мучеников.

Но для нас он останется примером великого таланта и труженика. Писать он не прекращал до последних недель. А какие неимоверные усилия для этого требовались! Уже больной, он закончил ряд творений, вошедших в золотую сокровищницу русской литературы.

Я надеюсь, все рассказанное здесь не заставит читателя разлюбить Гоголя, не бросит на его образ, лишенный сусальной позолоты, недобрую тень. Заболеть может всякий. Лучшие творения великого писателя всегда были и будут животворной струей для русской мысли.

Имя после него стало счастливее его...

И. РАПОПОРТ

Блики Франции

...Я их видел несколько вечеров подряд. В одно и то же время — ровно в восемь часов, когда нарядные Елисейские поля зажигались огнями и уставший от трудового дня Париж выплескивался на дышавшие ранней осенью улицы, они расстилали на тротуаре неподалеку от кинотеатра «Георг V» видавший виды коврик. На нем вскоре появлялись изящные самодельные украшения: кулоны, кольца, браслеты. Стройный смуглый юноша в голубых джинсах и тоненькая в грубом бутылочного цвета свитере черноглазая девушка. Как-то сразу чувствовалось, что они сильно любят друг друга. Будто помолодевшие герои фильма «Мужчина и женщина» спустились с экрана. Только недоставало волшебной музыки Франсиса Лея. Хотя музыка была. Она неслась со всех сторон вдоль полей: каждый бар, кафе, драгстор предлагал свою музыку, на любой вкус, для любого возраста.

Торговля никак не ладилась: публика, основной заботой которой в этот час явно были поиски отдыха и развлечений, безучастно проходила мимо молодой пары, молча предлагавшей за пятнадцать франков изделия своего труда.

Неукротимое журналистское любопытство заставило меня заговорить с ребятами. Как я и предполагал, Жан-Люк и Ивонна (так звали этих уличных продавцов) были ювелирами не по призванию, а по необходимости. Оба учились в университете, у обоих одно слово «литература» — заставляло трепетать сердце. Жан-Люку повезло больше: он получил диплом филолога. Ивонна была вынуждена оставить занятия и искать заработок, чтобы помочь старым родителям.

— Вас, наверно, интересует, почему два лингвиста предлагают прохожим самодельные безделушки? — упредил мой вопрос Жан-Люк. — Видите ли, сейчас во Франции совсем непросто быть молодым, с новеньким дипломом в кармане, тем более гуманитарным...

Да, проблема занятости очень остро стоит в сегодняшней Франции. Трудно найти работу молодежи без квалификации, но и выучившись, редким счастливчикам удается сразу найти место по специальности.

Здесь, в самом центре Парижа, мне вспомнились весенние московские дни, Кремлевский Дворец съездов, где проходил XVII съезд Ленинского

комсомола. И удивительно живые, искрящиеся глаза члена Национального бюро Движения коммунистической молодежи Франции Ролана Шамака. Тогда он под сильным впечатлением от только что принятых советской комсомолией грандиозных планов, не скрывая волнения, говорил мне о притягательном для французской молодежи примере жизни ее сверстников в СССР. Ролан говорил, что можно гордиться такой страной, которая доверяет молодежи столь величественное дело, как строительство БАМа, страной, где юноши и девушки могут беспрепятственно получать знания с полной уверенностью, что завтра обязательно найдут им творческое применение.

— Вашей молодежи неведомо страшное слово «безработица». Перед ней не стоят те проблемы, за решение которых каждодневно, каждочасно борется молодежь Франции, — сказал мне тогда темноволосый вожак французских комсомольцев.

Я тогда воочию убедился в правоте слов Ролана Шамака. Безработица в стране перешагнула через миллионный рубеж. Франция сжата тисками экономического кризиса, ее лихорадит от галопирующей инфляции. В витрине мясной лавки, рядом с гостиницей «Монсо-Элизе», чуть ли не через день меняют ценники. О бешеной скачке цен толкуют повсюду: в уютной пивной «Лоррен», в парижской подземке, об этом громогласно сообщают газетные шапки, на это же у витрины обувного магазина тихо сетуют своим спутникам заокеанские модницы, которые год назад покупали здесь похожие туфли, но только гораздо дешевле.

Проблема инфляции — в центре политики, в жизни каждой французской семьи. Здесь все больше начинают понимать, что дело не в нехватке нефти, не в «кознях» арабов, а в глубоком кризисе всей экономики, системы в целом. И в первую очередь начинает это осознавать молодежь. Об этом свидетельствует хотя бы поведение юношей и девушек на майских (1974 г.) выборах президента страны. На них наиболее чувствительно сказываются результаты инфляции и безработицы, они в подавляющем большинстве опустили бюллетени в поддержку единого кандидата левых сил Франсуа Миттерана. Тем самым они проголосовали за Совместную правительственную программу, объединившую французских коммунистов, социалистов и левых радикалов. Эта программа дает конкретные ответы на насущные вопросы в жизни страны, в том числе и непосредственно касающиеся молодежи (проблема демократизации образования, организации отдыха, обуздание безработицы и т. д.).

С тех пор новый президент и его правительство неоднократно пытались оказать «неотложную помощь» больной экономике Франции. Чтобы хоть несколько приостановить сумасшедший бег цен, который может поспорить со стремительностью «мистраля», уносящегося по стальным рельсам от столицы к теплому Средиземному морю, президент призвал торговцев «проникнуться национальным долгом» и снизить розничные цены на

товары. Однако коммерческий бизнес, даже крупный, не очень-то торопился откликнуться на этот призыв. Справедливости ради заметим, что, действительно, в витринах некоторых магазинов появились указатели новых цен, а старые были перечеркнуты жирными красными крестами. Правда, цены были максимально снижены на пять процентов и на не очень «ходовые» товары, да и одной из целей была реклама... А тем временем двое дюжих молодцов с пушистыми усами, чем-то похожие на Атоса и Портоса, которые ведут бойкую торговлю дарами моря на углу бульвара Курсель и авеню Ваграм, методично приписывали дополнительные цифры на картонках подле пышнотелых розовых креветок, распластанных лангустов, огромных пахнущих йодистой морской водой моллюсков...

Инфляция и безработица очень крепко привязаны друг к другу. Инфляция порождает свертывание производства, а оно неминуемо выбрасывает на улицу новые тысячи людей, заставляя их пополнить резервную армию труда. Этот процесс, столь характерный для Франции-74, продолжает развиваться и сейчас. Весной 1975 года не менее 150 тысяч юношей и девушек от 16 до 20 лет, не имеющих какой-либо квалификации, занимались поисками работы. На Монмартре всегда можно встретить крепких, здоровых парней, бесцельно убивающих время в ожидании случайного заработка.

Еще не раз будут приходить вечером на Елисейские поля Жан-Люк и Ивонна со своими нехитрыми поделками. Долго будут высматривать какого-нибудь туриста, который вдруг возьмет да и решит увезти из «столицы мира» поблескивающий сувенир для жены или возлюбленной.

И будет еще не раз содрогаться парижский воздух от мощных молодых голосов, скандирующих на улицах города, на митингах компартии требование действительно гарантированного права на труд и образование...

Париж стоит... шейка

Наверное, примерно так должна была бы трансформироваться крылатая фраза молодого Генриха IV, попади он во французскую столицу сегодняшнего дня. Да, сегодня мессе не возвести здесь на трон короля. Хотя Франция продолжает сохранять репутацию и, видимо, не без оснований крупнейшего после Италии столпа мирового католицизма. Все же время взяло свое. Промелькнувший в толпе белый стоячий воротничок кюре не вызывает, как прежде, благоговейных взглядов прохожих. Современные французы, особенно горожане, начинают относиться к религии, как к традиционному атрибуту с романтическим привкусом старины, с которым следует считаться, но не более того. Заметно упало влияние церкви в среде молодежи. Век научно-технической революции диктует

свои заксны. Сегодня мелкий буржуа с несравненно большей и прагматической легкостью читает евангелие собственных доходов, нежели святое откровение от Луки или Матфея.

Бесспорно, есть и историческое объяснение ослабления позиций церкви в этой стране. Политическая история Франции — это в определенной степени и история противоборства клерикалов и антиклерикалов. Рядом со словами «реакция», «монархия» обязательно стояло слово «церковь». Поэтому республиканская буржуазия во Франции не раз выступала под антиклерикальными знаменами. Так было в период Великой буржуазной революции конца XVIII века, так же было и в конце прошлого столетия, когда шедшие к власти буржуазные радикалы бросили лозунг: «Клерикализм — вот враг!» Именно в период правления радикалов по французской церкви были нанесены два сильнейших удара. В 1902 году правительство Эмиля Комба отделило от церкви школу, а 9 декабря 1905 года вошел в силу закон об отделении церкви от государства, принятый при правительстве Мориса Рувье. Авторитет католической церкви во Франции был подорван и во время второй мировой войны, когда часть ее прелатов активно сотрудничала с гитлеровскими оккупантами.

В начале нашего века буржуазные деятели наверняка не думали, что, нанося удары по церкви во Франции, они подрывают позиции будущих поколений своего класса. Зато это прекрасно осознают современные буржуазные идеологи. Они-то понимают, что церковь, некогда верой и правдой служившая феодальным порядкам в стране, не менее ревностно теперь служит интересам капитализма. Поэтому они так обеспокоены продолжающимся процессом ослабления связи церковь — средний француз. Они знают, «духовный вакуум» долго не просуществует. Он непременно будет заполнен идеями, не совместимыми с буржуазными воззрениями. Порука тому — «полевение» огромной массы французов, самоотверженная битва за умы людей, которую ведут коммунисты, другие левые политические силы страны. Именно поэтому буржуазия так стремится любыми средствами сохранить контроль над внутренним миром людей. Она готова изобрести «новую религию», которая внушала бы человеку необходимость смирения перед капиталистической действительностью, убеждала его, что буржуазный порядок обеспечивает наилучшие условия жизни, уводила бы в сторону от политики...

Так в буржуазном обществе стала насаждаться «массовая культура», которая, как наркотический дурман, обволакивает среднего гражданина «западной цивилизации», стремится увлечь и подчинить себе молодежь. Это действительность многих капиталистических государств. Это действительность и Франции. Проявления «массовой культуры» во Франции — во многих областях: в литературе и музыке, кино и театре, архитектуре и моде...

Парижские знакомые с озабоченностью говорили мне о наступлении

«массовой культуры», о нивелировке вкусов, тлетворном воздействии порнографии на умы людей. Тем более это выглядит вопиющим контрастом, когда знаешь, что рядом соседствует действительно великая и гуманистическая французская культура. И очень важно, чтобы вся новоявленная пошлость, несомненно, обреченная на короткий век, не заслонила от людей главного и большого.

На Западе сейчас нередко и с тревогой пишут и говорят о «стандартизации» жизни, о том, что стираются неповторимые национальные черты городов и даже целых стран. Корреспондентка выходящей в Париже американской газеты «Интернэшнл геральд трибюн» Флора Льюис с горечью отмечала: «Западная Европа становится все более однородной, стандартизованной. Башни из железобетона и стекла высятся в грязно-сером, пасмурном небе над Дюссельдорфом, и в голубом небе Парижа, и в ослепительно сияющем — над Лиссабоном. На многих зданиях — одни и те же названия: «Филипс», «Хилтон», «ИБМ». Узкие джинсы одинакового покроя облегают бедра от Стокгольма до Стамбула. Более дорогой, но также стандартной униформой всю Западную Европу от Лондона до Мюнхена обеспечивает парижский законодатель мод Сен-Лоран. Порнографические журналы и афиши всячески выставляют напоказ черты сходства, которые нагляднее большинства различий в культуре».

Такое явление характерно и для Франции. Остановившись в парижском квартале Дефанс, по окружности застроенном стеклянными стрелами — небоскребами, которые, будто занозы, торчат из тела города, я невольно подумал, что, должно быть, примерно то же самое я смог бы увидеть где-нибудь в Нью-Йорке или Сан-Паулу.

Нравы, нравы... Вполне добропорядочные и весьма серьезные девицы на улицах делового центра столицы щеголяют среди бела дня в весьма экстравагантных нарядах. Интересно, что подумали бы о современных жительницах Парижа воспитанницы одного из монастырей, о которых рассказывала патриарх французской журналистики Женевьева Табуи? Они мылись только раз в месяц, и то на них надевали в это время большие рубахи из грубого материала, «чтобы ангел-хранитель не мог их лицезреть в обнаженном виде». Об ангеле-хранителе на парижских улицах вспоминают все реже и реже. И не только жрицы порока, что дефилируют окрест площади Пигаль. Кстати, проституция, тесно связанная с ростом безработицы среди молодежи, тоже является больной проблемой города и страны в целом. О благочестии и «всех святых» давно позабыли творцы все той же «массовой культуры» — создатели фильмов — «порно», писатели, чьи «произведения» в изобилии выставлены в витринах секс-шопов. Цель, в которую стараются попасть отцы «масс-медиа», — широкие слои населения, неустойчивая часть рабочей среды, молодежь. Удручает факт, что парижские мальчишки и девчонки каждый день вынуждены видеть перед глазами рекламные щиты кинотеатров, от которых и нормаль-

ный взрослый человек отводит взгляд, читать названия картин: «Маленький грешок», «Коллекционерши», «Сырые сны»...

У «секскультуры» задача была и остается достаточно прямолинейной — отвлечь людей от трудностей сегодняшнего дня и неопределенности будущего, заставить их смириться с существующей действительностью, убедить их, что лишь удовлетворение своих физиологических прихотей и есть настоящее счастье в этой жизни.

В последнее время появляется и набирает силу новое течение в «массовой культуре», которое несет гораздо более весомый «философский» заряд. Речь идет о наводнившей недавно экраны Запада и Франции кинопродукции, которая уже окрещена «фильмами катастроф». В крупнейших залах Парижа: «747 терпит бедствие», повествующий о трагической участи пассажиров «боинга», внезапно лишившегося пилотов, о находчивости и решительности стюардессы, вовремя взявшей штурвал в свои руки. «Адская башня» — большой фильм о страшном пожаре в небоскребе.

Ну что же. Зрителям, многие из которых разуверились в наступлении небесного апокалипсиса, предлагается апокалипсис вполне «земной»: каждый из нас в любой момент, в любом месте может попасть в роковую катастрофу. Поэтому, памятуя о хрупкости своего существования, стоит ли растрачивать силы на суетные дела — политику, борьбу за права, лучшее будущее? Не лучше ли покориться судьбе, жить сегодняшним днем, доверить свою участь «сильным» людям, в нужный момент знающим, что предпринять?

Итак, «массовая культура» продолжает наступление на француза. Послушная падре от буржуазной идеологии, она, наподобие новой религии, взывает: «Поверь в меня и покорись!» Вполне понятно, что одним из основных каналов ее проникновения стал кинематограф. Кто, как не он, приведет к алтарю апологетики капитализма наибольшее число неофитов иллюзорной теории «буржуазного благоденствия»? В этом убеждает и статистика. По свежим данным министерства культуры Франции, половина взрослого населения страны никогда не читает книг и черпает информацию из видеоисточников — телевидения и кино.

И все же «массовая культура» не находит ни понимания, ни сочувствия в самых широких слоях французов. Народ Франции гордится своим подлинным и богатым искусством с давними демократическими традициями. Забудутся, как мрачный сон, фильмы-«порно», но навсегда останутся работы Рене Клера. Будут сданы на макулатуру книжонки, воспевающие насилие и секс, но останутся стихи Превера и романы Эльзы Триоле.

Мне было радостно видеть, как часами простаивали молодые ребята в ожидании, когда дойдет очередь и их пропустят в зал, где была развернута художественная экспозиция, посвященная 100-летию импрессионизма. Наблюдать толпу у концертного зала Плейель, где звучала музыка Вагнера. Нет, не шедевры культуры для одних и ее оболванивающий «сурро-

гат» — для других! Трудовая Франция борется за демократическую культуру, доступную всему народу. Такова цель компартии, ее партнеров по союзу левых сил. Ведь, как записано в их Совместной правительственной программе, «культура не является ни товаром, ни роскошью».

Сила солидарности

И спереди, и сзади стонали клаксоны. Пересохший радиатор начал понемногу «дымиться». Но наш трудяга «Рено-16», казалось, прилип к серой бетонке шоссе, ведущего к парку Курнев. Вот уже добрых полчаса мы никак не могли прорваться сквозь бесконечную вереницу автомобилей к паркингу номер пять. Здесь нам предстояло расстаться с «металлическим другом» и остальные метров триста прошагать пешком в пестрой и шумной толчее спешащих людей. Можно было подумать, что весь Париж торопился в эти часы на праздник газеты французских коммунистов «Юманите».

Есть два выходных сентябрьских дня, когда вся трудовая демократическая Франция особенно рельефно демонстрирует свою сплоченность и решимость вести борьбу за преобразование общества, за лучшую жизнь. В эти дни проходит праздник «Юма» — событие, которое, несмотря на все старания буржуазной пропаганды замолчать его, неминуемо выдвигается в эпицентр внутриполитической жизни Франции.

Компартия провела активную кампанию по расширению своих рядов, разъяснению своей политики и конечных целей. Она проходила под девизом: «С открытым сердцем». Активисты ФКП шли на рабочие собрания, в молодежные клубы, к студентам и служащим, убедительно доказывая, что только их партия является выразителем интересов подавляющего большинства нации, а единственный путь коренной перестройки жизни — осуществление Совместной правительственной программы левых сил. И как бы апофеозом этой грандиозной по значению и масштабам работы стало очередное проведение в сентябре праздника «Юманите».

...На подступах к парку Курнев трудно сразу понять, где находишься. То ли ты еще во французской столице, то ли уже попал в столь знакомое расположение студенческого строительного отряда где-нибудь в Подмосковье. По обе стороны дороги — парусами надувается яркий палаточный город. Дымятся переносные печурки, вкусно пахнет жареным мясом. Здесь расположилась ударная группа устроителей праздника — молодые коммунисты и комсомольцы, приехавшие со всех концов страны. Они неплохо потрудились на монтаже легких павильонов и стендов. Накануне праздника работали всю ночь, а теперь, уставшие, отдыхают. Многие молодые активисты несут дежурство в отрядах общественного порядка — регулируют движение у входа в парк, проверяют пропуска, следят, чтобы какие-

нибудь «леваки» или буржуазные отпрыски не вздумали устроить очередную провокацию.

Праздник «Юманите» — это и крупная политическая работа, и веселое народное гулянье, и бойкая ярмарка, и, наконец, большое культурное событие. Пришедший сюда может познакомиться с работой Центрального Комитета ФКП, редакции «Юманите», практически всех федераций компартии. Большинство федераций имеет свой павильон, где вам расскажут о борьбе, успехах и проблемах коммунистов в конкретном районе Франции. Ну а где-нибудь поблизости, в уютном бистро под натянутым тентом, обязательно угостят фирменным местным блюдом и, конечно, добрым вином (какое вы никогда не отведуете ни в одном другом месте страны).

Вдоль «улиц», носящих имена деятелей французского и международного коммунистического движения, известных ученых, советских космонавтов, разбросаны веселые аттракционы, девушки приглашают принять участие в занимательных лотереях и конкурсах.

Наименования десятков государств пяти континентов на павильонах, разноязычная речь, колоритные ритмы музыки азиатских и африканских стран, разноцветье стягов — все это «Международный городок» праздника. Почти вся коммунистическая печать мира — здесь, чтобы принять участие в торжестве французских собратьев. Если меня сегодня спросят, как я представляю себе пролетарский интернационализм в действии, то я отвечу, что видел его, глубоко его прочувствовал в зеленом парке Курнев в пригороде столицы Франции. Здесь, на празднике «Юманите», как-то по-особенному ощущаешь силу и исторический оптимизм мирового пролетариата, проникаешься гордым чувством классовой солидарности. Оно в самой атмосфере праздника, в каких-то мелких штрихах, хотя бы в том, что незнакомые люди обращаются тут друг к другу на «ты». Да это и нормально: те, кто пришел сюда, объединены одними целями и противостоят одному общему противнику — капиталу.

Я видел, как итальянцы и чехи, поляки и марокканцы горячо поздравляли португальских друзей с победой апрельской революции. Мне никогда не забыть волнения, с каким я принимал из рук молодой чилийки последний легальный номер «Сигло», газеты коммунистов ее героической и замученной родины.

...В павильоне СССР всегда многолюдно. Немало молодых лиц. Нашу страну представляли газета «Правда», агентство печати «Новости», в/о «Международная книга», «Интурист» и «Аэрофлот». Основная тема экспозиции — жизнь советской молодежи, социальные достижения нашего народа, успехи экономики. Достаточно было провести несколько минут в павильоне СССР, чтобы убедиться, насколько возрос интерес французов к Советскому Союзу, его опыту социалистического и коммунистического строительства, жизни советских людей.

...На скромном по виду, маленьком павильончике — слово, гулкое, как

выстрел, — «Резистанс» («Сопротивление»). На стенах множество карт с нанесенными на них операциями французских партизан, пожелтевшие от времени фотографии, в центре боевое снаряжение, трофейные предметы, взятые у гитлеровцев. Мы ведем неторопливый разговор с видным деятелем Сопротивления, а ныне известным историком Андре Толле. И перед глазами встает картина славных ратных дел патриотов Франции. Меня знакомят со стройным приветливым мужчиной. Роль-Танги! Да, это он, легендарный «красный» полковник, принявший в августе сорок четвертого в восставшем Париже капитуляцию командующего фашистским гарнизоном фон Хольтица. Сегодня Анри Роль-Танги — член ЦК ФКП, ведет большую общественную работу. Память о встрече — автограф в журналистском блокноте.

У входа в этот зал длинная очередь. Так гости праздника жаждут побывать в «книжном царстве», а если точнее, «Городке книги». Здесь вы можете не только выбрать интересную книгу — художественную или научную, техническую или публицистическую, пластинку с записью любимого произведения, голоса популярного певца, но и встретиться с их авторами и исполнителями. Ну а коли повезет, то и получить заветный для истого коллекционера автограф. Жак Дюкло щедро подписывал свои «Мемуары». А неподалеку Константин Симонов скреплял подписью титульный лист французского издания «Живых и мертвых».

...Всего два дня праздника. Но до чего же они емкие, эти два дня! Не забудется массовый политический митинг, на котором вдохновенно говорил о борьбе коммунистов и необходимости единства действий левых сил бывший тогда политическим директором «Юманите», член Политбюро ЦК ФКП Этьен Фажон. Не забудутся колышущееся людское море, прорезающие глубокую темноту лучи прожекторов и залитая светом большая концертная эстрада. И музыка. Реквием Берлиоза в исполнении Тулузского симфонического оркестра, Академического русского хора под управлением А. В. Свешникова и народной капеллы Армении.

Этот праздник газеты «Юманите» имел грандиозный успех, что косвенно признали даже органы буржуазной прессы. А журнал «Пари-матч» отвел разворот под фоторепортаж из парка Курнев. Более восьмисот тысяч человек побывали в гостях у «Юма». И это событие национального масштаба продемонстрировало сплоченность и силу коммунистов страны, неоспоримый вес ФКП в политической жизни Франции.

Праздник «Юманите»... В дословном переводе — «праздник человечества». Символичный перевод.

Под крылом воздушного лайнера, взявшего курс на Москву, медленно потянулась назад и исчезла ленточка Сены. На ее глади отражались золотистые солнечные блики...

А. ЛЕОНЕНКО

Зигзаги Роберта Фишера

Лет пятнадцать назад участник одного из международных шахматных турниров молодой, но уже известный всему миру американский гроссмейстер Роберт Фишер заявил судейской коллегии, что будет выступать в соревновании лишь в том случае, если ему разрешат не играть по субботам. Свой ультиматум Р. Фишер объяснил религиозными мотивами. Оказалось, что незадолго до турнира он вступил в секту «всемирная церковь господня» (одно из ответвлений адвентизма), членам которой запрещено по субботам заниматься какими бы то ни было «греховными делами», к коим руководители секты относят и игру в шахматы.

Заявление Р. Фишера вызвало поначалу удивление участников турнира. Кое-кто решил, что это очередное чудачество гроссмейстера, который уже не раз выставлял на соревнованиях различные экстравагантные требования. Шахматисты шутили: «Нужно узнать, кто кому платит: Фишер секте или секта Фишеру за то, что он создает ей такую рекламу». Но шутки шутками, а ультиматум американца создал большие неудобства другим участникам и судейской коллегии, которой пришлось перекраивать весь график турнира. С тех пор во всех турнирах, где участвовал Р. Фишер, возникала «проблема субботы».

Как же случилось, что молодой талантливый шахматист стал адвентистом? Разделял ли он это вероучение или руководствовался какими-то другими соображениями?

Роберт Джеймс Фишер родился в Чикаго 9 марта 1943 года. Отец его был выходцем из Германии, по профессии физик, мать — учительница. Когда Бобби было четыре года, родители разошлись, и отец больше никогда не давал о себе знать. Мать Фишера с Бобби и его старшей сестрой Джоан в 1949 году переехала в Нью-Йорк и поступила на курсы медицинских сестер. Ей приходилось работать и учиться. Целыми днями Бобби находился на попечении Джоан. Она и познакомила его с шахматами. Шести лет он так увлекся этой игрой, что потерял интерес ко всем остальным развлечениям. С этих пор вся жизнь будущего чемпиона полностью посвящена шахматам. Он быстро добивается больших успехов — в 13 лет чемпион США среди юношей, через год — чемпион страны среди взрослых.

Достижения 14-летнего шахматиста, его необычная одаренность, яркий стиль завоевали ему симпатии многочисленных любителей древней игры на всех континентах.

В 15 лет Фишер — международный гроссмейстер, самый молодой из тех, кому присваивалось это высшее спортивное звание в истории шахмат. Юноша завоевал право участвовать в турнире претендентов на матч с чемпионом мира. И хотя он поделил лишь 5—6-е места с югославским гроссмейстером С. Глигоричем, но выиграл по одной партии у П. Кереса, В. Смыслова и других известных шахматистов.

В последующие годы Роберт Фишер добился внушительных успехов во многих крупных международных соревнованиях. В 1971 году он выигрывает матчи у других претендентов на шахматную корону — М. Тайманова, Б. Ларсена, Т. Петросяна, а спустя год побеждает Б. Спасского. В 29 лет Фишер становится чемпионом мира.

Роберт Фишер давно, чуть ли не с детских лет, мечтал о титуле чемпиона. Но — странное дело — лавры чемпиона не принесли ему ожидаемой радости. Он стал избегать не только корреспондентов, но и коллег по шахматам, всех знакомых. Американский шахматист Бернард Цуккерман, на протяжении ряда лет поддерживающий с Фишером хорошие отношения, рассказывал: «Когда я видел Бобби в последний раз (в мае 1973 года), он произвел на меня тяжелое впечатление. Фишер живет в г. Пассадене (Калифорния), никого не принимает и часами размышляет о философских проблемах жизни и смерти. После Рейкьявика (в столице Исландии состоялся матч Фишер — Спасский. — *Авт.)* Бобби впал в какую-то прострацию. Его представления об окружающем мире носят совершенно фантастический характер. Душевным смятением Фишера пользуются мошенники из его секты «всемирной церкви господней», чтобы еще больше подчинить его своему влиянию».

Каковы же истоки душевного смятения? В личной жизни он всегда был одинок. Став гроссмейстером, Бобби заявил, что школа ему не нужна, поскольку она ничего не может прибавить к его шахматным знаниям. Уже тогда стал назревать конфликт с матерью и сестрой. Он невзлюбил учителей, которые, отдавая должное его шахматному таланту, советовали вначале получить образование, а уж потом посвятить свою жизнь шахматам. Бобби презрительно фыркал, когда ему говорили, что все выдающиеся шахматисты были образованными людьми: Ласкер — философ и математик, Капабланка — дипломат, Алехин — доктор юриспруденции, Ботвинник — доктор технических наук...

— Они мне не указ, в шахматах я добьюсь большего, чем они, — говорил Бобби.

Он презирал своих одноклассников, пытавшихся уговорить его не бросать учебу. Когда Фишеру исполнилось 16 лет, он перестал посещать школу. Талантливый гроссмейстер остался недоучкой.

— Каково ваше мнение о Васко да Гаме? — как-то спросили его.

— А за какой клуб он играет? — последовал встречный вопрос Фишера.

Уже с детских лет Бобби усвоил, что главное в мире бизнеса — это реклама. И он без удержу рекламировал свои способности. В 1962 году после успешного выступления на межзональном турнире в Стокгольме он дал пространное интервью, в котором заявил, что играет сильнее всех в мире.

— Когда стану чемпионом мира, — делился он как-то своими планами, — то прежде всего поеду в турне по всему свету. Потребую неслыханные гонорары. В Америку вернусь на лучшем лайнере в каюте «люкс». Организую шахматный клуб своего имени...

Мать Бобби, поняв, что ее сын больше не вернется в школу, решила в меру своих сил содействовать тому, чтобы он успешно продвигался на шахматном поприще. Но ее никогда не покидало чувство, что Бобби допустил большую ошибку.

— Я сама поощряла в нем эту страсть, — сетовала она, — но теперь вижу, что шахматы заслонили от него все остальное. Он ничего не читает, кроме шахматных книг, если не считать бесконечных серий о похождениях Тарзана и приключениях Фуманчу. Боюсь, что это одностороннее увлечение шахматами обеднило его жизнь — ведь он очень способный парень и, замкнувшись в 64 клетках шахматной доски, в чем-то обкрадывает себя...

Мать будущего чемпиона всячески старалась помогать ему, но в каждом ее поступке Бобби усматривал лишь покушение на его самостоятельность. После нескольких таких попыток Роберт ссорится с матерью и порывает с ней.

Через несколько лет Регина Фишер вышла замуж за английского ученого Пьюстена и приняла его фамилию. Об успехах сына она теперь узнает из газет, радио- и телевизионных передач. Роберт упорно не делал никаких шагов к примирению, считая себя «обиженным». Прервалась его дружба и с сестрой Джоан, которая вышла замуж и жила в другом городе.

Итак, с одной стороны, мировая слава, с другой — одиночество. Правда, в разное время Фишер на почве шахмат довольно близко сходился с мастером Б. Цуккерманом, гроссмейстерами Л. Эвансом, Р. Бирном и другими ведущими шахматистами США, но все эти сближения были недолговечными из-за неуживчивости Бобби, его трудного характера.

Да, Фишер был всегда одинок. И, как нередко бывает в таких случаях, этим воспользовались «духовные отцы» из «всемирной церкви господней». Они начали навещать гроссмейстера, вести с ним душеспасительные беседы о греховной природе человека, о близком втором пришествии Христа, о нравственном самоусовершенствовании. Речи религиозных проповедников упали на хорошо подготовленную почву.

Пытаясь понять, что толкнуло Бобби в объятия адвентистов, Б. Цук-

керман писал: «Я еще раз заметил, что Фишера приводит в раздражение все, чего он не понимает, будь то шахматы или не шахматы. И если в шахматах для него непонятного осталось не так уж много, то по поводу всего остального в мире его представления до сих пор продолжают быть весьма туманными. Возможно, что именно этим обусловлена его тяга к религии, к поискам «высшего разума», чем всегда пользовались и продолжают пользоваться всевозможные «ловцы душ»...»

Вовлекая в свои ряды выдающегося шахматиста, сектанты убивали сразу двух зайцев. Во-первых, с помощью Фишера они поднимали престиж своей организации. Во-вторых, вступление Р. Фишера обещало изрядно поправить денежные дела секты за счет обязательной десятины от его высоких гонораров.

Участники международных турниров, в которых выступал американский гроссмейстер, с удивлением следили за тем, как росла его религиозность.

Во время Всемирной шахматной Олимпиады в Гаване (1966 г.) Т. Петросян однажды прогуливался с Фишером по набережной. Неожиданно американец прервал разговор, включил транзистор и стал ловить какую-то передачу. Это была радиопроповедь, и Фишер с интересом стал слушать ее.

Спасли ли адвентисты молодого гроссмейстера от одиночества, заменили ли ему братья по вере друзей и близких? Вряд ли. Спустя некоторое время Фишер сам смог убедиться в том, что секта использует его в собственных целях. Предоставим снова слово Б. Цуккерману. «Мошенники из его секты, — пишет он, — пользуются душевным смятением Фишера, чтобы еще больше подчинить его своему влиянию. Руководители этой секты — страшные лицемеры. Они проповедуют аскетизм, а сами имеют по нескольку личных самолетов, не говоря уже о «кадиллаках», так как заставляют членов секты отдавать ей десять процентов своих доходов. Они проповедуют «примирение христиан и иудеев», а сами никак не могут примириться между собой и ведут постоянные взаимные интриги. В последнее время верх берет группа Армстронга — бывшего полковника морской пехоты... Как-то раз я спросил Фишера: «Бобби, неужели ты доверяешь этим проходимцам?» Он ответил вопросом на вопрос: «Как ты думаешь, на сколько процентов я им верю?» — «Процентов на десять», — отважился я высказать предположение. «Ты попал в самую точку», — заметил он».

После того как Фишер стал чемпионом мира, руководители секты потребовали, чтобы он отдавал им не 10 процентов своих доходов, как прочие его единоверцы, а 20. Это возмутило гроссмейстера, который, по словам лондонской «Дейли мэйл», заявил, что считает подобное требование весьма странным и рассматривает вопрос о возможности своего дальнейшего пребывания во «всемирной церкви господней».

Прочитав это сообщение, Цуккерман заметил: «Было бы хорошо, если бы он нашел в себе силы сбросить с себя это ярмо, хотя боюсь, что место одних шарлатанов сразу займут другие, более хитрые».

Другим яблоком раздора во взаимоотношениях Роберта Фишера с «всемирной церковью господней» стал его секундант — гроссмейстер отец Ломбарди. Этот католический священник действовал на адвентистских главарей, как красный цвет на разъяренного быка, так как, с точки зрения их вероучения, римская церковь — орудие сатаны. Бобби же он вполне устраивал благодаря его недюжинным антрепренерским способностям.

Видимо, однако, эти и подобные стычки со своими духовными наставниками носили преходящий характер, так как Фишер, правда, с ворчанием удовлетворял все их требования и даже предоставил в распоряжение «всемирной церкви господней» свой дом, который он купил в г. Пасадене (Калифорния).

Как-то между Б. Цуккерманом и Р. Фишером произошел такой разговор:

— Что за жизнь я веду? Что со мной будет после смерти? — риторически вопрошал гроссмейстер.

— После смерти уже ничего не будет... Боюсь, что с твоим характером ты вряд ли способен вести жизнь праведника, но те, кто наставляет тебя на «путь истины», еще дальше от нее, чем ты сам... — ответил Б. Цуккерман.

Г. СМИРНОВ

Чудовище из Мальмсбери

В «Инструкции директору Казанского Университета», высочайше утвержденной 17 января 1820 года, Министерство Народного Просвещения требовало от преподавателей особого внимания к изложению Политических наук. «...Правление Монархическое есть древнейшее и установлено самим Богом, — писалось в инструкции. — Почему один из древних Христианских Мудрецов почтение и покорность, Государям принадлежащие, называет Религией второго Величества. Нравственность сей науки должна быть чиста, почему преподаватель обязан с отвращением указать на правила Махиавеля и Гобса...»

Имя флорентинца Никколо Макиавелли известно достаточно широко. Кто не слышал слова «макиавеллизм», означающего обычай достигать поставленных политических целей, не брезгуя никакими средствами? Гораздо менее широко известно имя английского философа Томаса Гоббса. «Страшнейшего из противников, каких встречала до тех пор духовная иерархия» — так характеризовал его знаменитый английский историк прошлого века Бокль.

«Гоббс — человек страшный в своей безбоязненной последовательности, — писал о нем в 1845 году Александр Герцен. — Учение этого мыслителя... мрачно и сурово... Он в закоснелой, свирепой мысли своей не нашел доказательств ничему божественному... для него люди были врожденными врагами, из эгоистической пользы соединившиеся в общества, и если б их не держала взаимная выгода, они бросились бы друг на друга. На этом основании его уста не дрогнули, с мужеством цинизма, в глаза своему отечеству, Англии, высказать, что он в одном деспотизме находит условие гражданского благоустройства. Гоббс испугал своих современников; его имя наводило ужас на них».

Эту мысль Герцена можно было бы продолжить: Гоббс наводил ужас не только на современников. Даже спустя столетие после смерти его отечество Англия относилось к нему с негодованием, а духовенство всей христианской Европы — с ненавистью... Учение этого философа было объявлено в высшей степени зловредным, разрушительным для религии. И такое мнение имело под собой серьезные основания...

Три имени украшают XVII век английской философии — Бэкон, Гоббс и Локк. Бэкон умер в 1626 году. Труды Локка начали появляться в 1690-х. В этом промежутке времени на протяжении более чем полувека центральной фигурой британской философии была одинокая могучая фигура Гоббса. Родившись в 1588 году — как раз в том, когда англичане отразили нападение испанской Великой Армады — он прожил долгую девяностолетнюю жизнь, наполненную великими историческими событиями. На его глазах прошло бесславное царствование вялого, косноязычного Иакова I. На его глазах шел навстречу собственной гибели самонадеянный и легкомысленный Карл I. На его глазах медленно, но неотвратимо разворачивались грозные события английской революции. Одним из первых он бежал от нее на континент, одним из первых он признал ее законность и одним из первых вернулся на родину, свергнувшую и казнившую короля. Вернулся, чтобы еще через несколько лет увидеть реставрацию монархии...

Современниками Гоббса были выдающиеся философы Европы Декарт, Паскаль, Бэкон, Гассенди. Он был лично знаком с такими учеными, как Гюйгенс и Галилей. Он был учителем принца Уэльского — будущего короля Карла II. Судьбой Гоббса интересовался и занимался лично Оливер Кромвель...

«Левиафан, Или материя, форма и власть государства»

Это произошло в 1651 году, когда после победы над королевскими войсками при Ворчестере революционный генерал Оливер Кромвель достиг вершины своей славы и популярности. Его влияние, проницательность и властность начали беспокоить парламент молодой республики. И однажды, когда он резко заявил о необходимости избрать новых членов парламента, ему жестко ответили, что не менее необходимо избрать и нового генерала. На этот раз парламент считал себя способным сделать больше, чем он мог на самом деле, ибо сила была на стороне Кромвеля.

Генерал предвидел, что многие друзья и соратники обвинят его в предательстве и станут смертельными врагами, если он решится взять в свои руки верховную власть. И теперь, в 1651 году, он лихорадочно искал человека, который мог бы теоретически обосновать его право на власть.

И как это ни дико звучит, такое обоснование дал Томас Гоббс — живущий в эмиграции философ, известный приверженец короля, только что издавший книгу «Левиафан»...

Даже в наши дни читать эту книгу жутковато. Гоббс будто прорубается сквозь хаотические дебри фактов, замыкает весьма отдаленные причины и следствия почти физически ощущаемыми связями, словно бы

стальными рычагами, тросами, шестеренками. И в этой чудовищной фантастической модели человеческого общества, движущейся с неустанностью раз заведенного часового механизма, все даже самые тонкие отправления человеческого духа — любовь, творчество, фантазия, остроумие — получают едва ли не механическое воплощение. Вот лишь некоторые из определений Гоббса:

«Усилие, будучи направлено в сторону того, что его вызвало, называется желанием, а когда усилие идет от чего-нибудь, то оно называется отвращением».

«Желание и любовь обозначают одно и то же, с той разницей, что желание указывает всегда на отсутствие объекта, а любовь большей частью на присутствие его».

«Желание, соединенное с мнением, что желаемое будет достигнуто, называется надеждой».

«Пренебрежение слабой помощью в достижении наших целей называется величием духа».

«Радость, возникающая у человека от представления о его собственной силе и способности, есть то душевное ликование, которое называется славой».

«Неожиданная слава есть страсть, производящая те гримасы, которые называются смехом. Она вызывается у людей или каким-нибудь их собственным неожиданным актом, вызывающим их одобрение, или представлением какой-либо уродливой вещи у другого, по сравнению с чем они неожиданно выдвигаются в своих собственных глазах. Наоборот, неожиданный упадок духа есть страсть, вызывающая плач. Как смех, так и плач, оба являются неожиданными движениями. Привычка их снимает, ибо никто не смеется по поводу старой шутки и никто не плачет по поводу старого несчастья».

В своей теории государства Гоббс так же прямолинеен и резок, как в этих определениях. Начав с основного положения: все люди от природы равны между собой физически и духовно, Гоббс с неумолимой последовательностью приводит читателя к следствию: каждый может претендовать на все — на имущество, на землю, на жен, детей и даже на самую жизнь окружающих его людей. Зато каждый должен быть готов к тому, что и любой из соседей может претендовать на его имущество и его жизнь. Состояние, когда все стремятся ко всему, когда люди живут без всякой другой гарантии безопасности, кроме той, которую им дает их собственная физическая сила и их собственная изобретательность, есть естественное состояние войны всех против всех.

В естественном состоянии нет лучших людей, ибо все равны. Ничто не может быть несправедливым или неправильным. Ибо нет справедливости там, где нет закона, а закона не может быть без общей власти. Устрашенный перспективой пребывания в естественном состоянии, движи-

мый инстинктом самосохранения, каждый человек с готовностью отказывается от своих прав на жизнь и имущество соседей, лишь бы ему гарантировали его собственные.

Такой договор—основа государства, но чтобы оно могло следить, а при случае заставить каждого подданного выполнять принятые на себя обязательства, нужна сила. Лицо, распоряжающееся этой силой, и есть верховная власть. В ней сосредоточены все права, надежды и способности подданных. Она вносит в хаотическое и разрозненное собрание людей закон, порядок, справедливость. Она создает искусственную гармонию противодействующих сил и образует государство — необычное существо, которое Гоббс несколько напыщенно назвал Левиафаном.

Если до сих пор рассуждения Гоббса безупречны с точки зрения логики, с которой он выводит следствия из предпосылок, то дальше происходит любопытная заминка. Печальный свидетель страшных переворотов, он понял только черную сторону событий. Выбрав монархическую точку зрения как фанатик, он защищал ее с изощренным искусством философа. Да, он знал и допускал, что верховная власть может принадлежать не только монарху, но и группе людей, как в аристократическом правлении, и выборным представителям, как в демократии. Он идет даже дальше, проницательно объяснив, что только из-за личной обиды люди называют иногда монархию — тиранией, аристократию — олигархией, а демократию — анархией.

Но в принципе все симпатии Гоббса — на стороне абсолютизма. «Люди по природной склонности предпочитают поручить управление своими общими делами скорее монархической, чем демократической, форме правления». Ведь никому не придет в голову оставить ведение собственного дома собранию друзей или слуг. Монархия кажется Гоббсу идеальной формой правления потому, что в ней частные интересы монарха наиболее полно совпадают с общими интересами государства. Далекий от понимания классовой борьбы и ее определяющей роли в истории Гоббс объясняет восстания против монархий совершенно смехотворными причинами: «Молодые и другие люди, которым не хватает противоядия солидного ума, воображают, что великое преуспеяние обусловливается не соревнованием частных лиц, а их демократической формой правления». Народы не должны увлекаться формами правления, которые они наблюдают у соседних народов больше, чем своими собственными. Ибо процветание их обусловливается послушанием и согласием подданных.

Конечно, Гоббс не мог отрицать, что история знает немало сильных демократических государств, существование которых видимым образом противоречило его монархической доктрине. Но здесь у него была разработана целая теория: «Большие демократические государства всегда держались не открытыми совещаниями их собраний, а или благодаря объединявшему их общему врагу, или популярностью какого-нибудь вы-

дающегося человека среди них, или взаимной боязнью заговоров. Что же касается маленьких государств как демократических, так и монархических, то никакая человеческая мудрость не может их сохранить дольше, чем продолжается взаимная зависть их могущественных соседей».

Гоббс предвидел, что в спорах с ним противники будут часто нажимать на весьма туманное и произвольно толкуемое слово «свобода». И он берется внести ясность в смысл этого понятия со всей резкостью и беспощадностью своего ума. «Если под свободой понимать физическую свободу, то есть свободу от цепей и тюрьмы, то было бы нелепо, чтобы люди требовали такой свободы, которой они явным образом пользуются. Если под свободой понимать свободу от законов, то было бы не менее нелепо, чтобы люди требовали для себя такой свободы, при которой все другие люди могли бы стать хозяевами их жизни. И однако, как это ни нелепо, они именно этого и требуют, не зная, что законы бессильны защищать их, если меч в руках человека не приходит им на помощь, заставляя людей исполнять их. Свобода подданных заключается лишь в тех вещах, которые суверен при регулировании действия людей обошел молчанием».

«Афиняне и римляне были свободны, это значит не то, чтобы какие-нибудь частные люди пользовались там свободой оказывать сопротивление своим собственным представителям, а то, что их представители имели свободу оказывать сопротивление другим народам. На башнях города Лукка начертано в наши дни большими буквами слово «свобода», однако никто не может отсюда заключать, что частный человек пользовался здесь большей свободой или иммунитетом от службы государству, чем в Константинополе. Свобода одинакова как в монархическом, так и в демократическом государстве».

Хотя первоначально «Левиафан» был задуман автором как апология монархии, события на родине незримо меняли его точку зрения. Начав за здравие, он кончил за упокой, и у монархистов-эмигрантов были основания подозревать, что шедевр Гоббса — замаскированный подарок Кромвелю. Несомненно, Кромвель немало извлек для себя из этой книги. А может быть, она даже укрепила его в намерении принять те решения и совершить те действия, которые впоследствии стали достоянием истории. Прежде всего Кромвель увидел в книге теоретическое обоснование своего права на власть. Ведь Гоббс нигде не утверждал, что приниципиально возможна только монархическая форма правления. Более того, обязанности граждан по отношению к власти — считает Гоббс — действительны лишь до тех пор, пока она в состоянии защищать своих граждан. Нельзя обязать человека подчиняться свергнутому правительству, он должен подчиняться тому, которое в действительности управляет страной. Даже армия имеет право перейти на сторону новой власти, ибо «всякий человек обязан защищать на войне всеми силами ту власть, от которой он сам получает защиту в мирное время».

Дальнейшие события показали, что Кромвель с успехом воспользовался и практическими советами Гоббса. Когда афиняне изгоняли «наиболее влиятельных граждан их государства, они никогда не спрашивали себя, какое преступление совершил изгоняемый, а лишь, какую опасность он представляет для государства». Быть может, именно эта идея руководила Кромвелем, когда он отправлял в изгнание и в тюрьму полковника Гариссона, капитана Лильборна, парламентария Вэна — ближайших соратников, с которыми раньше делил он тяготы боевых походов и которые теперь, когда он возглавил государство, стали его врагами.

Законность или противозаконность скопления народа зависит от повода к скоплению и от числа собравшихся. «Делает собрание незаконным такое число, которое наличные представители власти неспособны укротить или передать в руки правосудия», — писал Гоббс. И Оливер Кромвель, зорко следивший за брожением в войске и в парламенте, всегда появлялся вовремя с вооруженным отрядом.

«Человек становится наиболее беспокойным именно тогда, когда ему лучше всего живется, так как тогда он любит показывать свою мудрость и контролировать действия тех, которые управляют государством». К болезням общества «может быть прибавлена свобода высказываться против абсолютной власти, предоставленная людям, претендующим на политическую мудрость», которые «своими непрерывными нападками производят беспокойство в государстве». И через несколько лет Кромвель, не задумываясь, издал декрет, объявлявший государственным преступлением публичные нападки на власть протектора. И он не преминул воспользоваться этим декретом: его генерал-майоры, пренебрегая действующим правом, без указания причин сажали в тюрьмы и высылали из страны тех, кто показался им подозрительным.

Государственная деятельность Кромвеля прекрасно подтверждала теоретические выводы Гоббса. Легкое и мощное движение революционной власти поставило Англию в ряд сильнейших европейских держав и заставило другие нации ценить ее дружбу и страшиться ее вражды.

«Страх перед выдумками, одобренными государством...»

Одна из важнейших особенностей английской революции — сплетение в клубок политических и церковных проблем. Сами названия борющихся партий — католики, пуритане, индепенденты, квакеры — свидетельствуют о том, что мощные, неосознанные еще классовые противоречия вылились здесь в форму религиозных столкновений. Неудивительно поэтому то пристальное внимание, с которым Гоббс приступил к выяснению запутанных отношений между государством и церковью.

И то, и другое обращается со своими предписаниями к одним и тем же людям, поэтому сердце проблемы в том, чтобы выяснить, чьи предписания, безусловно, обязательны для исполнения. Гоббс считает самоочевидным, что это — предписания гражданской власти. Ведь если бы граждане подчинялись не законам государства, а канонам церкви, то государства просто распались бы. И если они все-таки существуют, то лишь потому, что церковь сама подчиняется гражданской власти. «Должен быть один верховный правитель, иначе необходимо возникнут в государстве мятеж и гражданская война между церковью и государством, между приверженцами духовной власти и приверженцами мирской власти, между мечом правосудия и щитом веры».

Таким верховным правителем, конечной инстанцией во всех разногласиях должно быть, по мнению Гоббса, лишь государство. «Страх перед невидимой силой, придуманной умом или воображаемой на основании выдумок, допущенных государством, называется религией. То же, почерпнутое из выдумок, не допущенных государством, называется суеверием». «Церковь, собравшаяся в каком-либо государстве, запретившем ее собрание, является, незаконным собранием». «Ересь — упрямо защищаемое частное мнение, идущее вразрез с тем мнением, которое государственное лицо постановило пропагандировать!»

«Нет на земле такой универсальной церкви, которой все христиане были бы обязаны повиноваться, так как нет такой власти на земле, по отношению к которой все другие государства были бы подданными». Эти слова философа можно было бы счесть за тонкий намек в адрес католической церкви и ее главы папы римского, если бы Гоббс не счел необходимым еще больше прояснить свою мысль: христианские короли «могут поручить управление своими подданными в делах религии папе, но тогда папа подвластен в этих вопросах им, и он выполняет это поручение на чужой территории именем гражданского суверена, а не именем бога, и он может быть поэтому уволен от этой должности, когда суверен сочтет это необходимым для блага своих подданных».

«Вера не имеет отношения к принуждению и приказаниям и не зависит совершенно от них... Вот почему служители Христа в этом мире на основании своего титула не имеют никакой власти наказывать людей за неверие или за то, что они противоречат их словам».

Наказывать подданных может лишь гражданский суверен. Но он не имеет власти над верой. Он может требовать лишь формального выполнения обрядов и предписаний церкви. И если бы нам в нехристианском государстве предписали бы «выражать языком или внешними знаками исповедания, противные христианству, то мы должны были бы повиноваться законам государства, сохраняя в сердце веру в Христа».

Можно понять бешенство и озлобление католического духовенства. Ведь было время, когда отлучением от церкви папы римские низлагали и

унижали королей, по собственному усмотрению распределяли короны. Ведь было время, когда на кострах инквизиции тысячами сжигались люди, не угодившие церкви. И вот теперь дерзкий англичанин, можно сказать, между делом перечеркнул вековые привилегии церкви. Больше того, он — глубокий знаток библии, показал, что все притязания Рима на власть над христианами во всем мире зиждятся на нагромождении ошибок в толковании священного писания.

Рассмотрев библию с позиций своей теории государства, он предложил толковать понятие «царство божие» как гражданское царство, то есть как государство, которым правит сам бог, как суверен, через уполномоченного своего Моисея.

Потом израильтяне, как известно, отказались от такого правления и избрали на царство Саула. Но согласно предсказаниям пророков за этим царством — царством человеческим — грядет царство Христово, то есть такое, в котором Христос будет гражданским сувереном. Такое буквальное толкование царства божия разом отсекает утверждения духовенства, будто церковь уже сейчас есть царство Христово, низводит ее до уровня собраний, разрешенных государством, и, что обиднее всего, отнимает у нее все мирские привилегии. И Гоббс не преминул с устрашающей проницательностью перечислить эти привилегии.

Прикрывшись именем служителей бога, папа заставил христианских государей верить, что неповиновение ему есть неповиновение самому Христу, и стал в итоге универсальным монархом всего христианского мира. Назначая сам, независимо от гражданских правителей, епископов, папа в каждой стране имеет множество влиятельных агентов, через которых может действовать на непокорных ему гражданских суверенов. Подчиняющееся папе черное духовенство, монахи и чернецы «во многих местах составляют такую огромную часть всего населения, что из них одних можно было бы составить армию для войны против их собственных государей». Утверждая, что брак есть таинство, папа вручает в руки духовенства право решать законность брака и делает его судьей в вопросах престолонаследия. Даже догмат о безбрачии духовенства есть следствие не возвышенного служения богу, но стремление упрочить власть пап. «Если король является священником, то он не может жениться и передать королевство своему потомству. Если же он не священник, тогда папа претендует на церковную власть над ним и его народом». Тайну исповеди духовенство сделало оружием против гражданской власти. Основав университеты, папы затуманивают умы народов бессмысленными терминами и темным языком схоластов, чтобы сделать невозможным раскрытие своих ошибок и преступлений. И этим лишний раз подчеркивают свою кровную связь с языческими суевериями Рима и Греции.

Папы, претендующие ныне быть государями государей, в свое время сами получили свое имя и титул из рук гражданского суверена — импера-

тора Константина. У греков и римлян христиане заимствовали обычай носить иконы во время процессий, применять свечи и святую воду. «Всякий, кто займется вопросом о происхождении этой великой церковной власти, легко заметит, что папство представляет собой не что иное, как привидение умершей Римской империи, сидящее в короне на ее гробу. Ибо папство внезапно появилось из развалин этой языческой власти».

29 мая 1660 года, разглядывая через окна кареты толпы ликующих лондонцев, Карл II — сын казненного короля, возведенный на английский престол интригами генерала Монка, — иронически заметил: «Я сам виноват, что не вернулся раньше, так как каждый уверяет меня, что страстно желал моего возвращения».

Карл II ненавидел англиканское духовенство не столько из видов просвещенной политики, сколько из любви к порочной свободе действий. Он не только не поддерживал власти этого сословия, но даже часто выражал к нему презрение. В пику епископам он сам стал заниматься в специально оборудованной лаборатории изучением свойств ртути и принял под свое покровительство те полутайные сборища ученых, которые вошли потом в историю как Королевское научное общество. Удивительно ли, что Гоббс оказался настоящей находкой для Карла?

Благоволение короля создало моду на Гоббса. В разных слоях лондонского общества появились молодые люди, именовавшие себя «гоббистами», и эта популярность привлекла внимание парламента к персоне философа. Парламент 1660 года, собравшийся после реставрации монархии, естественно, оказался настроен весьма верноподданнически. И одним из его самых важных решений считается решение защищать епископальную англиканскую церковь и от нападок воинствующего протестантства, и от притязаний папства. Парламент лишний раз подтвердил мысль, которую укрепила в умах англичан революция: верный роялист не может не быть верным сыном англиканской церкви. Именно здесь и лежит корень гоббсовских злоключений на склоне его лет. Философа, не стесняющегося приписывать все смуты в государствах распущенности духовенства, едва ли кто-нибудь рискнул бы назвать верным сыном церкви. А это бросало тяжкую тень сомнения и на искренность его монархизма. Гоббс, всю жизнь хохотавший над суевериями, неожиданно стал их жертвой. В 1666 году распространился слух, что чума и великий лондонский пожар — божья кара за безверие и богохульство. Парламент в срочном порядке принял решение о борьбе с атеизмом и признал «Левиафан» вредной книгой, подлежащей запрещению и уничтожению...

Когда в октябре 1679 года вызванный к Гоббсу врач сокрушенно развел руками, 90-летний философ спокойно сказал ему: «Я очень рад, что нашел щель, через которую смогу выскользнуть из этого мира».

Через несколько недель его разбил паралич, и 4 декабря не стало «Философа из Мальмсбери».

Пожалуй, никогда еще смерть одинокого девяностолетнего старика не вызывала столь бурного оживления и почти неприличного веселья, с каким Англия XVII века встретила известие о том, что умер Томас Гоббс. Сотнями издевательских эпитафий, пародий, эпиграмм откликнулась нация на смерть одного из своих величайших философов.

«Неужели, неужели он умер, наконец?» — восклицал автор пародийной элегии на смерть Гоббса. Другой спешил опубликовать издевательскую оду «Правдивое и достоверное описание чудовища из Мальмсбери». Остряки упражнялись в выдумывании эпитафий.

Понадобились столетия, чтобы злоба дня отлетела от имени философа, чтобы потомки смогли по достоинству оценить его идеи. Французские энциклопедисты уже были в большей или меньшей степени его учениками. О нем, как о «первом последовательном материалисте», «одном из самых интересных и самых богато одаренных материалистов нового времени» отзывались Меринг и Фейербах. Его неумолимой логикой восхищался Маркс, его любил цитировать Энгельс...

Однажды Наполеон, недовольно взглянув на графа Лапласа, хмуро сказал: «Я только что снова просмотрел вашу «Небесную механику», вы сделали в ней серьезное упущение: забыли назвать творца Вселенной».

Гениальный математик и лукавый царедворец удивленно вскинул брови: «Сир! Эта гипотеза мне не понадобилась».

Свидетелей этого разговора поразила осторожная дерзость Лапласа, устами которого наука впервые заявила о своей готовности объяснить сотворение мира, не прибегая к вмешательству бога. Но, пожалуй, ответ Лапласа произвел бы на окружающих меньший эффект, если бы они были хорошо знакомы с идеями Томаса Гоббса — философа, который на полтора столетия раньше сделал нечто гораздо более удивительное — освободил от божественного вмешательства рождение и жизнь государств.

СОДЕРЖАНИЕ

М63 **Мир человека.** **Сост.** А. Романов. Художник В. Грызлов. М., «Молодая гвардия», 1976.

160 с. с ил.

Очередной атеистический сборник продолжает традиции предыдущих выпусков. В книгу вошли научные и публицистические статьи, очерки и репортажи, интервью и эссе. Отдельные главы посвящены зарубежной и военной тематике, разоблачению религиозной подоплеки фашизма.

На страницах сборника выступают известные писатели, художники, журналисты, в чьем творчестве атеистическая тема всегда занимала важное место.

2

М $\frac{10509-159}{078(02)-76}$ 115—76

В книге помещены фото АПН, фотохроники ТАСС и др. На обложке использованы рисунки художника Ж. Эффеля.

МИР ЧЕЛОВЕКА

Редактор **Н. Притулина**
Художественный редактор **Н. Коробейников**
Технический редактор **Т. Кулагина**
Корректоры **В. Назарова, Г. Трибунская**

Сдано в набор 16/I 1976 г. Подписано к печати 1/VI 1976 г. А05107. Формат $60\times90^{1}/_{16}$. Бумага № 1. Печ. л. 10 (усл. 10) + + 16 вкл. Уч.-изд. л. 13. Тираж 100 000 экз. Цена 77 коп. Т. П. 1976 г., № 115. Заказ 2378.

Типография ордена Трудового Красного Знамени изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, Сущевская, 21.

Hydra.

Crater

ARGO NAVIS.

Canis Major.

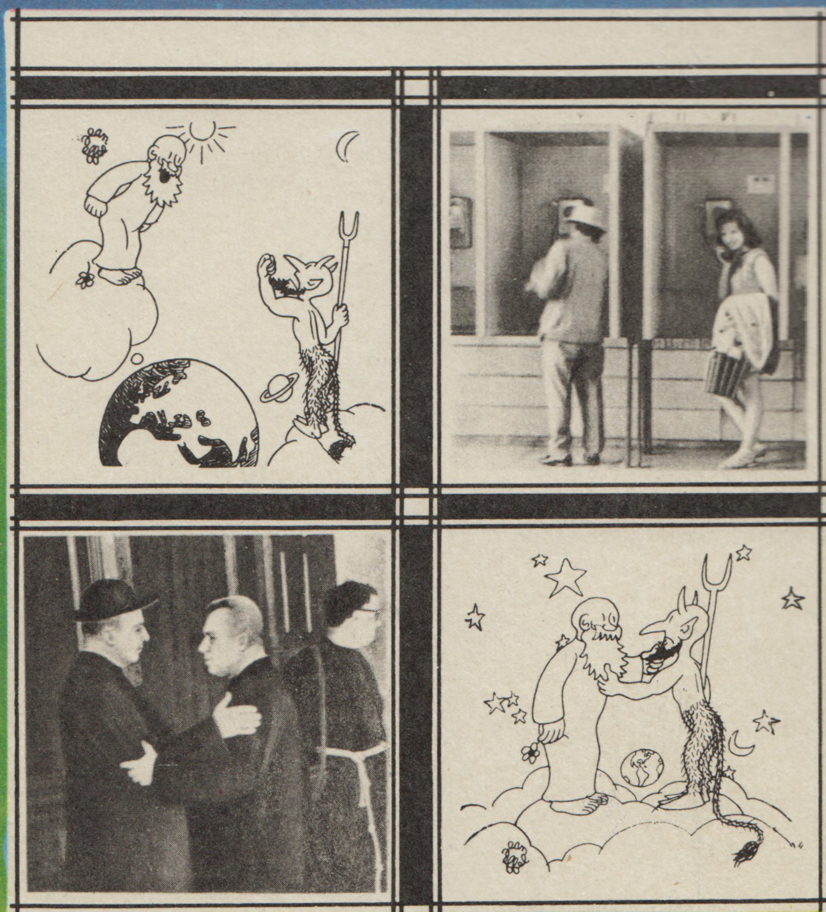
Centaur

Columba

Crux.

Fig. E.E.e.

77 коп.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

МИР ЧЕЛОВЕКА · 1976 ·